

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра гражданского процесса и трудового права

Современные тенденции развития
цивилистического процессуального права

Сборник статей по материалам международного научно-практического
круглого стола, приуроченного к 70-летию профессора кафедры
гражданского процесса и трудового права юридического факультета
Белорусского государственного университета И. Н. Колядко

15 апреля 2022 г., Минск, Беларусь

Минск
2022

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета БГУ
31 октября 2022 г., протокол № 2

Под редакцией О. Н. Романовой, И. Н. Колядко

Рецензенты:

Мещанова М. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета;

Шкляревский А. Н., кандидат юридических наук, доцент, декан факультета права Белорусского государственного экономического университета.

Современные тенденции развития цивилистического процессуального права : сборник статей по материалам международного научно-практического круглого стола, приуроченного к 70-летию профессора кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета И. Н. Колядко, 15 апреля 2022 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. гражданского процесса и трудового права ; [под ред.: О. Н. Романовой, И. Н. Колядко]. – Минск : БГУ, 2022. – 128 с. – Библиогр. в конце отд. ст.

В сборнике помещены статьи ученых и практикующих юристов Республики Беларусь, зарубежных стран о современных тенденциях развития цивилистического процессуального права по материалам докладов международного научно-практического круглого стола, приуроченного к 70-летию профессора кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета И. Н. Колядко.

Романова О. Н., Рапян Ю. Х., Синюк Е. В.

**ИВАН НИКОЛАЕВИЧ КОЛЯДКО – ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, olgeras2@mail.ru*

12 января 2022 г. профессор кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук доцент Колядко Иван Николаевич отметил юбилейную дату – ему исполнилось 70 лет!

Иван Николаевич Колядко является одним из ведущих ученых, широко известных как в Республике Беларусь, так и за рубежом, в области гражданского процессуального права, судебного контроля за административным правоприменением и исполнительного производства. Талантливый ученый, замечательный педагог, мудрый руководитель с потрясающим чувством юмора – таким знают Ивана Николаевича все, кто учился и работал на юридическом факультете БГУ. В истории юридического факультета и кафедры гражданского процесса и трудового права с именем Ивана Николаевича Колядко связана значительная веха. На протяжении более 20 лет он возглавлял кафедру, при нем сформировался крепкий профессиональный коллектив со своими педагогическими и научными традициями, продолжилось формирование научных школ, создана особая душевная творческая атмосфера взаимопонимания и поддержки, что очень высоко ценится коллегами.

Иван Николаевич родился в д. Козловичи Слуцкого района Минской области. После окончания в 1974 г. юридического факультета БГУ всю свою профессиональную деятельность связал с родной *Alma mater*, пройдя путь от преподавателя до заведующего кафедрой гражданского процесса и трудового права. В 1986 г. Иван Николаевич успешно защитил под руководством профессора (а ныне члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси) В. Г. Тихини кандидатскую диссертацию на тему «Судопроизводство по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях» по специальности 12.00.03 («Гражданское право, гражданский процесс, семейное право, международное частное право»). Не потеряли актуальности, закрепленные в диссертации рассуждения автора относительно понятия «вид производства (судопроизводства)», которые в дальнейшем развивались им в учебниках по гражданскому процессу и научных публикациях. Так, ученый, дополняя позицию Д. М. Чечота, пишет: «Непосредственное и различное в каждом виде судопроизводства влияние правовой природы гражданских дел, на наш взгляд, отражается на характере норм: о подведомственности; о составе лиц, имеющих материально-правовой интерес в исходе дела; о совокупности их

прав по распоряжению предметом спора; о средствах возбуждения гражданских дел; о средствах обеспечения заявлений о возбуждении гражданских дел; о структуре и правилах определения предмета доказывания; о правилах распределения обязанностей по доказыванию; о способах защиты» [1, л. 22; 2, с. 44; 3, с. 31].

Другой темой, которой посвящено большое количество трудов И. Н. Колядко являются вопросы стадий гражданского процесса. Так, ученый выделяет в зависимости от процессуальной цели стадии рассмотрения и стадии разрешения гражданских дел. К стадиям разрешения относятся: производство в суде первой инстанции; производство во второй инстанции; производство в суде надзорной инстанции; производство по пересмотру дел по вновь открывшимся обстоятельствам и исполнительное производство (исполнение *по гражданским делам* сохраняет статус завершающей стадии процесса). В свою очередь, в каждой из указанных стадий правоприменение происходит не одномоментно. По этой причине следует выделять стадии рассмотрения дела: возбуждение; подготовка к рассмотрению; рассмотрение дела в судебном заседании или в ином порядке; вынесение постановления суда или иного уполномоченного лица (судебного исполнителя) [3, с. 24-28]. Эти рассуждения нашли отклик в работах таких известных российских процессуалистов, как М. С. Шакарян [4, с. 25] и Г. Л. Осокина [5, с. 102]. В последнем издании учебника И. Н. Колядко одобрил предложенную О. Н. Здрок идею стадии примирения [3, с. 29].

Особый интерес у И. Н. Колядко вызывает тема производства по делам, возникающим из административных (публичных) правоотношений. Еще в 1986 г. им было предложено расширить круг административных актов (действий) должностных лиц, государственных и общественных органов, подлежащих судебному обжалованию [3, л. 56–57; 6, с. 97]. Спустя много лет И. Н. Колядко отмечает: «Лично я до сих пор с благодарностью вспоминаю общение и работу Д. М. Чечота над моей диссертацией на соискание ученой степени кандидата юридических наук в 1986 г. и его справедливое замечание в отзыве о необходимости выработки и использования общего правила о праве на обжалование неправомерных действий, а не перечневого способа определения круга подведомственных суду дел. До сих пор при совершенствовании законодательства в Беларуси и в России (Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации) такое правило не сформулировано удовлетворительно» [7, с. 235].

Среди белорусских авторов И. Н. Колядко первым обратил внимание на возможность и целесообразность закрепления в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, института административного иска [8]. Данная идея в определенной степени была учтена составителями проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь. Дело в том, что хотя Проект и оперирует термином «заявление», оно содержит большое количество черт, присущих административному иску. Перспективным представляются рассуждения ученого о необходимости выдачи исполнительных листов по делам публично-правового характера.

В круг научных интересов юбиляра входят также проблемы проверочных стадий гражданского судопроизводства, результатом деятельности в этом направлении стало участие совместно с Т. А. Беловой в коллективной монографии «Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ» (2007 и 2012) под редакцией Е. А. Борисовой [9; 10].

В последние годы научный взор Ивана Николаевича направлен на проблему унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства путем принятия единого кодекса. И. Н. Колядко детально анализирует концептуальные вопросы Кодекса гражданского судопроизводства, его систему [11–14]. В своих публикациях ученым было одобрено использование наименования Кодекс гражданского судопроизводства, а не Гражданский процессуальный кодекс ввиду отделения законодательства об исполнительном производстве.

Кроме обозначенных тем, которых касался автор в своих как научных, так и учебных работах, необходимо отдельно отметить, что в учебной литературе перу автора всегда принадлежали разделы о предмете и системе гражданского процессуального права, о компетенции судов (как подведомственности, так и подсудности), о составе участников процесса, статусе прокурора, о средствах и способах судебной защиты, о судебном разбирательстве, общих положениях производства по делам, возникающим из административных правоотношений, об апелляционном (ранее – кассационном) производстве, общих вопросах исполнительного производства.

И. Н. Колядко внес значительный вклад в развитие гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь. В 1992–1993 гг. входил в состав авторского коллектива (вместе с Н. Г. Юркевичем и Т. А. Беловой) и парламентской комиссии по разработке проекта Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, в 1997–1998 гг. – в состав рабочей комиссии по проекту Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь и рабочей комиссии по подготовке новой редакции Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь.

С 1994 г. Иван Николаевич - арбитр Международного арбитражного суда при БелТПП. На протяжении многих лет является членом научно-консультативного совета Верховного Суда Республики Беларусь, членом редколлегии журналов «Юстиция Беларуси» и «Вестник Омского университета. Серия “Право”», членом президиума научно-методического совета при Министерстве образования по специально-техническому, среднеспециальному, высшему, послевузовскому образованию и дополнительному образованию взрослых, членом группы экспертов в области права при Администрации Президента Республики Беларусь.

За высокие результаты в профессиональной деятельности Иван Николаевич был награжден почетными грамотами БГУ (2005, 2019), почетной грамотой и нагрудным знаком Верховного Суда Республики Беларусь (2015, 2022), нагрудными знаками Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь «Почетный работник Хозяйственного Суда Республики

Беларусь» (2005), Министерства юстиции Республики Беларусь «Почетный работник юстиции Беларуси» (2005), «За отличие» II степени (2009), «За отличие» I ступени (2015), Белорусского государственного университета «100 лет БГУ» (2021), Министерства образования Республики Беларусь «Отличник образования» (2007), почетными грамотами профсоюзной организации сотрудников БГУ (2010) и Белорусского республиканского Союза юристов (2011), почетным званием «Заслуженный работник БГУ» (2014), памятным знаком Союза юристов «EX LEGE» (2016), дипломом конкурса на приз имени В. Д. Спасовича (2011).

Профессор И. Н. Колядко подготовил около 200 научных публикаций, среди которых учебники и учебные пособия, научно-практические комментарии. Совместно с Н. Г. Юркевичем и Т. А. Беловой он выступил редактором первого (2000, 2002), второго (2006, 2007), а совместно с Т. А. Беловой – третьего (2020, 2022) издания учебников по гражданскому процессу. Является редактором практикума по гражданскому процессу (2000, 2018), научно-практического комментария к ГПК (совместно с Т. А. Беловой и И. А. Мирониченко, (2005)), комментариев к ХПК (совместно с профессором В. С. Каменковым (1999, 2003, 2006)).

Активная научная деятельность Ивана Николаевича способствовала созданию условий для подготовки научных работников высшей квалификации, появлению плеяды молодых ученых и успешного развития научных школ. Под руководством Ивана Николаевича подготовлено и защищено 8 кандидатских диссертаций: Т. С. Тарановой (2001), И. И. Верховодко (2001), Н. В. Козловской (2004), Т. В. Вороновичем (2008), В. В. Паращенко (2009), Е. П. Хотько (2012), Ю. В. Кочурко (2012), Е. А. Михасёвой (2015). И в настоящее время Иван Николаевич продолжает активную научную деятельность, являясь научным консультантом кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ и осуществляя руководство четырьмя аспирантами и соискателями кафедры.

За свою профессиональную карьеру И. Н. Колядко участвовал в подготовке научных кадров и в качестве оппонента по диссертациям, подготовленным в иных учебных и научных учреждениях Республики Беларусь. «Крестными детьми» юбиляра в науке являются: В. В. Жандаров (2001), А. В. Жарский (2001), И. Ю. Кирвель (2003), Д. Л. Корнейчук (2003), А. С. Данилевич (2004).

По всем диссертациям на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук по специальности 12.00.15 «гражданский процесс; хозяйственный процесс; арбитражный процесс» (особо выделим нынешних докторов наук – В. С. Каменков (2003), Т. С. Таранова (2012), О. Н. Здрок (2019)) Иван Николаевич выступал экспертом с положительной оценкой произведенных исследований.

Нельзя обойти стороной и взаимодействие Ивана Николаевича с зарубежными коллегами-процессуалистами. Так, особо крепкие и плодотворные в научном плане отношения сложились с ведущими специалистами в области гражданского процессуального права России –

профессорами М. К. Треушниковым (1938–2021), Е. А. Борисовой (оба ученых являются представителями Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова), А. Т. Боннером (1937–2020) (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)) и В. В. Ярковым (Уральский государственный юридический университет) и многими другими учеными. В советский период на становление взглядов И. Н. Колядко большое влияние оказали труды Д. М. Чечота (в тот период профессора Ленинградского государственного университета) – ведущего ученого в области административной юстиции, который также являлся официальным оппонентом Ивана Николаевича по кандидатской диссертации.

В рамках сотрудничества с российскими процессуалистами И. Н. Колядко совместно с профессором Н. Г. Юркевичем принимал участие в обсуждении проекта ГПК Российской Федерации в 1997 г.

Будучи заведующим кафедрой гражданского процесса и трудового права, юбиляр ряд своих публикаций посвятил вопросам, находящимся на стыке гражданского процессуального и трудового права [15; 16]. И. Н. Колядко также постоянно выступает в качестве одного из авторов комментариев к Трудовому кодексу Республики Беларусь, последнее издание которого вышло в свет в 2020 г. [17].

Коллектив юридического факультета БГУ сердечно поздравляет Ивана Николаевича Колядко с юбилеем и желает ему крепкого здоровья, семейного благополучия, творческих достижений, талантливых учеников, интересных проектов и дальнейших успехов в профессиональной деятельности!

Библиографические ссылки

1. Колядко И. Н. Судопроизводство по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Минск, 1986.
2. Колядко И. Тенденции развития законодательства и институтов стадий и видов судопроизводства в гражданском и хозяйственном процессе // Юстыцыя Беларусі. 2005. № 11. С. 41–46.
3. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд. центр БГУ, 2020.
4. Гражданский процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
5. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. М. : Норма: ИНФА-М, 2013.
6. Колядко И. Н. Гражданское судопроизводство и право граждан на обжалование в суд неправомерных действий должностных лиц // Право и демократия : межвед. сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина ; редкол.: В. Г. Тихиня (гл. ред.) [и др.]. Минск, 1988. Вып. 1. С. 93–98.

7. Колядко И. Н. О роли профессора М. К. Треушникова в развитии школы гражданского процессуального права Республики Беларусь // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 5. С. 233–241.

8. Колядко И. Н. Административный иск как средство унификации правосудия по гражданским и экономическим делам // Развитие судебной власти в Республике Беларусь: материалы междунар. круглого стола, 20 апр. 2017 г., Минск / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак., кафедра уголов. процесса и прокурор. надзора ; редкол.: А. А. Данилевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2017. С. 5–50.

9. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / под ред. Е. А. Борисовой. М. : Норма, 2007.

10. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / под ред. Е. А. Борисовой. 2-е изд., перераб и доп. М. : Норма, 2012.

11. Колядко И. Н. Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2018. С. 495–498.

12. Колядко И. Н. Концептуальные основы Кодекса гражданского судопроизводства // Государство и право в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 нояб. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т, Юрид. фак. ; редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 473–477.

13. Колядко И. Н. О некоторых проблемах системы Кодекса гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2021. Вып. 6. С. 302–309.

14. Колядко И. Н. Виды судопроизводства по гражданским делам: концепции и их нормативная реализация // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее : сб. докладов на I междунар. науч. конф. памяти М. К. Треушникова, Москва, 9 февраля 2022 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, юрид. фак. ; под ред. В. В. Молчанова. М., 2022. С. 155–159.

15. Колядко И. Н. Трудовой кодекс и процессуальные средства защиты // Промышленно-торговое право. 2003. № 3. С. 97–100.

16. Колядко И. Н. О совершенствовании процессуальных средств защиты трудовых прав // Научные чтения памяти профессора В. И. Семенкова : сб. материалов респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Минск, 7 дек. 2017 г.) / Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: С. М. Сивец [и др.]. Минск, 2017. С. 402–404.

17. Постатейный комментарий Трудового кодекса Республики Беларусь / ред. совет: Г. А. Василевич (пред.); А. А. Греченков, Г. Б. Шишко [и др.]. Минск : Регистр, 2020.

Алфимова А. С.

ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ: ИЗБЫТОЧНЫ ЛИ ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ РОССИЙСКИМ ЗАКОНОМ МЕХАНИЗМЫ?

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, 9, 125993, г. Москва, Россия,
alf.aleksandra@yandex.ru*

Результатом процессуальных реформ в России стала унифицированная многоступенчатая система обжалования судебных актов по гражданским и арбитражным делам. В этой системе можно выделить три блока.

Первый блок включает прямо указанные в законе и в теории процессуального права стадии обжалования, каждая из которых по общему правилу возможна после прохождения предыдущей. Наличие такого правила позволяет отнести нашу модель обжалования к последовательной в отличие, например, от Испании или Германии. Так, в Германии можно подать кассационную жалобу, если обе стороны пропустили срок апелляционного обжалования и заключили соглашение о возможности обращения в кассационном порядке [1, с. 23].

В самом общем виде, если мы говорим об обжаловании решения, вынесенного районным судом общей юрисдикции или арбитражным судом субъекта РФ, в первый блок мы включим следующие стадии.

Апелляция: апелляционные жалобы рассматриваются судом общей юрисдикции субъекта РФ или арбитражным апелляционным судом.

Первая, так называемая сплошная или непосредственная кассация: кассационные жалобы рассматриваются кассационным судом общей юрисдикции или арбитражным судом округа. Непосредственность кассации означает, что поданная с соблюдением требований кассационная жалоба сразу попадает на рассмотрение суда кассационной инстанции, отсутствует этап ее предварительной проверки и принятия решения о передаче или об отказе в передаче на рассмотрение.

Вторая, так называемая опосредованная кассация: кассационные жалобы рассматриваются соответствующими судебными коллегиями Верховного Суда РФ после передачи кассационной жалобы судьей Верховного Суда РФ. Согласно статистике Верховного Суда РФ за 2021 год в рамках второй кассации в Судебную коллегию по гражданским делам было подано 64 344 жалобы, из них переданы для рассмотрения 788, что составляет 1,2 %. В свою очередь в Судебную коллегию по экономическим спорам в порядке второй кассации было подано 39 967 жалоб, из них переданы для рассмотрения 451, что составляет 1,1 % [2].

Надзор: надзорные жалобы рассматриваются Президиумом Верховного Суда РФ после передачи надзорной жалобы судьей Верховного Суда РФ. Согласно той же статистике в 2021 г. в порядке надзора было подано 109 жалоб по гражданским делам и 499 жалоб по экономическим спорам. Ни

одна из этих жалоб не была передана на рассмотрение Президиума Верховного Суда РФ.

Таким образом, непосредственными способами правовой защиты выступают апелляционное обжалование и обжалование в кассационный суд общей юрисдикции или арбитражный суд округа. В свою очередь вторая кассация и надзор являются опосредованным порядком обжалования, так как передача жалоб зависит от единоличного решения судьи Верховного Суда РФ.

При анализе опосредованных механизмов правовой защиты интересно обратиться к позиции Европейского суда по правам человека, разделяемой многими учеными-процессуалистами. Вышеупомянутый суд последовательно придерживается мнения, что «средства правовой защиты, использование которых зависит от дискреционных полномочий государственных должностных лиц и, как следствие, не являются непосредственно доступными заявителям, не могут рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты» [3, с. 36].

Вместе с тем наличие так называемого «фильтра» в рамках второй кассации и надзора представляется обусловленным самой сутью и предметом обжалования в эти судебные инстанции. Целью судебных коллегий и Президиума Верховного Суда РФ является не исправление ошибок нижестоящих судов (для этого есть апелляция и первая кассация), а развитие российского права, выработка системообразующих непротиворечивых подходов его применения и толкования, качественное регулирование гражданского оборота; устранение пробелов.

В связи с этим можно прийти к положительной оценке существующего набора ординарных механизмов обжалования судебных актов, включающего две непосредственные стадии (апелляция и первая кассация), и две опосредованные стадии (вторая кассация и надзор).

Второй блок в системе обжалования судебных актов по гражданским и арбитражным делам – это закрепленные процессуальными кодексами механизмы обращения к Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю с просьбой передать кассационную/надзорную жалобу в судебную коллегия/Президиум Верховного Суда РФ после отказа в их передаче (ч. 3 ст. 390.7, ч. 3 ст. 391.5 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ); ч. 8 ст. 291.6, ч. 7 ст. 308.4 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)).

Согласно статистике около 3 % рассмотренных Судебной коллегией по гражданским делам кассационных жалоб переданы Председателем Верховного Суда РФ или его заместителем. Аналогичная статистика Судебной коллегии по экономическим спорам отсутствует.

Если говорить о надзоре, то согласно рассматриваемой статистике ни разу обращение к Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю не привело к передаче надзорной жалобы по гражданскому делу на рассмотрение. Аналогичная статистика по экономическим спорам отсутствует.

Наличие описываемых полномочий у Председателя Верховного Суда РФ и его заместителя объясняется в науке гражданского процессуального

права необходимостью преодоления невозможности дальнейшего обжалования [4, с. 15]. Ведь если вынесено определение об отказе в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегия Верховного Суда РФ, то становится недоступна вторая кассация и надзор. В случае если вынесено определение об отказе в передаче надзорной жалобы, то становится недоступен надзор.

Просьбы Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю о передаче кассационной или надзорной жалобы для рассмотрения оформляются в виде кассационной или надзорной жалобы соответственно.

При этом срок кассационного/надзорного обжалования и обращения к Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю с просьбой о передаче кассационной/надзорной жалобы является единым. Например, для экономических споров срок кассационного обжалования в Судебную коллегия Верховного Суда РФ составляет два месяца с постановления арбитражного суда округа. Лицо подает кассационную жалобу в Судебную коллегия, например, через месяц после постановления первой кассации. С момента подачи такой жалобы срок кассационного обжалования не течет, а после отказа в передаче продолжает течь. Соответственно, если лицо «израсходовало» месяц на подачу кассационной жалобы в Судебную коллегия, у него остается месяц, чтобы подать Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю просьбу о передаче жалобы. Такие разъяснения были даны Конституционным Судом РФ в Постановлении от 12.07.2018 № 31-П.

В рамках рассматриваемого блока снова интересно обратиться к позиции Европейского суда по правам человека, разделяемой и в науке гражданского процессуального права. Так, в 2015 г. суд указал: «Тот факт, что Председатель Верховного Суда РФ или его заместитель действуют по жалобе одной из сторон в установленные сроки, не меняет вывод о том, что такая жалоба является по сути непрямым чрезвычайным средством правовой защиты, которое остается за пределами нормальной структуры внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии с общепризнанными нормами международного права» [5, с. 69].

Ученые-процессуалисты также в основном негативно оценивают наличие дискреционных полномочий у Председателя Верховного Суда РФ и его заместителя. Ими указывается, что, учитывая наличие двух проверочных непосредственных стадий (апелляция и первая кассация), «необходимость наделения должностных лиц подобными полномочиями отсутствует» [6, с. 50]. В качестве аргументов звучат также нарушение принципа независимости судей и их беспристрастности; неопределенность критериев, по которым жалоба передается на рассмотрение; фактическое увеличение числа инстанций [7, с. 32].

Вновь обращаясь к целям второй кассации и надзора, нельзя не отметить, что закрепление подобных полномочий Председателя Верховного Суда РФ и его заместителя не соответствует существу обжалования в эти судебные инстанции. Полагаем, что, несмотря на ограничение сроков

обращения к Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю, рассматриваемый механизм создает некоторую нестабильность гражданского оборота. Более того, с практической точки зрения очень мало лиц применяют его, а если и применяют, то это почти никогда не приводит к передаче жалоб для рассмотрения.

Третий блок в системе обжалования судебных актов по гражданским и арбитражным делам включает в себя экстраординарный способ передачи Председателем Верховного Суда РФ или его заместителем надзорной жалобы для рассмотрения Президиумом Верховного Суда РФ в случае, если дело не было рассмотрено второй кассацией (ст. 391.11 ГПК РФ, ст. 308.10 АПК РФ).

Судебная статистика по реализации указанного механизма и по гражданским делам, и по экономическим спорам отсутствует.

В Определении Конституционного Суда РФ от 06.06.2016 № 1155-О установлено, что описываемый механизм является «особой самостоятельной процедурой инициирования пересмотра судебных постановлений в порядке надзора, при этом полномочие Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя не связано с полномочиями этих должностных лиц, закрепленными ч. 8 ст. 291.6 и ч. 7 ст. 308.4 АПК РФ, и не является их логическим продолжением». Эта позиция применяется по аналогии и для гражданских дел.

Конституционный Суд РФ приходит к выводу, что возможность внесения Председателем Верховного Суда РФ или его заместителем «представления о пересмотре в порядке надзора любого судебного постановления (первой, апелляционной или кассационной инстанций), независимо от обжалования этого судебного акта в судах нижестоящих проверочных инстанций, имеет своей целью устранение фундаментальных нарушений норм права на более ранних этапах процесса без соблюдения общих правил подсудности, закрепленных процессуальным законодательством и предусматривающих необходимость при обжаловании судебного акта последовательного соблюдения принципа инстанционности».

Согласно закону целью «экстраординарного надзора» является устранение фундаментальных нарушений норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на законность обжалуемых судебных постановлений и лишили участников спорных материальных или процессуальных правоотношений возможности осуществления прав, гарантированных ГПК РФ или АПК РФ, в том числе права на доступ к правосудию, права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон, либо существенно ограничили эти права.

Просьба Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю о передаче дела для рассмотрения в порядке надзора оформляется в виде надзорной жалобы.

Однако, учитывая, что это, по сути, самостоятельный способ обжалования, срок для него не связан со сроком надзорного обжалования и

течет самостоятельно. Согласно ч. 2 ст. 391.11 ГПК РФ он составляет шесть месяцев со дня вступления обжалуемых судебных актов в законную силу, а в соответствии с ч. 4 ст. 308.10 АПК РФ – четыре месяца.

В науке гражданского процессуального права механизм «экстраординарного надзора» оценивается еще более отрицательно, чем дискреционные полномочия Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя, описанные нами во втором блоке. Среди недостатков такого надзора перечисляются «неопределенность оснований для реализации названного полномочия»; «господство личного усмотрения, а не права»; «возвращение публично-правового подхода к осуществлению проверки вступивших в законную силу судебных постановлений» [7, с. 41].

Подводя итог, нужно отметить, что российский правопорядок в силу федеративного государственного устройства имеет последовательную четырехступенчатую систему обжалования судебных актов (апелляция, первая и вторая кассации, надзор). При этом в законе дополнительно закреплены три дискреционных полномочия Председателя Верховного Суда РФ и его заместителя, два из которых направлены на «преодоление» отказа в передаче кассационной и надзорной жалобы на рассмотрение, а третий является проявлением непоследовательного надзора. Полагаем, что эти полномочия должны быть исключены, поскольку их наличие необоснованно как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Библиографические ссылки

1. Борисова Е. А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 21–41.

2. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2021 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/30794/> (дата обращения: 24.03.2022).

3. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Кучеренко против Украины» (Kucherenko v. Ukraine) от 04.05.1999, жалоба № 41974/98 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 1999. № 5. С. 34–43.

4. Синицын С. А., Долова М. О. Процессуальные сроки рассмотрения жалобы на отказ в передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании // Российский судья. 2020. № 4. С. 14–19.

5. Решение Европейского суда по правам человека от 12.05.2015 «По вопросу приемлемости жалобы № 38951/13 Роберт Михайлович Абрамян (Robert Mikhaylovich Abramyan) против Российской Федерации, жалобы № 59611/13 Сергей Владимирович Якубовский (Sergey Vladimirovich Yakubovskiy) и Алексей Владимирович Якубовский (Aleksey Vladimirovich Yakubovskiy) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2015. № 12. С. 56–78.

6. Потапенко Е. Г., Зарубина М. Н. Централизация судебной системы и изменение арбитражного процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 12. С. 47–51.

7. Пацания М. Ш. О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 10–61.

Бесецкая Н. А.

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ПРАВИЛ СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ

Полоцкий государственный университет,

ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь, n.besetskaya@psu.by

После проведенной реформы судостроительства в связи с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 29.11.2013 № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» неизбежно стали проявляться различные процессы, активно влияющие на трансформацию отечественного цивилистического процесса. На протяжении последних 8 лет среди ученых и практиков велась острая дискуссия о необходимости унификации гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства. Появилась, а затем и сформировалась в данность идея необходимости разработки единого процессуального кодекса для гражданского и хозяйственного судопроизводства. Перед его разработчиками была поставлена сложнейшая задача, что обуславливалось наличием принципиальных различий во многих ключевых вопросах между действующими Гражданским процессуальным и Хозяйственным процессуальным кодексами Республики Беларусь (далее – ГПК и ХПК соответственно). Данные различия, как справедливо подчеркивает В. П. Скобелев, в большей части не вытекают из природы гражданских или экономических дел, а стали закономерным следствием того, что было положено в основу при разработке указанных нормативных правовых актов [1, с. 148]. Тем не менее концепция будущего единого процессуального кодекса открыто не обсуждалась и оставалось только гадать, какой подход будет избран при его подготовке.

В рамках приведенной выше полемики в доктрине поднимались вопросы о необходимости унификации отдельных процессуальных институтов, в том числе и судебных извещений. Параллельно с этим активно обсуждались проблемы, связанные с влиянием на осуществление правосудия процессов цифровизации всех сфер общественной жизни в последние десятилетия. О трансформации правового регулирования института судебных извещений как неизбежной реакции на внедрение в правила судопроизводства цифровых технологий нами ранее уже отмечалось [2]. Однако в связи с подготовкой проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – проект КГС) и вынесением

его на общественное обсуждение, не умоляя значимости проделанной его разработчиками работы, позволим себе высказать отдельные соображения критического характера относительно последовательности, достаточности правового регулирования в нем вопросов судебного извещения с использованием современных средств связи.

Прежде всего стоит остановиться на том, как решены данные вопросы в действующих ГПК и ХПК. Так, в ч. 2 ст. 143 ГПК устанавливается право суда «в необходимых случаях» извещать или вызывать участников гражданского процесса СМС-сообщением, с использованием факсимильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты. Согласно ч. 2 ст. ХПК экономический суд вправе известить участников хозяйственного процесса посредством факсимильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты. Как видно, на первый взгляд, оба кодекса перечисляют, практически одни и те же современные средства связи в качестве возможных каналов передачи судебных извещений. Однако ХПК напрямую не называет в качестве таковых СМС-сообщения.

Вместе с тем на практике это не стало препятствием к фактическому его использованию экономическими судами. Дело в том, что в обоих кодексах в приведенных нормах указывается на возможность судебного извещения посредством «иных средств связи», что, видимо, позволяет, исходя из расширительного толкования, судьям экономических судов прибегать к СМС-сообщениям. Тем не менее трудно не согласиться с высказанным в доктрине утверждением, что эта фраза в ХПК не является санкцией на использование таких современных средств связи ввиду их специфики, технических сложностей, отсутствия детальной регламентации их применения [3, с. 229]. При этом применительно к гражданскому процессу такая регламентация (весьма скромная, надо отметить) установлена хотя бы на уровне инструкций по делопроизводству в районных (городских) и в областных судах, утвержденных приказом Председателя Верховного Суда Республики Беларусь от 20.09.2018 № 74. Однако это отнюдь не может оцениваться в качестве надлежащей правовой основы их использования судами общей юрисдикции, поскольку данный акт не является нормативным [3, с. 228]. Ни ГПК, ни ХПК не определяют номер, на который суд должен направить судебную повестку (извещение), ее содержание, критерии, при которых такое извещение считается надлежащим, и что является доказательством этого. Кроме того, не решен вопрос, какие последствия повлечет изменение абонентского номера сотовой связи участником процесса.

В обоих кодексах указывается на право суда известить участников процесса посредством «глобальной компьютерной сети Интернет». Тем не менее данная формулировка не позволяет установить, где именно и какая информация будет размещаться (фактически это может быть официальный сайт или страница суда, либо иной сайт, страница адресата в социальной сети и т. п.). Отсутствует детализация того, на кого возлагается такая обязанность, каким образом должен быть зафиксирован факт и время размещения, а также

что будет надлежащим доказательством этого. На участников процесса не возлагается обязанность самостоятельно получать информацию о движении дела и ответственность за ее неисполнение [2, с. 359].

Что касается использования в целях судебного извещения электронной почты, то в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27.05.2011 № 6 (сохраняет действие в настоящее время) разъясняется, что извещение участников процесса по электронной почте возможно только при условии заключения соглашения об электронном обмене данными с хозяйственным судом в порядке, определяемом Высшим Хозяйственным Судом Республики Беларусь. По сути, эти функции перешли к Верховному Суду Республики Беларусь, но указанный порядок так и не был определен. Вместе с тем, в отличие от СМС-сообщений, из данной нормы вытекает, что использование электронной почты при судебном извещении поставлено под условие получения на это согласия участника хозяйственного процесса.

На необходимость применения аналогичного условия относительно факсимильной связи указывается в юридической литературе [3, с. 240; 4, с. 387], но ее использование в целях судебного извещения не получило правовой регламентации.

По сути, и в ГПК, и в ХПК законодатель применительно к судебному извещению с использованием современных средств связи ограничился только одним требованием: обеспечение фиксации извещения или вызова. Однако именно при доставке судебной повестки (извещения) посредством большинства современных способов связи возникает коллизия между фактом доставки и фактом восприятия ее адресатом лично [2, с. 359].

Таким образом, действующее процессуальное законодательство не создает последовательное и унифицированное регулирование судебного извещения посредством современных средств связи. Здесь мы солидарны с В. П. Скобелевым, что их использование не может строиться только на упоминании в кодексах данных средств связи [3, с. 245]. При этом большинство норм соответствующих глав обоих кодексов не могут быть применены по аналогии к судебному извещению через современные средства связи, поскольку ориентированы исключительно на судебные повестки (извещения) на бумажном носителе.

Иными словами, их регламентация должна быть существенно расширена, чтобы создать надлежащие гарантии процессуальных прав участников процесса. И эта задача не могла не быть очевидной для разработчиков проекта КГС. Тем не менее, полагаем, в проекте КГС она не была достигнута.

Прежде всего из анализа положений главы 13 проекта КГС явствует, что в основу его разработчиками были положены нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). При этом они предприняли попытку адаптировать их под нужды не только надлежащего извещения физических лиц, но и юридических лиц, государственных органов, иных организаций, участвующих как в гражданских

делах, так и делах, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

В российской доктрине справедливо отмечается, что в ГПК РФ отождествляются форма и способ судебного извещения [5, с. 18]. Аналогичная ошибка допускается и в п. 1 ст. 110 проекта КГС, где наряду с формами судебных извещений перечисляются и способы их доставки или вручения. Кроме этого, из содержания данной нормы вытекает, что термин «судебное извещение» фактически становится в понимании разработчиков проекта родовым понятием по отношению к видовым понятиям «извещение» и «вызов». При этом из контекста приведенной нормы прямо вытекает, что вызов в суд свидетелей, экспертов, специалистов и переводчиков возможен посредством любых средств связи и способов доставки. Однако, полагаем, допущение применения современных средств связи для вызова указанных иных участников процесса представляется весьма сомнительным.

В п. 1 ст. 111 проекта КГС существенно расширено содержание судебных извещений. Так, помимо уже предусмотренных действующими ГПК и ХПК сведений, проект КГС обязывает в них указывать: адрес единого Интернет-портала судов общей юрисдикции Республики Беларусь, номера контактных телефонов суда, адреса электронной почты, по которым лица, участвующие в деле, могут получить информацию о рассматриваемом деле. Однако вследствие того, что указанная норма устанавливает общее правило применительно к любой форме извещения или вызова и способу их передачи, в проекте, по сути, не решается существующая проблема, что сохранит на практике невозможность аутентичного его исполнения, например, при использовании в качестве такого способа передачи, как СМС-сообщение. По сути, по-прежнему при его применении передаваемая информация может быть любой (по усмотрению того, кто его направляет). В проекте КГС следовало бы отдельно предусмотреть содержание сообщений, направляемых по абонентскому номеру сотовой связи. Например, подобным образом решен вопрос в Гражданском процессуальном кодексе Казахстана.

Помимо отмеченного, неустраненным остался пробел, связанный с тем, что проект КГС устанавливает в качестве обязательного реквизита указывать только номер «контактного телефона», а не абонентский номер сотовой связи. Не решен также и технический вопрос, каким образом будет осуществляться направление извещения посредством СМС-сообщений (через специальные Интернет-сервисы или программы либо с любого номера сотовой связи). Тем не менее, по нашему мнению, признавать подобный способ доставки судебной корреспонденции соответствующим требованиям надлежащего извещения нельзя, поскольку необходимый процессуальный эффект обязательности судебного извещения не достигается (по сути, обмен информацией происходит между частными лицами) [6, с. 45].

В целом правила главы 13 проекта КГС не детализируются применительно к судебным извещениям отдельно в электронной форме и на бумажном носителе.

В п. 1 ст. 110 проекта КГС только уточняется, что подразумевается под извещением участников процесса посредством «глобальной компьютерной сети Интернет», в частности, это может быть направление извещения или вызова посредством электронной почты, а также размещением информации на едином Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

Ранее нами уже выдвигалось сомнение по поводу возможности выработки в едином процессуальном кодексе унифицированных правил использования сети Интернет при судебном извещении ввиду значительного разрыва обеспеченности доступа к Интернету юридических и физических лиц [2, с. 359]. Это, видимо, учитывали также разработчики проекта КГС, поскольку из п. 7 ст. 110 КГС вытекает, что применение рассматриваемого способа извещения будет допускаться только в отношении государственных органов, юридических лиц, являющихся лицами, участвующими в деле. При этом на них возлагается обязанность самостоятельно получать информацию о движении дела и ответственность за ее неисполнение. Такое извещение будет применяться только после того, как суд убедится в получении ими «первого судебного извещения» по рассматриваемому делу. Вместе с тем проект КГС не раскрывает, какое именно извещение следует считать первым.

Кроме этого, в проекте по-прежнему не определяется иерархия способов извещения, а также не учитывается мнение лиц, участвующих в деле, и это означает, что право выбора наиболее приемлемого способа извещения принадлежит исключительно суду. Следовательно, суд вправе выбрать любой способ передачи первого извещения. Это, на наш взгляд, не устанавливает надлежащие гарантии интересов лиц, участвующих в деле. Особенно, если используются для этого не традиционные, а современные средства связи.

К сожалению, отмечаемые преимущества современных средств связи в целях судебного извещения (простота использования; скорость передачи информации; снижение материальных издержек) легко нивелируются существенным их недостатком: коллизией между фактом его доставки и фактом его восприятия лично адресатом. Несмотря на то, что в п. 1 ст. 113 проекта КГС заложен объективный критерий (реальности) надлежащего извещения и прямо указывается на обязательность наличия у суда доказательств получения адресатом судебного извещения, данная норма совершенно не коррелирует положением п. 6 ст. 112, определяющей документы, которые могут быть такими доказательствами. Так, устанавливается, что при использовании СМС-сообщения, факсимильной связи или электронной почты либо иных средств связи и способов доставки к материалам делам должен быть приложен отчет или иные документы об отправлении судебного извещения. При этом не детализируется, о каком отчете именно идет речь. В любом случае, даже сформированный современным смартфоном краткий отчет о доставке СМС-извещения не может считаться доказательством получения конкретным адресатом судебного извещения. Неясной представляется и формулировка нормы подп. 3 п. 6 ст. 112 проекта КГС, так как в ней не уточняется, какой документ

должен подтверждать факт размещения судебных извещений на едином Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

Из положительных моментов можно отметить, что в п. 2 ст. 114 проекта КГС устранен существующий пробел, поскольку последствия несообщения суду об изменении контактных телефонов и номера факса, адреса электронной почты во время производства по делу приравнено к последствиям несообщения о перемене своего адреса. Тем не менее, полагаем, название указанной статьи («Перемена адреса во время производства по делу») не в полной мере соответствует ее содержанию.

Таким образом, положения главы 13 проекта КГС относительно использования современных средств связи в целях судебного извещения нуждаются в существенной доработке. Критерии надлежащего извещения должны соблюдаться судом единообразно независимо от избранного им способа доставки или вручения судебной корреспонденции с достоверной фиксацией не только факта передачи или отправки сообщения, но и факта его получения адресатом. Помимо отмеченного, необходимо также определить лиц, ответственных за аутентичность текста сообщения, соблюдение сроков их подготовки и отправки, а также за разглашение конфиденциальной информации, фиксацию факта доставки судебного извещения участнику процесса посредством аппаратных средств и направления им ответного подтверждения. Утилитарный подход, упрощение не должны рассматриваться в процессе унификации правил о применении современных средств связи для судебного извещения в качестве самоцели, в ущерб требованиям создания надлежащей процессуальной формы, а также фундаментальным принципам цивилистического процесса.

Библиографические ссылки

1. Скобелев В. П. К вопросу о разработке единого цивилистического процессуального кодекса Республики Беларусь // Современные проблемы права и управления : сб. докл. 5-й Междунар. науч. конф., Тула, 18–19 сент. 2015 г. / Ин-т законовещения и управления Всерос. полиц. ассоциации ; ред.: И. Б. Богородицкий (гл. ред.), Ю. В. Киселевич (отв. ред.). Тула, 2015. С. 146–148.

2. Бесецкая Н. А. Трансформация правового регулирования института судебных извещений под влиянием цифровых технологий // Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. Минск : БГУ, 2021. С. 357–361.

3. Скобелев В. П. Современные информационные технологии и способы извещения (вызова) участников цивилистического процесса // Современные проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т. Гродно, 2019. Вып. 4. С. 223–247.

4. Белова Т. А. Применение современных технологий связи для извещения участников судопроизводства по гражданским делам // Правовые средства обеспечения развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 нояб. 2007 г. / редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2008. С. 385–387.

5. Зайченко Е. В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2013.

6. Бесецкая Н. А. Судебное извещение участников гражданского и хозяйственного процесса посредством смс-сообщения: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука: традиции и инновации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / сост.: Е. А. Макарова и [и др.]; Новгород. госуд. ун-т им. Я. Мудрого. Великий Новгород, 2019. С. 44–45.

Болохонов Б. С.

**ВИДЫ ПРОИЗВОДСТВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В НОВОМ КОДЕКСЕ**

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
пр. Доватора, 3/1, 220030, г. Гродно, Беларусь, boloxonov_bs@grsu.by*

4 марта 2022 г. Верховный Суд Республики Беларусь направил в Национальный центр правовой информации для публичного обсуждения проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – Кодекс), что означает завершение этапа реформирования судебной системы.

Отправной точкой начала полномасштабных реформ в сфере судопроизводства можно считать политико-правовое решение Главы государства о необходимости реформирования судебной системы, унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства. Как видим, указанный период подходит к своему логическому завершению и в скором времени в Республике Беларусь ожидается принятие и вступление в силу нового процессуального акта, который принципиальным образом преобразует существующий в настоящее время отечественный цивилистический процесс.

Отмечается, что основная цель проведенной работы по унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства – укрепление гарантий прав граждан и юридических лиц на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, повышение уровня законности и правовой определенности, своевременное и правильное разрешение споров в судебном порядке [1].

Проанализировав положения проекта Кодекса, в целях устранения некоторых противоречий, упрощения и уяснения ряда принципиальных,

с нашей точки зрения, моментов, оптимизации последующего правоприменения предлагаем внести некоторые изменения.

1. Главы, регламентирующие приказное, упрощенное, заочное производства и производство по коллективному исковому заявлению в опубликованном варианте Кодекса размещены в одном подразделе (Подраздел 1. «Исковое производство. Приказное производство»). В связи с тем, что вышеуказанные разновидности судебных производств (кроме приказного) доктриной в качестве самостоятельных видов не признаются, фактическое отнесение их в один ряд с приказным, с нашей точки зрения, ставит под вопрос самостоятельность последнего как вида гражданского судопроизводства, что не совсем сочетается с положениями ст. 7 Кодекса, а также с устоявшейся правоприменительной практикой и доктриной.

Анализ зарубежного опыта регламентации данного института показывает, что структурное размещение норм приказного производства в гражданских процессуальных кодексах (далее – ГПК) и других процессуальных кодексах стран ЕАЭС и СНГ неодинаково. В кодексах ряда стран они находятся в рамках самостоятельного подраздела общего раздела «Производство в суде первой инстанции», где могут располагаться либо до искового производства (ГПК Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана), либо после его (ГПК Кыргызстана). Некоторые страны выделяют приказному производству самостоятельный раздел (ГПК Украины). Примечательно, что в Российской Федерации в цивилистических процессуальных кодексах нет единства и размещение тождественных институтов отличается: в рамках Арбитражного процессуального кодекса (АПК) – это глава 29.1 в разделе IV «Особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел», а в ГПК – приказное производство регламентируется подразделом I раздела II «Производство в суде первой инстанции».

На этом фоне существенно выделяется Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения, где приказное производство (или, согласно ГПК Армении, «Производство по делам об отдаче приказа о платеже») рассматривается как разновидность упрощенной процедуры и располагается в одном разделе с заочным, ускоренным и упрощенным производствами.

В Республике Беларусь в рамках действующего цивилистического процессуального законодательства размещение норм, регламентирующих приказное производство по ГПК и ХПК, также отличается и обусловлено различными подходами законодателя при создании этих кодексов. Предлагаемая в Кодексе отечественным законодателем модель расположения норм приказного производства схожа с действующим в настоящее время ГПК Республики Азербайджан, где приказное производство также регламентируется одной главой (глава 25) в рамках раздела «Исковое производство».

Исходя из пояснительной записки, размещенной на сайте Верховного Суда Республики Беларусь [1], мы видим, что упрощенное производство рассматривается как новый вид гражданского судопроизводства. Однако

логика и структура изложения в новом кодексе норм, регламентирующих особенности рассмотрения и разрешения дел в упрощенном порядке, не предусматривает возможности рассмотрения такого порядка в качестве самостоятельного вида гражданского судопроизводства.

Более того, анализ международного опыта правового регулирования упрощенного (письменного) производства демонстрирует, что данная судебная процедура все чаще доктриной и законодателем отождествляется с заочным производством.

Так, с учетом изменений, вступивших в силу с 01.01.2022 г., ГПК Казахстана больше не содержит заочного производства. Соответствующая глава кодекса была исключена и заменена на существовавшее ранее упрощенное (письменное) производство, которое в результате реформы практически не изменилось. В пояснительной записке к поправкам казахские разработчики приводят довод о том, что «заочное производство мало востребовано», и составляет только 2,5 % от общего количества гражданских дел за 2020 г. [2].

Для сравнения, Председатель Верховного Суда Республики Беларусь Валентин Сукало рассказал, что на момент 2019 г. 25 % всех споров в Беларуси рассматриваются заочно [3].

Учитывая тот факт, что значительное количество дел при введении нового института в целях экономии временных и материальных затрат лиц, участвующих в деле, и суда, повышения уровня доступности и эффективности правосудия будет рассматриваться именно в порядке упрощенного производства, целесообразность применения заочного производства в Республике Беларусь вызывает большое сомнение.

Однако на данном этапе в целях предотвращения дальнейших противоречий и более структурного подхода к вопросу изложения видов судопроизводства считаем целесообразным:

- подраздел 1 раздела VI Особенной части Кодекса назвать «Исковое производство». Оставить главы, регламентирующие особенности рассмотрения и разрешения дел в исковом порядке, заочное и упрощенное производства как отдельные разновидности искового производства (главы 24–30 Кодекса);
- главу 31 целесообразно выделить в отдельный подраздел раздела VI Особенной части Кодекса под названием «Приказное производство».

2. Исторический анализ действовавших на территории Беларуси до 1999 г. цивилистических процессуальных кодексов показывает, что главы, регламентирующие порядок рассмотрения дел особого производства, никогда не имели обобщенного названия «Особое производство». ГПК БССР 1927 г. содержал часть 3 «Особые производства», позже ГПК БССР 1964 г. включал в себя главу 24, которая регламентировала «Рассмотрение дел особого производства».

В связи с этим предлагается на данном этапе предусмотреть возможность систематизации и обобщения имеющихся категорий дел особого производства и переименования подраздела 3 раздела VI Особенной

части Кодекса «Особое производство. Восстановление утраченного судебного производства» в подраздел «Особые производства».

Для всей группы дел об установлении фактов и состояний в рамках Кодекса предлагаем:

- в главе 37 Кодекса использовать термин «Охранительное производство», как наиболее полно отражающий сущность и правовую природу всех категорий дел, включенных в данный вид и являющийся исторически ближе к нашим реалиям;

- исключить из рассматриваемого раздела нормы, регламентирующие рассмотрение дел, санкционирующих применение в отношении заинтересованного лица специальных мер воздействия (п. 8, 10, 11 ч. 1 ст. 361 ГПК), и имеющих явную публичную природу. Такие категории дел должны быть отнесены к производству, возникающему из публичных и иных административных отношений.

3. Учитывая довольно широкое правовое регулирование производства, связанного с исполнением судебных постановлений, и тот факт, что рассматриваемое производство может считаться самостоятельным видом гражданского судопроизводства, считаем целесообразным: выделение норм, регламентирующих особенности рассмотрения и разрешения дел, связанных с исполнением судебных постановлений, исполнительных документов, выдаваемых иными органами в качестве самостоятельного подраздела Кодекса, структурно располагающегося до подраздела «Иные виды производств».

Данные изменения станут еще одним шагом для возможности выделения производства, возникающего из исполнительных отношений, в качестве самостоятельного вида гражданского судопроизводства.

4. По предложенному расположению норм не совсем понятно, рассматриваются ли в качестве вида производств особенности судопроизводства по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа, а также по просьбам о признании или признании и исполнении решений иностранных судов о взыскании алиментов на детей, просьбам о вынесении решений и совершенствовании решений о взыскании алиментов на детей в международном порядке.

Согласно действующему в настоящее время ГПК производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа является отдельной категорией дел в рамках искового судопроизводства. Предметом этой категории дел является спор о праве цивилистическом, вытекающий из семейных правоотношений. Особенности рассмотрения просьб о взыскании алиментов на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи регламентируются ст. 5611 ГПК Республики Беларусь.

В предлагаемой редакции Кодекса главы, регламентирующие порядок рассмотрения и разрешения указанных категорий дел, закрепляются в разделе VII «Международный гражданский процесс».

Имея по своей природе схожую правовую природу, споры из указанных выше категорий дел носят материально-правовой характер и основаны на международных договорах.

В связи с этим считаем возможным объединение указанных категорий дел в рамках одной главы раздела VII «Особенности рассмотрения споров, основанных на международных договорах», параграфы которой будут конкретизировать общие для всех споров, основанных на международных договорах, особенности рассмотрения и разрешения таких споров, а в отдельных параграфах конкретизировать и уточнять специфический порядок рассмотрения и разрешения таких категорий дел.

5. Проанализировав сущность предмета правовой защиты по категориям дел, указанных в главе 44 Кодекса «Производство по заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение медиативного соглашения», можно сделать вывод, что он совпадает с предметом по категориям дел, указанных в главе 51 Кодекса «Производство по делам о признании и приведении в исполнение международных медиативных соглашений». Разница заключается лишь в основании для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение медиативного соглашения, вытекающее из национального или международного законодательства.

Рациональность принятого решения о разделении указанных глав законодателем прослеживается, однако целесообразность подсказывает необходимость объединить эти нормы на базе общей главы и регламентировать особенности каждого производства в рамках самостоятельных параграфов.

В связи с этим с целью единообразного применения и толкования норм считаем целесообразным объединить данные категории дел в одну главу, параграфы которой будут конкретизировать общие положения для всех категорий дел о признании и приведении в исполнение медиативных соглашений, а отдельные параграфы данной главы будут конкретизировать и уточнять особенности рассмотрения и разрешения выдачи исполнительного листа для субъектов Республики Беларусь и иностранных юридических и физических лиц.

6. Анализ предлагаемых норм Кодекса показывает взаимосвязь положений общей и особенных частей по вопросам видов судопроизводств. Так, например, анализ ст. 55 Кодекса «Участники гражданского судопроизводства» показывает, что законодатель при перечислении лиц, участвующих в деле, которые имеют непосредственный интерес в его исходе, придерживается структурной последовательности Особенной части Кодекса в части видов судопроизводства.

В связи с этим считаем целесообразным дополнить и значительно расширить ст. 7 Кодекса уже описанными в ст. 55 Кодекса видами судопроизводства.

Библиографические ссылки

1. Проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь размещен для публичного обсуждения [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/74c6854b26294f20.html (дата обращения: 01.04.2022).

2. Тукулов Б. Досудебный протокол, экстерриториальная подсудность, образцовое решение и другие новшества ГПК [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39750495&pos=59;-9#pos=59;-9 (дата обращения: 01.04.2022).

3. Михайлова А. Судьи рассказали, как ускорить гражданский процесс [Электронный ресурс] // ООО «Правовые новости». URL: <https://pravo.ru/story/212379/> (дата обращения: 01.04.2022).

Ващеврович М. Г.

ОСОБЕННОСТИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220089, г. Минск, Беларусь, 8765492@mail.ru*

Основная цель апелляционного производства – это проверка правильности применения судом норм материального и процессуального права по имеющимся в материалах дела и новым доказательствам.

Сравнивая апелляционное производство в гражданском и хозяйственном процессе, особое внимание следует уделить срокам апелляционного обжалования.

1. В соответствии с п. 1 ст. 403 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК Республики Беларусь) «апелляционная жалоба и (или) апелляционный протест на решение суда первой инстанции соответственно подается и (или) приносится в пятнадцатидневный срок со дня вынесения решения или вручения лицу, имеющему право на апелляционное обжалование (опротестование), по его требованию решения с мотивировочной частью».

Согласно ст. 269 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь) «апелляционная жалоба (протест) может быть подана в течение пятнадцати дней после принятия судом, рассматривающим экономические дела, первой инстанции обжалуемого судебного постановления, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

Исчисляется 15-дневный срок согласно ГПК Республики Беларусь «со дня вынесения решения (в том числе дополнительного); вручения лицу решения с мотивировочной частью. Это делается по требованию лица, имеющего право на апелляционное обжалование (опротестование); истечения срока подачи ответчиком заявления об отмене заочного решения

либо со дня вынесения определения суда об отказе в удовлетворении такого заявления» [1, с. 319].

Срок подготовки мотивировочной части составляет 7 дней согласно ст. 202 ХПК Республики Беларусь и ст. 312 ГПК Республики Беларусь. Вот только в гражданском процессе срок апелляционного обжалования – 15 дней исчисляется с момента получения решения суда первой инстанции с мотивировочной частью, а в хозяйственном процессе требование заинтересованных лиц о подготовке мотивировочной части включается в срок на обжалование, что существенно нарушает права заинтересованных лиц на реализацию своего права в защиту нарушенных и оспариваемых прав.

Для более наглядного понимания приведем пример. Заинтересованное лицо в гражданском процессе получает решение суда первой инстанции и при принятии решения об обжаловании судебного постановления должно в течение десяти дней заявить письменное требование в суд о подготовке мотивировочной части. Мотивировочная часть готовится 7 дней и только после получения решения суда первой инстанции с мотивировочной частью у этого лица есть еще 15 дней на обжалование данного судебного постановления, т. е. требование заинтересованного лица прерывает срок на обжалование и с получением судебного постановления с мотивировочной частью, начинает исчислять срок на обжалование сначала, значит 15 дней.

В хозяйственном процессе данная ситуация выглядит иначе. После получения решения суда при последующем обжаловании в апелляционном производстве, заинтересованное лицо должно в течение 10 дней заявить письменное требование о подготовке мотивировочной части. Мотивировочная часть готовится 7 дней и данный срок не исключается из основного срока на апелляционное обжалование в 15 дней. При этом, если лицо, по независящим от него причинам пропустило этот срок, необходимо будет приложить еще и ходатайство о признании пропущенного срока уважительным. Так как пропуск срока на обжалование пропущен не по вине заинтересованного лица, суд, конечно, признает этот пропущенный срок уважительным. Данная норма закрепляет вынужденную и ненужную документационную волокиту.

Так, согласно ч. 3 ст. 269 ХПК Республики Беларусь процессуальный «срок для подачи апелляционной жалобы (протеста) может быть восстановлен при условии, если соответствующее ходатайство заявлено не позднее одного месяца со дня принятия такого судебного постановления и причины пропуска этого срока экономическим судом апелляционной инстанции признаны уважительными».

2. «К уважительным причинам пропуска срока подачи апелляционной жалобы (протеста), относятся: несоблюдение срока составления мотивировочной части решения экономическим судом первой инстанции; получение копии мотивировочной части решения, составленной своевременно, после истечения срока апелляционного обжалования; получение копии судебного постановления по истечении срока подачи апелляционной жалобы (протеста) лицом, участвующим в деле, надлежаще

не извещенным о времени и месте судебного разбирательства; получение копии судебного постановления по истечении срока подачи апелляционной жалобы (протеста) лицом, не привлеченным к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, вынесенным по делу, если экономический суд первой инстанции принял судебное постановление о его правах и обязанностях; болезнь индивидуального предпринимателя, иного физического лица, которое вправе подать апелляционную жалобу» [2, с. 352].

Согласно ч. 4 ст. 403 ГПК Республики Беларусь и ч. 2 ст. 269 ХПК Республики Беларусь апелляционный срок, пропущенный по уважительной причине, можно восстановить.

3. Следует также отметить, что в хозяйственном процессе, в отличие от гражданского процесса, из процессуальных сроков, исчисляемых днями, нерабочие дни исключены (ч. 3 ст. 134 ХПК Республики Беларусь). Данная норма ставит заинтересованных лиц в хозяйственном процессе в более выгодное положение, чем заинтересованных лиц в гражданском процессе.

Исключение из сроков нерабочих дней является более правомерным и справедливым, так как в любом случае в нерабочие дни стороны не могут реализовать свое право на защиту своих нарушенных или оспариваемых прав.

На данный момент активно обсуждается Проект Кодекса гражданского судопроизводства, который содержит более правильную и юридически логичную концепцию.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 559 данного Проекта «Апелляционная жалоба и (или) апелляционный протест на решение суда первой инстанции соответственно подается и (или) приносится в пятнадцатидневный срок после вынесения решения или вручения лицу, имеющему право на апелляционные обжалование и (или) опротестование, по требованию такого лица решения с мотивировочной частью» [3].

Очевидно, что данное нововведение не ущемляет права юридически заинтересованных лиц, законодатель прописывает все дополнительные действия, предшествовавшие апелляционному обжалованию, которые не исключаются из сроков на обжалование.

Данная норма помогает избежать пробелов и коллизий, содержащихся в действующем ХПК Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Бодакова О. В. Хозяйственный процесс : пособие. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021.

2. Тихиня В. Г. Гражданский процесс: учебник. Минск : Вышэйшая школа, 2019.

3. Проект гражданского судопроизводства [Электронный ресурс]. URL: <https://forumpravo.by/forums/npa.aspx?forum=15&topic=16735> (дата обращения 30.03.2022).

Данилевич А. А.
ФОРМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ
ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, danilevicha@bsu.by*

Статья 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» выделяет в качестве одного из приоритетных направлений в деятельности органов прокуратуры содействие методами прокурорского надзора осуществлению правосудия по гражданским делам.

Участие прокурора в разбирательстве гражданских дел способствует осуществлению целей правосудия и реализации задач, стоящих перед судом, с тем чтобы выполнялись требования закона о всестороннем, полном, объективном разбирательстве дела во всех судебных инстанциях и по каждому делу выносились законные и обоснованные решения, определения и постановления.

Статья 81 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь называет две формы участия прокурора в гражданском процессе:

- 1) предъявление иска или подача заявления в суд;
- 2) вступление в дело, начатое по инициативе других лиц.

Прокурор предъявляет в суд иски и заявления в защиту прав и охраняемых интересов Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц, а также юридических лиц и граждан. Заявление о защите чести и достоинства Президента Республики Беларусь подается в суд Генеральным прокурором, прокурорами города Минска с согласия Президента Республики Беларусь (ст. 81 ГПК Республики Беларусь).

Процессуальное положение прокурора в гражданском процессе характеризуется некоторыми особенностями по сравнению с другими участвующими в процессе лицами. Прокурору может быть отказано судом в приеме искового заявления только в случае, когда у лица, в интересах которого предъявляется иск, нет права на обращение в суд. Прокурор не несет расходов по заявленному иску, поскольку его заявление не облагается государственной пошлиной.

Помимо возбуждения гражданского процесса, прокурор в силу своего правового положения может вступать в него в любой его стадии, в том числе и в стадии разбирательства гражданского дела, начатого по инициативе других лиц. Формой участия прокурора в судебном разбирательстве при рассмотрении споров о праве гражданском является изложение мнения по вопросам, возникающим при разбирательстве и по существу дела в целом, поскольку он не обращался в суд с заявлением и вступает в начатый процесс при отсутствии каких-либо связей со сторонами.

Участие прокурора в суде первой инстанции при вступлении в процесс, начавшийся по инициативе других лиц, может быть осуществлено: 1) по инициативе самого прокурора; 2) в силу указаний закона; 3) в силу указаний

Генерального прокурора; 4) вследствие привлечения прокурора к участию в деле судом. Последнее основание было изъято из п. 1 ч. 1 ст. 83 ГПК в декабре 2020 г. Отметим, что такое основание отсутствует и в тексте проекта Кодекса гражданского судопроизводства (ст. 73).

Евменчикова О. А.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ ИММУНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, evmenchikova@bsu.by

Вопрос о возможности рассмотрения споров, в которых участвует государство, в международном коммерческом арбитраже является дискуссионным, что обусловлено особым статусом государства, так называемой проблемой «субъективной арбитрабельности» [1, с. 1240]. Как отмечает А. И. Минина, наличие возможности рассмотрения споров, в которых участвуют публично-правовые образования, к которым относится государство, в международном коммерческом арбитраже определяется законодательством соответствующего государства; при этом в ряде стран установлены прямой запрет (США, Иран) либо ограничения на заключение государством арбитражного соглашения с частными лицами о передаче споров на рассмотрение в международный коммерческий арбитраж (Бельгия) [1, с. 1241]. В Республике Беларусь отсутствуют законодательные ограничения на заключение государством арбитражного соглашения с частными лицами о передаче частноправовых споров на рассмотрение в международный коммерческий арбитраж. В настоящее время условия о возможности рассмотрения споров с участием Республики Беларусь в арбитражном порядке содержатся лишь в международных договорах о поощрении и взаимной защите инвестиций. Как правило, в данных международных договорах содержится указание на отказ государств, их заключивших, от судебного иммунитета, сформулированное в виде так называемых «зонтичных арбитражных оговорок». Указанные оговорки представляют собой согласованное сторонами правило об отнесении любых споров, входящих в сферу действия международного договора, к компетенции определенного органа (арбитражного суда), предусмотренного в данном международном договоре [2, с. 73]. Подобные «зонтичные арбитражные оговорки» предусматривают возможность обращения иностранного инвестора с иском к государству, на территории которого осуществлены инвестиции:

- в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, созданный в соответствии с Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (заключена в г. Вашингтоне 18 марта 1965 г.) (далее – Вашингтонская конвенция), либо

- в арбитражный суд ad hoc, либо
- в определенный арбитражный институт, расположенный на территории иностранного государства (например, Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, Международный арбитражный суд Международной торговой палаты (ICC)), либо
- в суд, расположенный на территории заинтересованного государства, или государства, резидентом которого является инвестор.

В иных случаях при отсутствии соответствующего международного договора для согласования арбитражного порядка разрешения споров требуется заключение отдельного арбитражного соглашения между государством и частным лицом. Вопрос о последствиях заключения подобного соглашения является дискуссионным, что обусловлено особым статусом государства и наличием у него иммунитета. В частности, существуют различные позиции относительно объема иммунитетов, от которых государство считается отказавшимся посредством заключения арбитражного соглашения, поскольку заключение арбитражного соглашения напрямую не связано с участием в судебном процессе в суде иностранного государства. Добровольный отказ государства от принадлежащих ему иммунитетов следует отличать от возможности ограничения иммунитета заинтересованного государства судами и арбитражами принимающего государства, что связано с существованием концепции так называемого «подразумеваемого» отказа государства от иммунитета [3], в качестве которого признается заключение государством арбитражного соглашения с частными лицами.

Вместе с тем заключение арбитражного соглашения (в виде отдельного соглашения или посредством включения в контракт арбитражной оговорки) означает согласие государства на рассмотрение предъявленного к нему иска в международном арбитражном суде, который является негосударственным институтом, предназначенным для рассмотрения частноправовых споров. В свою очередь, судебный иммунитет означает неподсудность заинтересованного государства судам принимающего государства. В доктрине по данному вопросу существуют две точки зрения. В соответствии с первой, согласие заинтересованного государства на рассмотрение спора в арбитраже означает его отказ исключительно от иммунитета в области надзорных функций судов принимающего государства, на территории которого вынесенное арбитражным судом решение подлежит исполнению, по пересмотру арбитражного решения. Так, по мнению Г. К. Дмитриевой, наличие арбитражной оговорки не должно толковаться как одновременный отказ государства от иммунитета от обеспечения иска и от иммунитета от принудительного исполнения, поскольку они являются самостоятельными видами иммунитета, отказ от которых должен быть специально выражен [4, с. 252].

По мнению М. М. Богуславского, согласие государства на рассмотрение спора в арбитраже означает согласие на рассмотрение в государственном суде лишь вопросов о действительности, толковании или применении

арбитражного соглашения, арбитражной процедуры либо подтверждения или отмены решения арбитража, если соответствующий суд обладает компетенцией на рассмотрение вопросов такого рода [5, с. 211].

Таким образом, согласно данному подходу заключение арбитражного соглашения может рассматриваться в качестве отказа от судебного иммунитета в двух случаях:

- на стадии разрешения судом иностранного государства вопроса о принятии иска к рассмотрению в том случае, если иск к государству, несмотря на наличие арбитражного соглашения, все же будет подан в иностранный государственный суд;
- на стадии признания судом иностранного государства арбитражного решения или его отмены.

При этом отказ от судебного иммунитета посредством заключения арбитражного соглашения не распространяется на стадию исполнения арбитражного решения. Стоит отметить, что данный подход получил закрепление в Европейской конвенции об иммунитете государств 1972 г., а также в законодательстве Российской Федерации, Австралии, Германии, Пакистана, Сингапура. Более того, данный подход получил закрепление в ст. 20 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г., в соответствии с которой согласие государства на осуществление юрисдикции в формах, указанных в ст. 7 данной Конвенции (в числе которых – согласие на осуществление юрисдикции, выраженное в международном договоре), не означает согласие на принятие принудительных мер. При этом заключение государством арбитражного соглашения не влечет отказ от иммунитета в отношении применения мер по предварительному обеспечению иска, если возможность применения таких мер не была оговорена в арбитражном соглашении. Соответственно, при отсутствии в арбитражном соглашении, заключенном Республикой Беларусь с частным лицом, особой оговорки об отказе от иммунитета в отношении применения мер по предварительному обеспечению иска, данный вид иммунитета подлежит применению. Кроме того, судебная практика отдельных государств придерживается данного подхода. В частности, суды Германии исходят из того, что отказ от судебного иммунитета, выраженный в арбитражном соглашении или двусторонних международных договорах, не означает автоматического отказа от иммунитета от принудительного исполнения решения арбитража в немецком суде.

Вторая точка зрения заключается в том, что согласие на рассмотрение спора в арбитражном суде означает не только отказ от судебного иммунитета, но и согласие на принудительное исполнение арбитражного решения [6; 7]. В частности, данная позиция получила закрепление в законодательстве и судебной практике Казахстана, Великобритании, США, Франции, Швейцарии.

Таким образом, в случае обращения частных лиц в государственные суды принимающих государств за приведением в исполнение арбитражного решения, вынесенного в отношении Республики Беларусь, существует

вероятность признания судами этих государств наличия заключенного Республикой Беларусь арбитражного соглашения в качестве согласия на осуществление функций по приведению в исполнение арбитражного решения. Существование подобного подхода обусловлено тем, что вынесенное арбитражное решение не обладает непосредственной исполнительной силой: для исполнения такого решения необходимо его признание со стороны компетентного суда государства, на территории которого такое арбитражное решение должно быть исполнено.

В настоящее время решения арбитражных судов исполняются на основании Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) (далее – Нью-Йоркская конвенция), в соответствии с которой в ходе процедуры признания и приведения в исполнение арбитражного решения государственный суд оценивает наличие оснований для отказа в исполнении такого решения. Однако по общему правилу, суд государства, на территории которого арбитражное решение должно быть исполнено, не вправе пересматривать такое решение по существу. В связи с этим необходимо разграничивать процедуру признания иностранного арбитражного решения, которая является следствием отказа от судебного иммунитета со стороны государства, и процедуру приведения в исполнение иностранного арбитражного решения, осуществление которой возможно при условии наличия отказа государства от иммунитета от принудительного исполнения.

Согласно ст. III Нью-Йоркской конвенции каждое Договаривающееся Государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений.

Решения Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС) подлежат исполнению на основании Вашингтонской конвенции, в связи с чем, если соответствующее государство, наряду с заключением двустороннего международного договора о поощрении и взаимной защите инвестиций, является участником Вашингтонской конвенции, то в силу ст. 54 оно должно признавать решение арбитража в качестве обязывающего и обеспечивать исполнение денежных обязательств, налагаемых решением арбитража, в пределах своих территорий. Вместе с тем, согласно ст. 55 Вашингтонской конвенции ничто, содержащееся в статье 54, не должно толковаться как отступление от положений, действующих в любом Договаривающемся государстве в отношении иммунитета этого государства или любого иностранного государства от принудительного исполнения. Указанная норма фактически предоставляет возможность государству, против которого вынесено решение МЦУИС, не исполнять такое решение со ссылкой на противоречие публичному порядку в связи с наличием у него юрисдикционного иммунитета. Подобная практика, безусловно, не способствует обеспечению стабильности имущественного оборота и снижает доверие со стороны зарубежных частных субъектов к государству как экономическому партнеру.

Более того, существование такой практики побуждает кредиторов государства к поиску наиболее оптимальной юрисдикции для приведения в исполнение арбитражных решений, вынесенных против государства, что создает предпосылки для возникновения ситуаций, получивших в литературе название «forum-shopping» [8]. Так, в зарубежной судебной практике имеют место случаи непризнания юрисдикционного иммунитета в качестве основания для отказа в приведении в исполнение решения МЦУИС, вынесенного против иностранного государства. В частности, Федеральным Судом Австралии в постановлении по делу «Eiser Infrastructure Ltd v Kingdom of Spain» от 24 февраля 2020 г. было отмечено, что Испания не обладает иммунитетом от исполнения арбитражного решения на территории Австралии ввиду того, что являясь государством – участником Вашингтонской конвенции и согласившись на передачу споров, возникших между государством и частным инвестором, в арбитраж, Испания тем самым признала обязательность вынесенного таким образом арбитражного решения, которое, в свою очередь, подлежит исполнению. Вместе с тем указанная практика не является безусловной, поскольку, как отмечают зарубежные исследователи, Верховный суд Австралии придерживается позиции, что согласие государства на юрисдикцию арбитража не влечет автоматического отказа от иммунитета от принудительного исполнения решения [9].

Что касается Нью-Йоркской конвенции, то в подп. b п. 2 указанной Конвенции содержится основание для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения в случае, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны.

В настоящее время категория «публичный порядок» не рассматривается в качестве универсального средства возражения против исполнения арбитражного решения. Так, профессором А.-Я. ван ден Бергом, являющемся одним из ведущих специалистов в области международного арбитража, в ходе анализа опубликованной за 45 лет применения Нью-Йоркской конвенции судебной практики ведущих развитых государств было выявлено лишь 8 случаев, когда суды развитых государств отказывали в приведении в исполнение решений международных арбитражей со ссылкой на публичный порядок [10, с. 37].

В целом, как отмечает Б. Р. Карабельников, «международная судебная практика по применению Нью-Йоркской конвенции выработала единообразный подход к определению критериев противоречия публичному порядку, разделяемый в настоящее время судами большинства развитых государств. Согласно этому подходу признаются противоречащими публичному порядку и не подлежат исполнению иностранные арбитражные решения, в вынесении которых участвовали арбитры, в честности и независимости которых можно усомниться, были нарушены фундаментальные права ответчика, воспрепятствовавшие ему в защите своих прав, а также решения, исполнение которых может вступить в конфликт с

императивными нормами национального законодательства страны, где испрашивается исполнение, или нормами международных договоров такой страны» [11, с. 451]. Данный подход является актуальным для Республики Беларусь, поскольку решения международных арбитражных судов, вынесенные против Республики Беларусь, могут быть исполнены на территории иностранных государств, в которых действуют более либеральные требования в отношении порядка исполнения арбитражных решений, вынесенных против государства.

Библиографические ссылки

1. Минина А. И. Понятие и содержание субъективной арбитрабельности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1240–1247.
2. Данилевич А. С. Арбитражная оговорка в инвестиционном договоре с Республикой Беларусь // Промышленно-торговое право. 2010. № 5. С. 72–74.
3. Nur Heriyanto D. S. Scope and effect of the immunity principles in international private and bussiness law // University of Debrecen Electronic Archive. URL: <https://dea.lib.unideb.hu/dea/handle/2437/236190> (date of access: 13.03.2022).
4. Международное частное право / Г. К. Дмитриева [и др.]. Изд. 4-е, переработанное и дополненное. Москва : Проспект, 2016.
5. Богуславский М. М. Международное частное право 7-е изд., переработанное и дополненное. Москва: Норма: Инфра-М, 2016.
6. Функ Я. И. Субъекты Республики Беларусь как участники внешнеэкономической деятельности // доступ из СПС КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
7. Сулейменов М. К. Иммунитет государства: абсолютный или ограниченный? URL: <http://www.zakon.kz/208826-immunitet-gosudarstva-absoljutnyjj-ili.html> (дата обращения: 05.03.2022).
8. Matute C. Forum Shopping in the Execution of ICSID Awards: Is it Time to Revive the UN Convention on State Immunity? // Kluwer Arbitration Blog, June 24 2016. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2016/06/24/preventing-forum-shopping-in-the-execution-of-icsid-awards-is-it-time-to-revive-the-un-convention-on-stateimmunity> (date of access: 13.03.2022).
9. Douglas M., Carr C. The commercial exceptions to foreign state immunity // Federal Law Review. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3546363 (date of access: 13.03.2022).
10. Ван ден Берг А.-Я. Почему некоторые арбитражные решения не могут быть принудительно исполнены: Доклад на 17-й конференции Международного совета по коммерческому арбитражу (ИССА). Пекин. Май 2004 // Международный коммерческий арбитраж. 2005. № 1. С. 37.
11. Карабельников Б. Р. Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2008.

Здрок О. Н.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ
СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ДЕЛАМ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, ozdrok@mail.ru*

Применительно к судопроизводству термином «цифровизация» обозначается процесс внедрения в практику отправления правосудия современных информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Несмотря на различную интенсивность проникновения ИКТ в практическую деятельность судов в разных государствах, процесс цифровизации судопроизводства позиционируется в науке гражданского процессуального права как объективная и закономерная тенденция, в отношении которой прогнозируется существенная в ближайшем будущем трансформация не только организационно-коммуникативной и инструментальной стороны повседневной правоприменительной деятельности судов, но также процессуального законодательства вплоть до перехода к новой исторической модели судопроизводства, базирующейся на обновленной системе принципов и процедурных правил [1; 2].

В частности, несмотря на отсутствие единого в мировом масштабе уровня цифровизации судопроизводства и развитие соответствующих технологических процессов и законодательных новаций в зависимости от национального контекста того или иного государства, реальностью стали: подача искового заявления и иных процессуальных документов в электронной форме; электронное информирование участников процесса о времени проведения судебного разбирательства и иных процессуальных действий; формирование электронного дела и предоставление участникам процесса возможности дистанционного ознакомления с материалами дела; трекинг дела (контроль над ходом производства по делу через личный кабинет участника процесса); аудио-видеопротоколирование судебных заседаний; использование для проведения судебных заседаний систем видеоконференцсвязи и веб-конференций; размещение судебных актов на сайте суда; частичная автоматизация судопроизводства; использование в прогностических целях программ искусственного интеллекта.

Особенность наметившейся тенденции цифровизации судопроизводства состоит в том, что она обусловлена неправовыми факторами и не связана с недостатками или проблемами в деятельности судов. В этом отношении показательным стал тезис о том, что дематериализация судопроизводства обусловлена дематериализацией гражданского оборота. В частности, существенное изменение форм заключения сделок в гражданском обороте, использование э-контрактов привело к проникновению в гражданское судопроизводство новых носителей информации, которые с трудом стали

укладываться в рамки традиционных для него средств доказывания. Результатом стало обоснование в науке процессуального права необходимости выделения самостоятельного средства доказывания – электронных доказательств [3].

Ключевой причиной и движущей силой цифровизации различных сфер деятельности выступает изменение системы социальной коммуникации в направлении дополнения очного (непосредственного, офлайн) общения удаленным (дистанционным, онлайн). Судопроизводство как одна из актуальных сфер социального взаимодействия должно воспринять указанные изменения, чтобы быть адекватным новому формату социальной коммуникации. В противном случае система государственного судопроизводства не сможет конкурировать с теми способами защиты прав и интересов субъектов права, которые в настоящее время функционируют под термином «альтернативные способы разрешения споров» (далее – АРС). В частности, наглядным примером быстрого реагирования АРС на потребности времени в плане расширения способов организации коммуникации при рассмотрении и разрешении правовых споров стал Сеульский протокол по видеоконференцсвязи в международном арбитраже 2018 г. По этой причине государство должно оперативно реагировать на все новинки технологического прогресса и внедрять их в судопроизводство в государственных судах, чтобы последние оставались конкурентоспособными по сравнению с АРС.

Несомненными преимуществами внедрения ИКТ в судопроизводство выступают: обеспечение его инклюзивности, гласности (транспарентности), удобства для пользователей; реализация принципа процессуальной экономии (снижение времени рассмотрения дела и судебных расходов, связанных с явкой в суд); новые формы оказания правовой помощи населению (в том числе путем информирования широкой общественности о формирующейся судебной практике посредством опубликования на сайтах судов принятых судебных постановлений).

В связи с этим степень цифровизации судопроизводства начинает позиционироваться как самостоятельный показатель в системе гарантий доступности правосудия. В частности, получает распространение тезис о том, что если в эпоху дистанционных средств связи обращение к правосудию требует физической (очной) явки в суд, то такие правила судопроизводства должны рассматриваться как ограничение доступа к правосудию. Такой подход обусловлен тем, что доступность правосудия в широком смысле слова означает не только возможность беспрепятственного возбуждения дела, но и право на эффективное рассмотрение дела в разумные сроки.

ИКТ одновременно как открывают новые возможности для судопроизводства, так и создают кризисные явления в нем, которые требуют своего осмысления и преодоления посредством правового регулирования. Так, предоставление участникам частноправовых отношений возможности электронного обращения в суд и использования дистанционного формата участия в судопроизводстве, с одной стороны, расширяет доступность

правосудия, а с другой – порождает проблему обеспечения цифровой доступности правосудия и цифрового равенства сторон, поскольку уровень владения ИКТ среди населения достаточно разный.

Большие сложности цифровизация создает для государств в экономическом плане, поскольку возрастают затраты на техническое сопровождение судов, разработку соответствующих специализированных сервисов.

Цифровизация судопроизводства приводит к усложнению гражданской процессуальной формы. В частности, появление новых форматов судебного заседания – использование видеоконференцсвязи, веб-заседание – вызывает потребность определить в законе критерии выбора процессуальной формы проведения судебного разбирательства по конкретному делу.

Актуальной является проблема идентификации участников процесса в связи с использованием дистанционного формата участия в судопроизводстве.

Наиболее критично тенденция цифровизации судопроизводства обсуждается в научных кругах с точки зрения перспективы не просто модернизации (или, иными словами, осовременивания), а существенной трансформации правил судопроизводства, затрагивающей изменение принципов процесса, сложившихся судебных ритуалов, возможности упразднения отдельных институтов процессуального права. В этом аспекте цифровизация судопроизводства воспринимается не так оптимистично по причине того, что сложившиеся процедурные правила, и прежде всего принципы процесса, отражают цивилизационные достижения и исторически выработанные представления общества о справедливом правосудии.

В частности, в научной литературе четко наметилось представление о двух уровнях интеграции ИКТ в судопроизводство: уровень *инструментального использования ИКТ* как дополнительного средства оперативного получения и доведения информации до участников процесса; и уровень *электронного правосудия*, при котором порядок рассмотрения дел всецело опосредуется электронной формой выражения процессуальной информации и взаимодействия участников процесса. При этом с переходом на второй уровень цифровизации связывается появление новой исторической модели судопроизводства, специфику которой определяют именно ИКТ. По образному выражению Н. Фишера, в современной парадигме цифровизации гражданский процесс следует рассматривать как систему обработки данных (информационную систему), где заявления и доказательства хранятся на «накопителе данных», доступном для пользователей, отправителей и получателей [4].

Признаками новой «цифровой (электронной)» модели судопроизводства и, соответственно, наиболее дискуссионными вопросами в науке процессуального права при обсуждении перспектив дальнейшей интеграции ИКТ в деятельность судов по рассмотрению и разрешению гражданских дел выступают:

введение автоматизированных производств, при которых вынесение судебного постановления осуществляется без участия суда (например, автоматизированное приказное производство в Германии, Китае, взыскание судебных расходов на представителя в Российской Федерации);

применение в судопроизводстве искусственного интеллекта (интеграция в практику судов соответствующих ИКТ связано с решением этической проблемы возможности делегирования функции по вынесению актов правосудия в отношении человека машине);

трансформация принципов гласности, непосредственности, устности процесса, процессуального формализма (с развитием ИКТ прогнозируется усиление конфиденциальности судебной процедуры, ее деритуализация, переход к опосредованному и преимущественно дистанционному общению).

Прогноз неизбежной трансформации гражданской процессуальной формы обусловлен теми системными изменениями, которые оказывает цифровизация на судопроизводство. В частности, по словам М. И. Проскуряковой, электронное правосудие характеризуется не только динамичностью развития, оно также представляет собой собирательное явление, отличающееся многогранностью и охватывающее большое число разнородных элементов и различные способы использования ИКТ в деятельности судов [5, с. 434–435]

С учетом общемировой тенденции цифровизации судопроизводства в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь предусмотрено введение нового самостоятельного средства доказывания – электронных доказательств, а также нашли закрепление уже апробированные в отечественной практике судопроизводства по гражданским и экономическим делам возможность электронного обращения в суд, аудио-протоколирование хода судебного разбирательства, проведение судебных заседаний с использованием систем видеоконференцсвязи. Вместе с тем актуальными для Республики Беларусь являются вопросы ускорения цифровизации судопроизводства по гражданским и экономическим делам. Это обусловлено необходимостью обеспечения конкурентоспособности белорусской судебной системы в международном масштабе.

Библиографические ссылки

1. Шторм М. Будущее гражданского судопроизводства // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 503–512.

2. Гиллес П. Система гражданского судопроизводства на Востоке и Западе – 2007, а также основные тенденции реформирования гражданского процесса и некоторые размышления о разрешении гражданских споров в будущем // Рос. ежегодник гражданского и арбитражного процесса. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 513–525.

3. Лаевская А. В. Электронные доказательства в гражданском и хозяйственном процессе Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2017.

4. Фишер Н. Электронное правосудие в Германии (критические замечания относительно внедрения информационных технологий в гражданское судопроизводство) // Рос. ежегодник гражданского и арбитражного процесса – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 630–643.

5. Проскурякова М. И. Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития // Вестн. СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 3. С. 433–447.

Иванова Д. В.

ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРАВО НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ivanovadv@bsu.by*

Эффективный механизм реализации обращения взыскания на исключительное право имеет важнейшее значение для ряда правоотношений, в том числе таких, как залог исключительного права, а также правоотношений, формирующихся при ликвидации юридического лица [1, с. 15]. Отсутствие или недостаточная развитость этого механизма отрицательно сказывается на использовании соответствующих возможностей, а в ряде случаев полностью блокирует разрешение ситуации, если объектом взыскания является исключительное право.

Всего за период с 1993 по 2021 г. в Беларуси было заключено 16 договоров залога прав на объекты права промышленной собственности. В 2021 г. в Республике Беларусь не было заключено ни одного договора залога прав на объекты промышленной собственности. В 2020 г. таких договоров было 4 [2]. Одной из основных причин низкой активности субъектов в использовании данного вида залога и является отсутствие в законодательстве установленного механизма обращения взыскания именно на исключительное право, действующий порядок специфику последнего не учитывает.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь специальные положения об обращении взыскания на исключительное право практически отсутствуют. Применяются нормы общего характера о залоге имущественных прав в части, не противоречащей сущности исключительного права.

Очевидно, что исключительные права на объекты интеллектуальной собственности могут быть предметом залога и в дальнейшем предметом взыскания при условии, что допускается их отчуждение. Подобное положение прямо закреплено в ст. 358.18 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Следует учитывать, что нашим законодательством установлены как запрет, так и ограничение на отчуждение исключительного права на некоторые виды объектов интеллектуальной собственности. Таковыми являются, например, наименования места

происхождения товаров. Не может быть предметом залога право следования на произведения изобразительного искусства, поскольку оно также не отчуждается (ст. 18 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах»), и обратиться впоследствии взыскание на это право будет невозможно.

В ГК РФ в отличие от Гражданского кодекса Беларуси содержится еще ряд положений, которые полезны для нашего исследования. В части четвертой ГК РФ предусмотрено несколько специальных норм об обращении взыскания на исключительное право на произведение и на право использования произведения по лицензии (ст. 1284 ГК РФ), обращении взыскания на исключительное право на исполнение и на право использования исполнения по лицензии (ст. 1319 ГК РФ). Они устанавливают недопустимость обращения взыскания на исключительное право, если оно принадлежит автору или исполнителю на произведение или исполнение соответственно, за исключением случая обращения взыскания по договору залога, который заключен автором или исполнителем и предметом которого является указанное право на конкретное произведение или исполнение. В то же время специалисты отмечают непоследовательность российского законодателя, который не предусмотрел каких-либо особенностей обращения взыскания на исключительное право на иные результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации [1, с. 63]. Только п. 6 ст. 1405 ГК РФ устанавливает недопустимость обращения взыскания на исключительное право на секретное изобретение.

Наличие этих ограничений представляет собой дополнительную гарантию для субъектов, которые традиционно рассматриваются в праве интеллектуальной собственности как «слабая» сторона правоотношения. Только в том случае, когда автор (исполнитель) сам принимает решение о залоге принадлежащего ему исключительного права на свое произведение (исполнение) и осознает возможные последствия такого решения в виде отчуждения этого права, возможно обращение взыскания на такое право. Такие гарантии могли бы найти свое место и в Гражданском кодексе Республики Беларусь,

Кроме того, ГК РФ предусмотрена возможность передачи в залог и, как следствие, обращение взыскания не только на само исключительное право, но и права по договору об отчуждении исключительного права и по лицензионному (сублицензионному договору) договору. При обращении взыскания на права из лицензионного договора согласие лицензиара требоваться не должно, и это положение необходимо закрепить в законодательстве. В литературе обсуждалась и возможность обращения взыскания на такие права на результаты интеллектуальной деятельности, которые не являются исключительными. В частности, речь идет о праве на получение патента.

Статья 1241 ГК РФ декларирует общее правило о том, что переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на

средство индивидуализации к другому лицу допускается без заключения договора с правообладателем в случаях и по основаниям, которые установлены законом, в том числе при обращении взыскания на имущество правообладателя. Согласно ч. 3 ст. 87 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» реализация имущественных прав осуществляется путем проведения открытых торгов в форме аукциона. Пунктом 51 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» поясняется, что исходя из п. 6 ст. 448 ГК РФ, лицо, выигравшее торги, и организатор торгов подписывают в день проведения аукциона протокол о результатах торгов. Если переход исключительного права на соответствующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации подлежит государственной регистрации, основанием для такой регистрации служит указанный протокол о результатах торгов.

В случае передачи принадлежащего должнику исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации взыскателю как нереализованного имущества основанием для государственной регистрации перехода исключительного права является акт приема-передачи, которым оформляется такая передача (ч. 14 ст. 87 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Не поддерживает такой подход законодателя О. В. Белая: «Отсутствие должного правового регулирования данного вопроса не позволяло судебным приставам-исполнителям в период действия Закона об исполнительном производстве 1997 г. надлежащим образом производить обращение взыскания на имущество должника и его последующую реализацию, когда речь шла об имущественных правах». «Передача имущественных прав от одного правообладателя к другому осуществляется в рамках сделки цессии, но организатор торгов не является обладателем имущественных прав, которые подлежат реализации с публичных торгов, а следовательно, по мнению автора, он не может передать их на законном основании победителю торгов» [3]. Об этом говорит и Н. Корчагина, случаи обращения взыскания на интеллектуальную собственность остаются единичными [4]. По мнению Н. М. Коршунова, как минимум в законодательстве следует определить, «всегда ли обращение взыскания на исключительное право должно производиться путем его принудительного отчуждения; должно ли отчуждение исключительного права производиться только на открытых торгах или же допустимо использовать и комиссионную продажу; кто именно может проводить торги по исключительным правам должников; кто и в каком порядке должен проводить оценку исключительных прав, каким образом следует обеспечивать исполнение решения на этапе наложения ареста на исключительные права и каким должно быть само содержание акта об их аресте» [5, с. 54].

Гражданский кодекс Республики Беларусь не предусмотрел в ст. 339-1 «Залог имущественного права (требования)» каких-либо специальных положений об обращении взыскания на исключительное право.

Все вышеизложенное приводит нас к выводу о том, что в отсутствие специальных положений о порядке обращения взыскания на исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации соответствующие институты, в частности залог исключительного права, активно применяться не будут. Соответственно, необходимо внесение в законодательство положений, регулирующих особенности обращения взыскания на такое особое право, включая определение ограничений на объект взыскания, порядок отчуждения права, возможность обращения взыскания на права из лицензионного (сублицензионного) договора и иные.

Библиографические ссылки

1. Карелина О. В. Проблемы обращения взыскания на исключительные права // Экономика, статистика и информатика. 2011. № 3. С. 63–66.
2. Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности за 2021 год [Электронный ресурс] / Национальный центр интеллектуальной собственности. URL: <https://www.ncip.by/upload/iblock/3fe/3febe1c68f770566a1fa280b5b03dae4.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Белая О. В. Имущественные права должника как объект взыскания по законодательству Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гум. и обществ. науки. 2009. Вып. 9. С. 54–59.
4. Корчагина Н. Права авторов и иных правообладателей как предмет взыскания // Право и экономика. 2007. № 7. С. 83–87.
5. Коршунов Н. М. Исключительные права как объект взыскания: отдельные проблемы исполнительного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 7. С. 49–54.

Кирвель И. Ю.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ПРОЕКТЕ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, kirvelirena@tut.by*

Информационные технологии уже на протяжении длительного времени занимают значимое место в организации судебной деятельности в нашей стране. Они способствуют реализации права на судебную защиту, процессуальной экономии и решают другие насущные задачи. В последние годы в связи с распространением пандемии COVID-19 большинство стран мира решали проблему обеспечения безопасности участников процесса,

судейского состава прежде всего благодаря внедрению в судопроизводство информационных технологий. Поэтому совершенствование законодательства в области внедрения информационно-коммуникационных технологий не только в организационно-техническую деятельность судов, но в первую очередь в процесс рассмотрения и разрешения гражданских и экономических дел, является насущной потребностью на современном этапе.

Значимым событием для юридического сообщества стало вынесение на общественное обсуждение проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – проект Кодекса гражданского судопроизводства). Следует признать, что разработчики данного нормативного документа провели серьезную работу по унификации норм действующих в настоящее время Гражданского процессуального (далее – ГПК) и Хозяйственного процессуального (далее – ХПК) кодексов Республики Беларусь. Комплексный подход к изложению основных институтов цивилистического процесса позволил не просто выбрать оптимальный вариант из уже имеющихся норм гражданского и хозяйственного процессуального законодательства, но и предусмотреть новые нормы, которые отсутствуют в действующем процессуальном законодательстве нашего государства, однако их появление уже назрело в связи с развитием современных общественных отношений

Безусловно, каждый раздел проекта Кодекса гражданского судопроизводства требует пристального научного анализа и серьезной критической оценки правоприменителя с точки зрения создания и обеспечения реальной и эффективной судебной защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и государства в целом. Однако с учетом цели и рамок данной научной работы мы хотели бы остановиться на нормах проекта Кодекса гражданского судопроизводства, осуществляющих правовое регулирование общественных отношений в области применения информационных технологий в судопроизводстве.

Следует отметить, что вопрос внедрения информационных технологий в судопроизводство уже давно находится в поле зрения и законодателя, и правоприменителя. Так, в постановлении Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-XII «О Концепции судебной реформы» было указано на необходимость формирования материально-технической базы судов, обеспечения судов специальной техникой – видеомагнитофонами, компьютерами, поскольку прежде всего создание необходимой материально-технической базы и обусловило возможность дальнейшего движения судебной системы в направлении использования информационных технологий в деятельности судов республики.

На современном этапе, как отметил В. Л. Калинкович, первый заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь: «Внедрение современных информационных технологий в судопроизводство приобрело необратимый характер...» [1, с. 19].

Так, сегодня в гражданском и хозяйственном процессах уже реализованы такие элементы «электронного правосудия», как видеоконференцсвязь, звуко-, видеофиксация хода судебного заседания, используются средства доказывания в электронной форме, государственная пошлина может быть уплачена в электронном виде, внедрена и активно эксплуатируется автоматизированная информационная система судов общей юрисдикции, которая решает все вопросы судебного делопроизводства и, по мнению В. Л. Калиновича, приблизила возможность формирования электронных дел [1, с. 20].

С 2017 г. на Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь действует электронный сервис «Е-court. Электронное судопроизводство по экономическим делам», посредством которого можно обратиться в суды, рассматривающие экономические дела, с необходимыми процессуальными документами, подписанными электронной цифровой подписью. С января 2021 г. на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь начал функционировать банк судебных решений. Кроме того, суды общей юрисдикции имеют возможность извещать участников процесса не только традиционными способами, но и СМС-сообщением, посредством использования глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты, а также иных средств связи, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова (ч. 2 ст. 143 ГПК, ч. 2 ст. 140 ХПК).

Таким образом, большинство элементов «электронного правосудия» уже реализованы в деятельности судов общей юрисдикции и нашли отражение в законодательстве Республики Беларусь.

Не решены на данном этапе еще вопросы формирования электронных дел в суде, возможность электронного обращения в суд для участников гражданского процесса, отсутствует как нормативное регулирование, так и практическое внедрение осуществления всего судопроизводства по отдельным делам посредством информационных технологий. Пока еще предстоит принять Закон Республики Беларусь «О доступе к информации о деятельности судов общей юрисдикции», Концепция проекта которого уже разработана согласно п. 33 Указа Президента Республики Беларусь от 26 декабря 2019 г. № 482 «Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2020 год». Исходя из положений данной Концепции, планируется определить в указанном законе вопросы опубликования судебных актов и порядок ведения трансляции открытых судебных заседаний в сети Интернет, а также урегулировать другие аспекты транспарентности деятельности судов общей юрисдикции.

В качестве перспективных направлений развития информатизации судебной системы также выделяют: «расширение сферы электронного документооборота между судом и участниками процесса; изготовление судебных постановлений, исполнительных документов в виде электронного документа, что в будущем позволит успешно реализовать концепцию формирования электронных дел и электронных архивов; совершенствование

способов извещения лиц, участвующих в рассмотрении дел, с помощью электронных средств связи; обеспечение доступа к судебным постановлениям посредством сети Интернет» [1, с. 22].

Таким образом, вышеобозначенный анализ элементов электронного правосудия говорит о значительном продвижении белорусской судебной системы в данном направлении. Но при этом, на наш взгляд, одна из проблем, с которой можно столкнуться фактически на всех этапах поступательного внедрения в судопроизводство информационных технологий, – это отсутствие комплексного подхода к данному процессу. По нашему мнению, необходима разработка Концепции внедрения информационных технологий в судопроизводство, как вариант это может быть Концепция электронного судопроизводства или электронного правосудия, которая бы конкретно обозначила направления внедрения и развития информационных технологий в судопроизводстве, выработала четкое название системы «Электронное правосудие», «Электронное судопроизводство», «Электронный суд» и т. д. Различия в указанных понятиях были обозначены нами ранее [2, с. 47–52].

Возникает вопрос, нашли ли отражение данные процессы и в какой мере в проекте Кодекса гражданского судопроизводства? Следует отметить, что в данном нормативном документе сохранены уже имеющиеся в действующих ГПК и ХПК нормы, которые регулируют применение информационных технологий, например, фиксирование хода судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого протокола и др.

В проекте Кодекса гражданского судопроизводства отдельная глава 12 посвящена использованию систем видеоконференцсвязи в суде. Исходя из логики изложения, на наш взгляд, следовало бы понятие «видеоконференцсвязь» включить в данную главу, а не в ст. 1, регулиющую основные термины. При этом в определении видеоконференцсвязи, которое дано в п. 4 ст. 1, указано, что передача аудио- и видеоинформации происходит по каналам связи в режиме реального времени, но не конкретизируется, должны ли быть данные каналы защищенными.

На наш взгляд, следует обратить внимание на опыт Российской Федерации в решении данного вопроса. Так, в информации Верховного Суда Российской Федерации указано: «Существует значительная разница между двумя смежными технологиями, а именно видео-конференц-связью и веб-конференцией». При этом обозначено, что при видеоконференцсвязи передача данных осуществляется в основном по гарантированным каналам связи, а при проведении веб-конференции – через Интернет, т. е. по негарантированным каналам связи [3].

Важным моментом, как представляется, является положение, закрепленное в п. 9 ст. 108 проекта Кодекса гражданского судопроизводства. Согласно данной норме правила, предусмотренные главой 12, «не

исключают возможности использования с согласия лиц, участвующих в деле, которые присутствуют в судебном заседании, иных технических средств связи для фиксации допроса свидетелей, объяснений сторон, иных лиц, участвующих в деле, пояснений иных участников процесса, находящихся вне места расположения суда, рассматривающего дело». Полагаем, что данная норма положит конец сомнениям о возможности применения иных программ, сервисов видеотелефонии для организации видеоконференций, например, Zoom, Webex, Skype и иных. Поэтому очень важно, чтобы и в определении понятия и в последующих нормах, регламентирующих применение видеоконференцсвязи и иных способов коммуникации с судом, была очевидна разница и понятна процедура их проведения как для суда, так и для участников процесса. Поскольку законодатель планирует узаконить применение не только видеоконференцсвязи, но и веб-конференции, то следует в ст. 109 проекта Кодекса гражданского судопроизводства разъяснить, как происходит в таких случаях установление личности участников, проверка их полномочий, получение подписок и т. д., так как в таких случаях отсутствуют секретари судебного заседания – помощники судей, осуществляющие организацию видеоконференцсвязи.

Безусловно, многие технические аспекты не могут быть отражены в кодексе, но такие вопросы можно разрешить на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь или следует разработать соответствующие регламенты.

В проекте Кодекса гражданского судопроизводства (ст. 110–112) с учетом применения информационных технологий в судопроизводстве получили свое развитие и нормы о судебных извещениях и вызовах участников процесса, которые помимо уже существующих способов могут производиться путем размещения информации на едином Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

На наш взгляд, значительным шагом на пути создания равных условий для реализации права на судебную защиту для участников по экономическим и гражданским делам является закрепление в п. 4 ст. 5 проекта Кодекса гражданского судопроизводства нормы о том, что исковое заявление, заявление, жалоба и иные документы могут быть поданы в суд не только в письменной форме, но и в виде электронного документа. Это правило конкретизируется и в п. 1 ст. 238 данного нормативного документа относительно формы и содержания искового заявления. Надо полагать, что реализовать данное право можно будет путем обращения во все суды общей юрисдикции, а не только в суды, рассматривающие экономические дела, на Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

Несмотря на тот факт, что стремительно развивающиеся общественные отношения уже давно поставили суды перед необходимостью собирания, проверки и оценки электронных доказательств, процессуальные законы не уделяли им отдельного внимания и не рассматривали их как самостоятельное средство доказывания. Пункт 2 ст. 178 проекта Кодекса гражданского судопроизводства наряду с другими средствами доказывания называет

электронные доказательства. При этом звуко- и видеозаписи выделены в качестве отдельных средств доказывания, а из понятия электронного доказательства, закрепленного в ст. 199 проекта Кодекса гражданского судопроизводства, следует, что специфика электронных доказательств заключается в том, что они содержатся на электронных носителях информации. В связи с этим не совсем понятно, как законодатель проводит дифференциацию между этими средствами доказывания в случае, когда звуко- и видеозаписи также содержатся на электронных носителях, а в ст. 200 анализируемого документа, регламентирующей представление и истребование электронных доказательств, ведется речь и о звуко- и видеозаписях. На наш взгляд, следует данный момент конкретизировать в будущем Кодексе гражданского судопроизводства.

Кроме того, в проект Кодекса гражданского судопроизводства из ХПК перешла норма о трансляции хода судебного заседания в усовершенствованной редакции, предполагающей трансляцию в режиме реального времени посредством глобальной компьютерной сети Интернет (ст. 17, ст. 258 проекта Кодекса гражданского судопроизводства). Важно обеспечить связь данной нормы и разрабатываемого Закона Республики Беларусь «О доступе к информации о деятельности судов общей юрисдикции», нормы которого предполагают предусмотреть защиту интересов участников процесса и определить порядок ведения трансляции открытого судебного заседания в сети Интернет.

Таким образом, анализ проекта Кодекса гражданского судопроизводства относительно нормативного закрепления основных элементов электронного правосудия показал, что большинство из них нашли свое отражение в данном нормативном документе. Однако следует констатировать, что вследствие отсутствия концептуального подхода к вопросу внедрения информационных технологий в гражданское судопроизводство, в белорусском законодательстве, в том числе процессуальном, отсутствует определение терминов «электронное правосудие», «электронное судопроизводство» и др. Не нашли отражения в разработанном проекте и принципы электронного правосудия, которые определяют специфику судопроизводства, основанного на внедрении информационно-коммуникационных технологий. Ведь принципы, как основные начала гражданского судопроизводства, должны отражать все тенденции его развития.

Проведенный анализ показал, что сегодня информационные технологии оказывают значительное влияние на деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских и иных дел. При этом мы видим, что система принципов гражданского судопроизводства не претерпела изменений, хотя фактически внедрение в судопроизводство информационных технологий повлияло на реализацию принципов обеспечения гражданам права на судебную защиту, состязательности, гласности, непосредственности судебного разбирательства и др. Так, С. В. Василькова указывает: «Электронное правосудие, в том числе в цивилистическом процессе, обладает собственной системой принципов, которая не совпадает полностью

с системой традиционных принципов правосудия, хотя тесно с ней взаимосвязана». Среди принципов, выделяемых автором, по нашему мнению, особого внимания заслуживает принцип дистанционности, характеризующий не прямое взаимодействие суда и участников гражданского процесса с использованием информационно-коммуникационных технологий [4, с. 59–60]. Полагаем, что сегодня данный принцип реально может сочетаться с принципом непосредственности судебного разбирательства, так же как сочетаются устная и письменная форма совершения процессуальных действий в суде.

Таким образом, сегодня информационные технологии уже прочно закрепились в процессе реализации правосудия, они позволяют минимизировать риски для участников в период пандемий, чрезвычайных ситуаций и т. п., способствуют процессуальной экономии времени, средств участников и государства, упрощают доступ к правосудию и решают другие значимые проблемы. Учитывая современные тенденции развития цивилистического процесса, проект Кодекса гражданского судопроизводства сделал значительный шаг вперед в направлении правового регулирования большинства элементов электронного правосудия. Однако, на наш взгляд, следует использовать комплексный подход к внедрению информационных технологий в судопроизводство, в том числе, начиная с понятийного аппарата, формулирования и закрепления в законодательстве основных начал электронного правосудия.

Библиографические ссылки

1. Калинкович В. Л. Состояние и перспективы информатизации деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь // Информационные технологии и право : правовая информатизация – 2021 : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.) / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск : НЦПИ, 2021. С. 19–22.

2. Кирвель И. Ю. Проблемные аспекты теории и практики «электронного правосудия» // Принимаемые научные чтения (Проблемы взаимодействия национальных законодательств в условиях развития процессов глобализации и межгосударственной региональной интеграции) : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Гродно : в 2 ч. / редкол.: Ю. Ю. Гнездовский [и др.]. Минск : «БИП-Институт правоведения», 2018. Ч. 1. С. 47–52.

3. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28862/> (дата обращения: 30.09.2021).

4. Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. СПб., 2018.

Колядко И. Н.

КОДЕКС ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ИТОГ И ЭТАП СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, koliadko@tut.by*

О судебной реформе мы говорим с 1992 г. и в течение этих 30 лет наблюдали ряд этапов ее осуществления. При этом успех отдельных этапов судебной реформы определялся системой взаимосвязанных изменений не только процессуального, но и законодательства об адвокатуре, прокуратуре и судостроительстве, об иных формах юрисдикции: нотариате, третейском судопроизводстве, а позже и о медиации.

Принципиальное, но не максимальное, расширение диспозитивных и состязательных начал в 1990-е гг. создало лишь предпосылки для продолжения судебной реформы, поскольку уровень реализации их оказался незначительным и не способствовал развитию активности сторон и принятию ими ответственности за исход процесса в условиях равенства сторон и осуществления арбитражного судом. Однако в целом были обеспечены условия реализации конституционного права на судебную защиту. Одновременно произведена значительная дифференциация форм судебной деятельности, создания как развернутых, так и сокращенных процедур в гражданском и хозяйственном процессе. При этом наиболее востребованным оказалось приказное производство.

Потребность в продолжении судебной реформы была комплексно осмыслена и стала реализовываться с конца 2013 г. после принятия Президентом Республики Беларусь концептуальных актов о создании единой системы судов общей юрисдикции, единой системы органов принудительного исполнения, реформы нотариата, адвокатуры, прокуратуры, а также законодательства о медиации. В результате актуальной стала задача по унификации судопроизводства по гражданским и экономическим делам. В рамках данного этапа ключевым нормативным актом, который должен обеспечить равные условия и гарантии судебной защиты по гражданским делам, является проект Кодекса гражданского судопроизводства (далее – Проект), подготовленный Верховным Судом Республики Беларусь в целях унификации правил судопроизводства по гражданским и экономическим делам.

Считаем необходимым в плане обсуждения Проекта охарактеризовать ряд новелл в части развития ключевых, принципиальных для нового этапа реформы тенденций:

- 1) расширение действия принципа диспозитивности;
- 2) создание дополнительных условий для состязательности сторон;
- 3) расширение действия гражданской процессуальной формы на рассмотрение дел публично-правового характера;

4) дифференциация порядка рассмотрения дел с учетом природы предмета судебной защиты и формирования новых видов производства в суде первой инстанции;

5) системное взаимосвязанное развитие форм пересмотра и проверки судебных постановлений с дифференциацией оснований и порядка пересмотра.

Диспозитивные начала в Проекте получили развитие по ряду направлений.

Принципиальным является комплексное регулирование на основании соглашений сторон различных форм примирения. Были восприняты и расширены для применения формы, известные Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – ХПК), о мировом соглашении, порядке его заключения на различных стадиях процесса, о судебном примирении, а также учтены как теоретические предложения белорусских авторов [1], так и зарубежная нормативная практика о расширении форм судебного примирения. Так, в главе 20 предусмотрена возможность примирения посредством переговоров с участием адвокатов и иные формы примирения.

Вместе с тем не согласован вопрос о порядке утверждения мирового соглашения в случаях, когда исполнение осуществляется без возбуждения исполнительного производства (например, путем удержания из заработной платы), так как ч. 9 ст. 167 Проекта допускает утверждение судом мирового соглашения только в исполнительном производстве. Частичным выходом в таком случае может быть применение медиативных процедур, не связанных со стадиями гражданского процесса, которые в целом легализованы с определением правовых последствий их применения в уже возбужденных производствах.

В результате широкого использования гражданской процессуальной формы по делам, возникающим из публичных правоотношений, и наделением спорящих статусом сторон, появилась возможность на основании их соглашения применять примирительные процедуры.

Воспринята практика проверочных инстанций в ХПК и Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) о пределах пересмотра судебных постановлений с использованием диспозитивного начала о проверке их в пределах жалобы заинтересованных лиц и возражений на жалобу других заинтересованных лиц. Как исключение, допускается полная проверка законности и обоснованности судебного постановления или только его законности.

Следует отметить как положительный момент развития диспозитивного начала закрепление права на подачу кассационных и надзорных жалоб в соответствующий суд.

Расширение действия гражданской процессуальной формы на рассмотрение дел публично-правового характера. Существенной новеллой является возможность применения исковой формы производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. Предпосылкой этого явилось

применение гражданской процессуальной формы в полном объеме к таким делам, в которых признан статус сторон за заявителем и заинтересованным лицом и их право по взаимному соглашению на примирительные процедуры, возможность заинтересованного лица заявлять встречные требования, использовать в этом производстве наряду с общими правилами исковых дел (ст. 179 Проекта) специальные правила об обязанности государственного органа (должностного лица) доказать законность и обоснованность своих действий.

В определенной степени, но не в полной мере были реализованы предложения о внедрении конструкции административного иска в производство по делам, возникающим из публичных правоотношений [2, с. 47; 3, с. 41], вслед за применением административного иска в законодательстве об административном судопроизводстве Украины, России и Казахстана.

Вместе с тем вызывает некоторые возражения введение новой терминологии наименования сторон и других заинтересованных лиц в этом виде производства, *так как в условиях фактического применения конструкции административного иска в виде заявления об оспаривании* лучше было бы использовать не термин «заинтересованное лицо», а «ответная сторона» или «ответчик». Кроме того, вместо абстрактных «иных лиц, права и обязанности которых могут быть затронуты при разрешении дела» следует использовать известный ГПК термин «заинтересованные лица», которых нельзя отождествлять с третьими лицами без самостоятельных требований [4, с. 130], поскольку иные лица как понятие применяется в Проекте для других видов производства.

Создание дополнительных условий для состязательности сторон. В Проекте (ч. 2 ст. 179) в качестве общего правила распределения обязанностей по доказыванию использовано классическое для гражданского процесса правило о том, что истец (заявитель) доказывает основание требований, а другая сторона – основание возражений, дополненное исключением, «если иное не установлено законом». Это расширило применение общего правила распределения обязанностей по доказыванию не только на исковые дела, но и на споры публично-правового характера, а в ряде случаев и на дела иных видов производства. Существенно важным является возможность в каждом производстве иметь также специальные правила распределения обязанностей по доказыванию.

В целом это усиливает необходимость реализации сторонами обязанностей по доказыванию, а с учетом требований о правовом обосновании обращений в суд – и обязанности обосновать правовую позицию. Как следствие, расширяется объективная необходимость обязательного участия адвокатов для оказания правовой помощи сторонам и установление обязанности государства создать гарантии права на юридическую помощь адвокатов путем оплаты их услуг.

Важным является закрепление обязанности сторон о раскрытии доказательств: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть

доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до завершения подготовки дела к судебному разбирательству или в пределах установленного судом срока, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом» (ч. 5 ст. 179 Проекта). Эта новелла позволит реализовать основные этапы представления доказательств на стадии подготовки дела к судебному разбирательству и обеспечит возможность ознакомления с доказательствами каждой из сторон до судебного разбирательства.

Полагаем правильным урегулировать в ст. 186 Проекта возможности заключения сторонами соглашения о доказательствах, о признании фактов, имеющих юридическое значение, в том числе о последствиях признания фактов в случаях, если они стороной «прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существа заявленных требований». Указанные новеллы обеспечат расширение состязательных начал в доказывании, устанавливают четкие правовые последствия в случаях неполного выявления правовой позиции в отношении фактов, имеющих правовое значение, исходя из закрепленных правил распределения обязанностей по доказыванию.

В целом новеллы в регулировании правил доказывания отражают восприятие тенденций их регулирования в современном судопроизводстве постсоветских стран, хотя и носят не окончательный, а промежуточный характер, так как, например, правила раскрытия доказательств применены без определения правовых последствий их невыполнения, что говорит об использовании как элементов либеральной, так и социальной модели цивилистического процесса [5, с. 28–29].

Такое регулирование доказывания и ряда других институтов позволяет утверждать о значительном расширении элементов либеральной модели цивилистического процесса, которая не доведена до классических форм и носит незавершенный характер.

Дифференциация порядка рассмотрения дел с учетом природы предмета судебной защиты и формирования новых видов производства в суде первой инстанции. Следует отметить, что в Проекте разработчиками учтены тенденции развития доктрины дифференциации судопроизводства на виды [6, с. 44; 7, с. 475; 8, с. 179], в том числе практика нормотворчества ряда стран (России, Казахстана и др.). Интересным является опыт использования доктринальных подходов белорусских и российских ученых для нормативного регулирования видов производств в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь. В Беларуси отсутствовали конституционные ограничения для единообразного, унифицированного регламентирования порядка рассмотрения цивилистических и публично-правовых споров. В связи с этим при определении метода унификации гражданского и хозяйственного судопроизводства была обозначена необходимость сохранения в таком кодексе регулирования особенностей дел публично-правового характера.

При этом в проекте, как и в ст. 8 действующего ГПК Беларуси, прямо обозначены в открытом перечне три классических вида производства и приказное производство. О наличии иных видов производства можно судить при анализе Особенной части Проекта.

В Особенной части Проекта в производстве в суде первой инстанции выделяется подраздел «Исковое производство. Приказное производство». Это позволяет утверждать о сохранении тенденции признания этих двух производств. Одновременно в рамках искового производства в качестве его разновидности выделяется упрощенное производство, а также производство по коллективному исковому заявлению, что позволяет не выделять их в отдельный вид, а считать эти правила особенностями искового производства. Следует при этом учитывать возможность двухуровневого регулирования (общие правила и особенности для отдельных категорий). Чаще всего такой метод использовался законодателем России в Арбитражном процессуальном кодексе, а Беларуси – в ХПК. Отметим, что для новых видов производства, предназначенных для обеспечения судебного контроля за деятельностью третейских судов, трудовых арбитражей и принудительного осуществления их решений, а также медиативных соглашений, используется способ «отдельная категория – отдельный вид производства».

Следующий подраздел Проекта закрепляет производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. В него включен ряд категорий дел, которые в ГПК и ХПК возбуждались по жалобам заявителей и по существу были направлены на оспаривание актов органов, наделенных публичной властью. Интересным является использование такого средства защиты, как заявление об оспаривании и предоставление другой стороне публично-правового спора права на заявление встречного требования и иных прав, характерных для ответчиков по исковым делам. К данному виду производства, так же как в российском законодательстве об административном судопроизводстве, отнесены дела о ликвидации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и о взыскании задолженностей по налогам и обязательным платежам. Вместе с тем в это производство не включены дела публично-правового характера о принудительной госпитализации, о направлении граждан в лечебно-трудовой профилакторий, о направлении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные и лечебно-воспитательные учреждения [9, с. 273]. С таким решением нельзя согласиться, так как игнорируются публично-правовая природа таких дел и необходимость исполнения решений по данным делам компетентными органами.

Подраздел 3 Проекта охватывает указанные ранее публично-правовые и классические дела особого производства, а также дела о восстановлении утраченного судебного производства.

Вызывает сомнения необходимость объединения в подразделе 4 «Иные виды производств» дел об экономической несостоятельности (банкротстве), а также производства по ходатайству об отмене решения третейского суда, находящегося на территории Беларуси, по заявлению об отмене решения

трудового арбитража и производства, связанного с исполнением судебных и иных актов, производств по заявлениям о выдаче исполнительного листа на основании решений третейских судов, а также медиативных соглашений, поскольку по предмету защиты они существенно отличаются от дел об экономической несостоятельности (банкротстве).

Новеллой нормативного регулирования является закрепление в Проекте в разделе «Международный гражданский процесс» ряда дел, основанных на международных договорах в качестве видов производств: о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, иностранных арбитражных решений, о взыскании алиментов на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи, о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа. На необходимость выделения в международном гражданском процессе видов производств, вслед за профессором В. М. Шерстюком, мы уже обращали внимание ранее [7, с. 475; 10].

Нормативное закрепление в Проекте единого Кодекса видов производства, с одной стороны, учитывает доктринальные предложения, нормотворческую практику российского законодательства (выделение в качестве некоторых видов производства категорий, а не групп дел). С другой стороны, это существенный недостаток, не учитывающий однородность предмета судебной защиты для объединения ряда дел в вид производства (например, об оспаривании решений третейских судов и трудовых арбитражей) [11, с. 210–213].

Полагаем, что в Проекте недостаточно систематизированы правила производства, связанного с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов, так как не закреплены общие правила рассмотрения дел этого вида производства, а определения не придан статус итогового судебного постановления. По традиции эти дела рассматриваются как материалы, вытекающие из исполнительного производства [12].

Считаем, что существенным недостатком является и отсутствие корреляции Общей части Кодекса о регулировании статуса участников споров в новых производствах, об объеме их распорядительных прав, особенностях определения предмета доказывания, о способах защиты и статусе итогового судебного постановления, разрешающего такие споры. Предложение В. П. Скобелева признать за ними статус, равный судебным решениям [13, с. 388], следует поддержать, закрепив правило, что рассмотрение дела по существу может быть завершено судебным решением либо завершающим производство определением с перечислением видов производства, в которых оно допускается. Итоговые определения закреплены по заявлениям о выдаче исполнительного документа на основании медиативного соглашения и, в отличие от определений, разрешающих процессуальные вопросы, связанные с исполнением (утверждение мировых соглашений), подлежат обжалованию апелляционной жалобой [14, с. 305].

Развитие форм пересмотра и проверки судебных постановлений с дифференциацией оснований и порядка пересмотра. В Проекте

предусмотрено развитие форм пересмотра и проверки судебных постановлений с использованием классических доктринальных и нормативных основ современного понимания апелляции, кассации, модернизации надзорного производства и регулирования пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам с учетом закрепления новых обстоятельств.

Принципиально важным является осознание и реализация необходимости этих новелл, которые в теоретическом плане были обоснованы в начале 2000-х гг. в Беларуси [15; 16] и России [17; 18] и нормативно реализованы в основном в России, а в Беларуси лишь частично в ХПК. Отмеченные нововведения сопровождаются изменением судеустройственного характера для обеспечения апелляционного обжалования в вышестоящий суд решений областных экономических судов, возможности обжалования в апелляционном порядке решений Верховного Суда и учреждения в Верховном Суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

При пересмотре судебных постановлений реализовано расширение принципа диспозитивности и правил известных ГПК и ХПК о проверке судебных постановлений в пределах жалоб (протестов) и возражений на них в качестве общего правила. В теоретическом плане вызывает сомнение концентрация в Верховном Суде трех форм проверки: апелляции, кассации и надзора, а в областном суде – апелляции в судебной коллегии и кассации в президиуме.

Как промежуточное решение это допустимо, но, на наш взгляд, потребуются дальнейшие судеустройственные новеллы для обеспечения беспристрастности и независимости внутри судебной системы. Кроме того, в Республике Беларусь как унитарном государстве возможно уменьшение количества дел, подсудных Верховному Суду, что частично решит проблему автономного функционирования апелляционного и кассационного производства.

В Проекте установлены ограничения на подачу апелляционных жалоб в отношении решений, вступающих в законную силу с момента вынесения (например, по жалобам (заявлениям) на действия избирательных комиссий), что также следует рассматривать как неокончательное решение. Закрепляются в зависимости от различных условий и ограничения на подачу кассационных жалоб, что представляется нежелательным, хотя и соответствует практике зарубежных стран. Указанные ограничения в настоящее время противоречат конституционной норме (ч. 3 ст. 115) о праве на обжалование судебных постановлений, которая согласно ч. 2 ст. 7 обновленной Конституции приобрела высшую юридическую силу и прямое действие на территории Республики Беларусь.

Ранее нами отмечалось: «Закрепление для судов лишь по первой инстанции и в апелляционном производстве права исследовать доказательства и устанавливать факты, имеющие юридическое значение для разрешения дел, позволяет поставить под сомнение возможность установления вновь открывшихся обстоятельств иными судебными

инстанциями, то есть кассационными и надзорными, даже если они изменяли решение» [19, с. 343].

Библиографические ссылки

1. Здрок О. Н. Примириительные процедуры в цивилистическом процессе. Минск : БГУ, 2018.
2. Колядко И. Н. Административный иск как средство унификации правосудия по гражданским и экономическим делам // Развитие судебной власти в Республике Беларусь : материалы междунар. кругл. стола, 20 апр. 2017 г., Минск / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак., кафедра уголов. процесса и прокурор. надзора; редкол.: А. А. Данилевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2017. С. 45–50.
3. Синюк Е. В. О совершенствовании рассмотрения и разрешения судами гражданских дел публично-правового характера // Право.by. 2019. № 5. С. 38–43.
4. Гражданский процесс. Особенная часть : учебник ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд. центр БГУ, 2022.
5. Каллистратова Р. Ф., Аргунов А. В. О единстве цивилистического процесса // Российское правосудие. 2016. № 5. С. 24–30.
6. Колядко И. Тенденции развития законодательства и институтов стадий и видов судопроизводства в гражданском и хозяйственном процессе // Юстыцыя Беларусі. 2005. № 11. С. 41–46.
7. Колядко И. Н. Концептуальные основы Кодекса гражданского судопроизводства // Государство и право в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. факультета Белорус. гос. ун-та, 26–27 нояб. 2020 г., Минск / Белорус. гос. ун-т, Юрид. фак. ; редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.). Минск, 2021. С. 473–477.
8. Треушников М. К. Развитие гражданского процессуального права России // Творческие поиски в науке гражданского процессуального права. М. : Городец, 2020. С. 170–189.
9. Колядко И. Н. Предварительный судебный контроль за действиями государственных органов в делах особого производства // Специализация в судебной системе Республики Беларусь: учеб.-метод. пособие : в 2 кн. / редкол.: В. П. Мороз (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2013. Кн. 1. Специализация в общих судах Республики Беларусь. С. 270–290.
10. Шерстюк В. М. Проект закона о внесении изменений и дополнений в гражданское процессуальное законодательство, внесенный постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30, нуждается в доработке // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 213–224.
11. Болохонов Б. С. К вопросу о критериях классификации видов судопроизводства в гражданском и хозяйственном законодательстве // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.). Гродно, 2018. Ч. 1. С. 210–213.

12. Колядко И. Н. О взаимосвязи исполнительного производства и судебного производства, связанного с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 сент. 2019 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) и др. Минск, 2019. С. 297–300.

13. Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе. Минск : БГУ, 2018.

14. Колядко И. Н. О некоторых проблемах системы Кодекса гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2021. Вып. 6. С. 302–309.

15. Колядко И. Н. Апелляционный пересмотр судебных решений в Республике Беларусь: перспективы развития // Право Беларуси. 2004. № 19. С. 65–68.

16. Волос О. О. История формирования институтов обжалования не вступивших в законную силу судебных постановлений в гражданском судопроизводстве // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2010. Вып. 21. С. 133–148.

17. Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА М, 2016.

18. Борисова Е. А. Кассация по гражданским делам. М. : Городец, 2020.

19. Колядко И. Н. О взаимосвязях правил проверки и пересмотра судебных постановлений в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2021. Вып. 2. С. 338–344.

Короткевич М. П.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМЕЙНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ**

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, MKorotkevich@mail.ru

Ребенок является самостоятельным субъектом семейного права, однако в связи с его физической и умственной незрелостью, не обладает полной семейной правоспособностью и дееспособностью, нуждается в особой заботе со стороны своих родителей. В то же время при разрешении вопросов, затрагивающих его семейные права и законные интересы, законодатель подходит гибко, определяя для отдельных случаев необходимость учета его мнения (желания), а в ряде случаев – наличия его согласия. Такой подход

теория семейного права определяет как изменение объема семейной дееспособности несовершеннолетнего в зависимости от его возраста.

Обязательность учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, закреплено в ряде статей Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС): в ст. 74 (обязателен учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при определении его места жительства при раздельном проживании его родителей, за исключением случаев, когда это противоречит интересам ребенка); в ст. 84 КоБС (обязателен учет мнения ребенка, не достигшего десяти лет, при решении вопроса о восстановлении в родительских правах его родителей); в ст. 152 КоБС (при выборе опекуна или попечителя должны быть приняты во внимание желание ребенка, достигшего десяти лет); в ст. 158 КоБС (закрепляется право опекунов, попечителей ребенка самостоятельно определять способы воспитания, но с учетом мнения ребенка и рекомендаций органа опеки и попечительства); в ст. 173, 176 КоБС (передача детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, не достигших десяти лет, в приемную семью, детский дом семейного типа, на патронатное воспитание осуществляется с учетом их желания).

В ряде случаев КоБС закрепляет обязательность наличия согласия ребенка: при изменении собственного имени ребенка, достигшего шести лет, необходимо его согласие (ст. 71 КоБС); при изменении фамилии ребенка, достигшего десяти лет, должно быть получено его согласие (ст. 70 КоБС); при восстановлении в родительских правах в отношении ребенка, достигшего возраста десяти лет, необходимо его согласие (ст. 84 КоБС); за некоторыми исключениями по общему правилу для усыновления (удочерения) ребенка, достигшего десяти лет, необходимо его согласие (ст. 130 КоБС); изменение фамилии, собственного имени и отчества усыновленного (удочеренного) ребенка, достигшего десяти лет, возможно только с его согласия (ст. 132 КоБС); для внесения сведений об усыновителях (удочерителях) в запись акта о рождении в качестве родителей усыновленного (удочеренного) ими ребенка, достигшего возраста десяти лет, необходимо согласие этого ребенка (ст. 133 КоБС); ребенок, достигший десяти лет, может быть передан в приемную семью, детский дом семейного типа, на патронатное воспитание только с его согласия (ст. 173, 176 КоБС).

Согласие ребенка, в отличие от мнения ребенка, по природе представляет собой одностороннее волеизъявление субъекта семейного права по конкретному вопросу, обозначенному нормой КоБС, и направлено на возникновение или изменение правоотношений, а в некоторых случаях и восстановление. Поэтому если нормой КоБС закреплено требование о необходимости наличия согласия ребенка по вопросу, то решение правоприменительными органами может быть принято только в соответствии с волеизъявлением ребенка.

После изменений и дополнений, внесенных в КоБС Законом Республики Беларусь от 18.12.2019, объем семейной дееспособности несовершеннолетнего отличается в отношении сходных по значимости вопросов: восстановления в родительских правах и лишения родительских прав. Согласно ч. 2 ст. 84

КоБС для восстановления в родительских правах в отношении ребенка, достигшего возраста десяти лет, необходимо его согласие (ч. 2 ст. 84 КоБС). При рассмотрении дел о лишении родительских прав КоБС не обязывает суд учитывать мнение или получать согласие ребенка (ст. 80 КоБС). Учитывая, что КоБС не содержит и общей нормы, закрепляющей право ребенка быть заслушанным при рассмотрении любого семейно-правового спора, затрагивающего его интересы, можно сделать вывод, что суд при рассмотрении дела о лишении родительских прав не должен выявлять мнение ребенка, учитывать наличие или отсутствие согласия ребенка на лишение его родителей родительских прав. Однако такой вывод следует только из анализа норм КоБС. Нормы гражданского процессуального права закрепляют иной подход (в отношении ребенка, достигшего 14 лет).

Исходя из положений ст. 59 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) объем гражданской процессуальной дееспособности несовершеннолетнего зависит от его возраста. В ч. 4 ст. 59 ГПК определено, что граждане в возрасте до 14 лет процессуальной дееспособностью не обладают, их права и охраняемые законом интересы в судах защищают их законные представители (родители, усыновители, опекуны). Как следует из доктрины гражданского процессуального права, такие лица лично в рассмотрении дел не участвуют [1, с. 83]. В случаях, когда исходя из положений КоБС при рассмотрении судом некоторых семейно-правовых споров должно быть выяснено мнение или получено согласие ребенка, на практике, как отмечается в научной литературе, вызывает сложность определение процессуального положения ребенка при рассмотрении судом споров, вытекающих из родительских отношений и усыновления (удочерения) [2, с. 290]. Особенно актуальна эта проблема для споров, возникающих между родителями (спор об определении места жительства ребенка, другие споры, связанные с воспитанием ребенка). В частности, малолетние могут привлекаться к рассмотрению дела в случаях, когда согласно КоБС необходимо выяснить их мнение по рассматриваемому спору или получить согласие. Учеными предлагается определять правовое положение несовершеннолетнего как непосредственно заинтересованного в исходе дела лица [2, с. 291].

Однако, когда ребенок достигает 14 лет, объем его процессуальной дееспособности, согласно ГПК, меняется и существенно. По-прежнему права и охраняемые законом интересы такого ребенка защищаются в суде его родителями, усыновителями или попечителями. Однако суд уже обязан привлекать к участию в делах несовершеннолетних, за исключением случаев, когда привлечение несовершеннолетнего к участию в деле противоречит его интересам (ч. 2 ст. 59 ГПК).

Кроме того, после изменений, внесённых Законом Республики Беларусь от 04.01.2012, ГПК прямо предусматривает право несовершеннолетних, достигших четырнадцати лет, лично обратиться в суд с заявлением о защите своих прав и охраняемых законом интересов и пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия

родителей, усыновителей, попечителей (ч. 3 ст. 59 ГПК). Действующая норма ст. 59 ГПК не конкретизирует категорию споров, не устанавливает отсылку к другим законодательным актам, предоставляющим ребенку такое право. Вопрос о привлечении к участию в таких делах родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетних для оказания им помощи решается судом. Такое изменение в законодательстве в доктрине гражданского процесса было подвергнуто критике [2, с. 288].

Таким образом, согласно ГПК, ребенок, достигший 14 лет, может привлекаться к участию в рассмотрении в том числе семейно-правовых споров, затрагивающих его права и охраняемые законом интересы, либо вообще выступать инициатором гражданского судопроизводства. И первый и второй вариант предполагает наделение ребенка определенными правами как участника судопроизводства (ст. 61 ГПК).

Следовательно, если КоБС по делам о лишении родительских прав прямо не закрепляет обязанности суда выявить мнение ребенка либо получить согласие ребенка, достигшего 10 лет, то ГПК закрепляет совершенно иной подход в отношении ребенка, достигшего 14 лет. С одной стороны, частичная гражданская процессуальная дееспособность несовершеннолетнего, достигшего 14 лет, предоставляющая ему право быть инициатором гражданского судопроизводства, согласуется с положениями ст. 11, ч. 3 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 19.11.1993 (в редакции Закона от 25.10.2000) «О правах ребенка». С другой стороны, на чашу весов с частичной гражданской процессуальной дееспособностью, несовершеннолетнего, достигшего 14 лет, позволяющей ему самостоятельно инициировать гражданское судопроизводство, где ответчиком выступает один или оба его родителя, могут быть положены исторически обусловленные особенности регулирования семейных отношений, семейные ценности, традиции и обычаи, присущие именно народу Республики Беларусь. Антипедагогичность схемы «ребенок-истец, ответчик – его мать (отец)» в своих работах отмечает и А. М. Нечаева [3]. Следует согласиться с такой критикой относительно ситуаций, когда ребенок выступает единоличным инициатором гражданского судопроизводства. Одной из задач законодательства о браке и семье остается «укрепление семьи в Республике Беларусь как естественной и основной ячейки общества на принципах общечеловеческой морали, недопущение ослабления и разрушения семейных связей» (ст. 1 КоБС). Поэтому все нормативные правовые акты, затрагивающие права детей, должны учитывать эту важнейшую задачу законодательства о браке и семье.

Как отмечается в доктрине гражданского процессуального права, гражданская процессуальная дееспособность «тесно связана с материальной, однако не совпадает с ней и регулируется специально. При этом последствия признания гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным распространяются и на процессуальную дееспособность» [1, с. 83]. По нашему мнению, при определении гражданской процессуальной

дееспособности следует в большей степени учитывать объем дееспособности субъекта, определяемой нормами материального права и, в частности, КоБС.

В настоящее время нормами КоБС закрепляются перечни уполномоченных на подачу иска субъектов по отдельным семейно-правовым спорам, реализация которых на практике нивелируется положениями ГПК, предоставляющими право предъявлять требования для защиты прав и охраняемых законом интересов более широкому кругу субъектов (ст. 59, ст. 80, ст. 85 ГПК и другие). Полагаем, нормы ГПК следовало бы согласовать с предлагаемыми в ряде статей КоБС исчерпывающими перечнями лиц, имеющими право выступать инициаторами рассмотрения отдельных семейно-правовых споров.

Наиболее дискуссионным видится соотношение с ГПК следующих положений КоБС.

В первую очередь отметим ч. 1 ст. 81 КоБС, в которой закреплён закрытый перечень субъектов, имеющих право предъявлять иск о лишении родительских прав. Исходя из ч. 3 ст. 59 ГПК 14-летние несовершеннолетние вправе по собственной инициативе предъявить иск о лишении родителей родительских прав (следует признать, что и КоБС непоследовательно подходит к данному вопросу (ч. 1 ст. 81, ст. 66-1)).

Также, согласно ч. 3 ст. 34 КоБС судом может быть расторгнут брак только по заявлению одного из супругов. В тоже время, согласно ст. 74 ГПК, исковое заявление о расторжении брака недееспособным подопечным может быть подано его опекуном.

Кроме того, правило о недопустимости расторжения брака, предусмотренное ст. 35 КоБС, следовало бы отразить в ст. 245 и ст. 246 ГПК среди одного из оснований для отказа судом в возбуждении искового производства *(в настоящее время, согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», недопустимость расторжения брака по основаниям, установленным ст. 35 КоБС, не препятствует обращению мужа в суд и возбуждению дела о расторжении брака)*.

С другой стороны, в КоБС также следует учитывать процессуальные аспекты рассмотрения судами дел.

Например, дела о расторжении брака между супругами, имеющими общих несовершеннолетних детей, но не имеющих спора о расторжении брака и о детях, не должны рассматриваться по правилам искового производства (ч. 1 ст. 36 КоБС). Как отмечается в доктрине, иск – «это обращенное к суду, а через суд – и к ответчику, требование заинтересованного лица о защите нарушенного или оспоренного субъективного права или охраняемого законом интереса, направленное на рассмотрение и разрешение судом спора о праве и постановление законного и обоснованного решения» [1, с. 257]. В случае если имеется взаимное согласие супругов на расторжение брака, отсутствует спор о воспитании и

содержании детей, рассмотрение такого дела в порядке искового производства противоречит его природе.

Следует констатировать, что в некоторых случаях подходы, изложенные в КоБС, соответствуют ГПК. Так, КоБС предоставляет право суду при рассмотрении некоторых семейно-правовых споров разрешать требования, которые не заявлялись инициаторами процесса (например, ч. 4 и ч. 5 ст. 36, ч. 4 ст. 80, ч. 5 ст. 140 КоБС и некоторые другие). Такой подход согласуется, в частности, с положениями ст. 273 ГПК.

Специфика рассмотрения семейно-правовых споров отражена в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (например, постановление Пленума от 30.09.2004 № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей», постановление Пленума от 20.12.1991 № 12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей», постановление Пленума от 22.06.2000 № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» и др.). Однако несмотря на это, с учетом всего вышеуказанного, актуальность сохраняют предложения ученых о целесообразности выделения из классического искового производства семейных дел, затрагивающих права и законные интересы детей [4, с. 274]. Полагаем, такой подход при детальном анализе норм КоБС и ГПК следует распространить на все споры, затрагивающие семейные права и охраняемые интересы.

Таким образом, право на самостоятельную судебную защиту, предоставляемое ребенку, достигшему 14 лет, процессуальным законодательством, не соответствует объему семейной дееспособности ребенка, изменяющейся в зависимости от его возраста. Считаем, что семейноведам нельзя безропотно соглашаться с таким подходом гражданского процессуального законодательства, устанавливающим вторичный характер семейной дееспособности ребенка относительно гражданской процессуальной дееспособности. Гражданское процессуальное и семейное законодательство нуждается в совершенствовании с целью выработки единого понимания порядка и особенностей рассмотрения семейно-правовых споров, в том числе затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних детей. В частности, гражданское процессуальное законодательство должно в большей степени учитывать особенности материально-правовой составляющей регулирования семейных отношений, в том числе при определении правил рассмотрения семейно-правовых споров. Также в ГПК следовало бы определить процессуальное положение ребенка, привлекаемого к рассмотрению дел, затрагивающих его права и законные интересы, по спорам, возникающим между другими субъектами семейного права (в частности, его родителями). КоБС в целях реализации нормы п. 2 ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка следует дополнить статьей, закрепляющей право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также

быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства [5].

Библиографические ссылки

1. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд. центр БГУ, 2020.
2. Теоретические и практические аспекты юстиции в отношении несовершеннолетних / С. М. Ананич [и др.] ; под ред. В. Н. Годунова, Л. Л. Зайцевой, С. К. Лещенко. Минск : РИВШ, 2021.
3. Нечаева А. М. Защита семейных прав ребенка и охрана его детства // Государство и право. 2018. № 7. С. 91–98 [Электронный ресурс]. URL: <http://gospravo-journal.ru/s013207690000225-9-1/> (дата обращения: 02.07.2020).
4. Тарусина Н. Н. Ребенок: о семейно-правовых предпосылках гражданско-процессуальной фигуры // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. О. Н. Низамиева. М. : Статут, 2011. С. 271–275.
5. Короткевич М. П. Защита прав и обеспечение интересов детей в семейном праве Республики Беларусь // Юстыцыя Беларусі. 2015. № 1. С. 25–30.

Липская С. А.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ СУДЬИ-РОБОТА В ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lipskaja@mail.ru*

Ускорение темпов развития искусственного интеллекта (ИИ) и его внедрения в сферы общественных отношений в последние несколько лет не могли не затронуть юридическую деятельность.

Применение информационных технологий позволяет осуществлять раскрытие преступлений, определение достоверности свидетельских показаний в судебном процессе, иных источников доказательств. Разработка программного обеспечения позволяет распознать аргументы в установлении фактов по делу (в настоящее время разрабатываются технологии по обнаружению предубеждений, слабых доказательств, в некоторых странах формируются большие массивы показаний, позволяющие анализировать информацию).

Очевидные перспективы открываются в производстве по гражданским, уголовным и административным делам, расширении возможностей применения не только слабого, направленного на решение узконаправленных задач, но и сильного ИИ.

Применение ИИ позволяет обработать массивы значительных объемов, выстроить цепочку закономерностей, найти оптимальных вариант решения анализируемого вопроса.

Допрос в гражданском процессе об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения дела, является одним из источников доказательств. Дача показаний сопровождается эмоциональным всплеском, нарушая привычный ритм жизни гражданина, что сказывается на оценке им и изложении сведений, в результате чего показания могут содержать неясности, упущения, сомнительные выводы и отклонение в сторону версии событий, которую нельзя было опровергнуть.

Применение ИИ в оценке показаний в общей связи с иными доказательствами, учитывая обстоятельства дела, позволяет указать на несоответствия, обнаруженные на разных стадиях дела.

Мировой опыт применения ИИ в показаниях, оценке достоверности источников доказательств в процессе гражданского процесса говорит о перспективе данного направления, включая выявление нечетких и неопределенных четко связей событий, фактов как не соответствующих действительности.

Загруженность судов, связанных с гражданском судопроизводством, сложно недооценить, учитывая, что, например, в 2021 г. доля гражданских дел в общем объеме превысила 36 % от общих статистических показателей работы судов общей юрисдикции в части рассмотрения дел [1].

Сложно недооценить и роль судьи в гражданском процессе, поскольку именно судья изучает, оценивает все имеющиеся материалы дела, рассматривает возможность представления дополнительных данных.

Кроме активной позиции в ведении дела со стороны судьи присутствует возможность возникновения межличностных взаимодействий, разрешения споров, ведения дела, иные функции, которые могут повлечь за собой проявление эмоций и сочувствия, что влечет за собой ситуации с потенциальной необъективностью в оценке обстоятельств в рамках дела.

Для совершенствования судебной системы в стремлении повысить ее эффективность следует активнее внедрять ИИ в судопроизводство. Изучение мирового опыта позволяет не только сократить время и расходы в данном вопросе, но и перенять очевидные перспективные направления.

Интересной представляется практика Бразилии с программой «Электронный судья», когда на протяжении более 10 лет применяется анализ данных и их достоверности, при котором дача показаний подвергается анализу наравне с иными доказательствами, на основании чего программа предлагает судье потенциальное решение суда. Следует отметить, что анализ и совершенствование системы осуществляется на протяжении всего периода применения.

Мировая тенденция выстраивания национальных интересов и приоритетности разработки и внедрения ИИ в различных сферах общественной жизни привела к появлению очевидных лидеров в данном соревновании. ИТ-лидерами стали США и Китай.

Американская система DARE (Дэр) применяет мультимодальное взаимодействие в обнаружении ложных сведений во время заслушивания свидетелей, подсудимых, иных участников процесса. Использование модальных ключей невербальных и вербальных средств в создании системы обнаружения ложных данных позволяет разграничивать и выделять достоверные и недостоверные сведения, предоставленные свидетелями, ответчиками, подсудимыми. Система DARE позволяет оценить недостоверность сведений на трех уровнях: визуальном, акустическом, лингвистическом.

Практика применения DARE подтверждает эффективность системы на данном уровне 83,05%. Совмещение функции улучшенной траектории с целью распознавания действий, Mel-частотных кепстральных коэффициентов, используемых в области анализа аудиозаписей вследствие повышенной помехоустойчивости, с микровыражениями позволяют довести эффективность до 92,20 % [2; 3].

Уникальная система, созданная Народной прокуратурой Шанхая в Китае, представляет собой судью, оснащенного ИИ. Данный судья-робот принимает 97 % решений на основании устных показаний. Результативность определяется мощными технологиями, анализом максимума из всех мировых аналогов загруженных в систему дел, опираясь на которые и выстраиваются алгоритмы. Следует отметить, что разработчики пытаются усовершенствовать систему для устранения 3 % вероятности ошибки [4].

Именно данная система позволяет выделить опыт Китая и судьи-робота как наиболее привлекательный. Несмотря на более мощные технологии и более точные алгоритмы, применяемые США, в Китае точность принимаемых решений гарантируется гигантскими объемами загружаемых данных, когда данная достоверность решений ИИ компенсируется за счет практики и объемами анализируемых материалов.

Судья-робот не подвержен эмоциональности, а значит, исключена возможность предвзятого отношения в ходе ведения гражданского процесса, при анализе, выводах и принимаемом решении.

Кроме того, всеобъемлющий анализ материалов дела позволяет исключить невнимательность к деталям, которые указывают на недостоверность представленных источников доказательств по делу. Так, анализ системой мимики, речи, поведения в процессе дачи показаний, сопоставления с доказательствами и средствами доказывания позволяет в полной мере выявить нераскрытые доказательства, исследовать и оценить доказательства как отдельно, так и в совокупности с другими. Именно алгоритмы ИИ и большой объем данных, загруженных в данные алгоритмы, позволяют утверждать, что оценка доказательств судьей-роботом дает возможность выявить потенциальное несоответствие доказательства объективной действительности.

Очевидно, что в ближайшей краткосрочной перспективе ИИ не сможет повсеместно заменить судей, так как для этого требуется развитие более мощных технологий. В настоящее время ИИ представлен как помощник,

обеспечивающий вопросы делопроизводства. Ряд прогрессивных стран использует ИИ в качестве дублера в оценке ряда доказательств, и незначительная часть государств (США, Китай, Бразилия) используют ИИ в качестве судей, оценивающих обстоятельства дела и доказательства, с вынесением решения и контролем за решениями.

Опыт судей-роботов, анализ выявленных ошибок позволяет утверждать, что это влечет за собой изменение ролей участников судебного процесса, необходимость правового регулирования ИИ в целом и решения вопроса ответственности за возможность ошибок в принятии решений судьей-роботом и ИИ.

Проблемы, связанные с применением ИИ в гражданском процессе, такие как постоянный контроль, связанный с возможностью риска ошибок, требуют пристального внимания.

Среди проблем следует выделить возможность вмешательства посторонних сил, например, сопровождающихся созданием интернет-ботов, могущих прямо или косвенно повлиять на принятие решения.

Немаловажным является неполноценность оценки ИИ, не учитывающей социальные, общечеловеческие критерии. Данные критерии затруднительно облечь в коды и математику, так как ИИ предполагает математический анализ машинных алгоритмов. Сложно предположить, каким образом скажется внедрение технологий в систему общественной жизни, как отразится на поведении общества.

Вопрос о неприкосновенности биометрических и иных данных граждан, не подлежащих разглашению, рассматривается большинством развитых стран в национальных стратегиях развития ИИ. Однако, несмотря на требование защиты данных, сделать это на практике не представляется возможным.

Обеспечение прозрачности системы и исключение возможности воспроизведения ИИ как самодостаточного для решения поставленных задач требуют более детального исследования ИИ и его доработки.

Оценивая проблемы, связанные с применением ИИ в гражданском процессе, полагаем, что преимущества и перспективы ИИ приведут к очевидным выводам общества о том, что судья-робот является естественным этапом эволюционного развития гражданского процесса.

Ускорение принятия решений о необходимости правового регулирования ИИ, наблюдаемое последние несколько лет, подтверждает тезис о том, что судья-робот становится перспективой ближайшего времени.

ИИ в Республике Беларусь рассматривается на высшем уровне и согласуется с национальными интересами, определенными Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [5; 6].

ИИ является одним из приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности в Республике Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 [7].

Технологии разрабатываются, внедряются, совершенствуются, что приводит к изменению многих аспектов деятельности человека, в том числе совершенствованию судебной деятельности с ее цифровизацией [9].

Тема применения ИИ и судьи-робота в гражданском процессе противоречива, существует множество потенциальных рисков, в основном относящихся к возможным ошибкам в процессе задания функций, а также риске появления самодостаточного и неконтролируемого ИИ. Полагаем, что неизбежность внедрения интеллекта во все сферы общественной жизни, требует своевременного реагирования, в том числе для правового регулирования данных вопросов. Распространение в судебной системе ИИ диктует необходимость подбора инструментов ограничения и воздействия на него для применения во благо личности, общества, государства. Выявленные особенности и перспективы ИИ позволяют найти наиболее эффективные информационные технологии для анализа материалов гражданского дела. Среди перспективных направлений развития взаимосвязи ИИ и оценки всех обстоятельств выделяют выявление нечетких и неопределенных четко связей событий, фактов как не соответствующих действительности. Это позволит судье, ведущему гражданский процесс, при оценке доказательств обратить внимание на несоответствие, сравнить принимаемое решение с выводами судьи-робота. Применение данных технологий значительно улучшит качество судебных решений, сократит сроки рассмотрения дел.

Библиографические ссылки

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2021 год [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. 2022. URL: <https://court.gov.by/> (дата обращения: 22.03.2022).

2. Multimodal Deception Detection using Real-Life Trial Data [Electronic resource] / U. M. Sen [et al.] // Ieeexplore.ieee.org. 2020. 11 august. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9165161> (date of access: 22.03.2022).

3. Deception Detection in Videos [Electronic resource] / Z. Wu [et al.] // Doubaibai. URL: <https://doubaibai.github.io/DARE/> (date of access: 22.03.2022).

4. Chen S. Chinese scientists develop AI “prosecutor” that can press its own charges [Electronic resource] // South China Morning Post. 2021. 28 december. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3160997/chinese-scientists-develop-ai-prosecutor-can-press-its-own> (date of access: 22.03.2022).

5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от

24.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

6. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

7. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 7 мая 2020 г., № 156 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

8. 塔妮娅·索丁. 法官V机器人: 人工智能与司法裁判 [Electronic resource]/ 塔妮娅·索丁 //苏州大学学报 (法学版. 2020. № 4. С. 10.

Лободин П. О.

ИСКИ О ВЗЫСКАНИИ ВАЛЮТНОГО ЭКВИВАЛЕНТА: ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, pavel.labodzin@tut.by

Риск изменения валютных курсов является важным фактором при планировании и осуществлении экономической деятельности в условиях малой открытой экономики. Ввиду законодательного запрета на использование иностранной валюты при осуществлении взаиморасчетов между резидентами Республики Беларусь в гражданском обороте получили распространение сделки, где подлежащая уплате сумма в белорусских рублях привязана к определенной сумме в иностранной валюте. Однако существуют определенные недостатки в подходах к судебной защите прав кредиторов, чьи интересы были нарушены в таких обязательствах. В частности, является противоречивой практика судов общей юрисдикции по вопросу о возбуждении гражданских дел по искам о взыскании суммы задолженности в привязке к валютному эквиваленту.

Согласно ч. 2 п. 1 ст. 298 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в белорусских рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах («специальных правах заимствования» и др.). В этом случае подлежащая оплате в рублях сумма определяется по официальному курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законодательством или соглашением сторон [1].

Из указанного следует, что нормы материального права прямо позволяют субъектам гражданских правоотношений выражать обязательства

в иностранной валюте при условии использования белорусского рубля в качестве валюты платежа.

Важно понимать, что отрасли права находятся в неразрывной взаимосвязи, процессуальные нормы тесно взаимодействуют с нормами материального права, устанавливают четкие механизмы реализации последних. Как верно отметил С. А. Комаров, нормы права должны соответствовать экономическому базису общества, они взаимосвязаны, взаимообусловлены друг другом. При этом право должно не только соответствовать экономическому положению, не просто быть его выражением, но и быть внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий [2, с. 304].

Несмотря на то, что гражданское право дает «зеленый свет» договорной конструкции, в которой во взаиморасчетах сторон применяется валютный эквивалент, гражданское процессуальное законодательство и практика его применения не позволяют говорить о существовании полноценной процессуальной формы реализации такой конструкции. В случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) должниками платежных обязательств по таким договорам кредиторы при возбуждении гражданских дел в судах сталкиваются с препятствиями, которые связаны с необходимостью соблюдения процессуальных правил оформления искового заявления (ст. 243 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК)) [3]. Так, в судебной практике распространены случаи оставления судьями исковых заявлений без движения, если требования заявлены истцом в белорусских рублях в привязке к иностранной валюте. Подателю документов предлагается заявить требования без использования валютного эквивалента, указать цену иска в белорусских рублях. Приведем пример из судебной практики.

Между ООО «В», Республика Беларусь (Заказчик) и ООО «Ф», Республика Беларусь (Подрядчик) заключен договор на разработку программного обеспечения, в соответствии с которым Подрядчик обязуется выполнить работы по анализу, проектированию и разработке программного обеспечения информационных систем, а Заказчик обязуется принять результат работ и уплатить за него установленную цену.

Валютой обязательств является доллар США, а валютой платежа – белорусский рубль.

Как установлено договором, оплата работ производится в белорусских рублях по курсу Национального банка Республики Беларусь на дату оплаты.

Выполненные Подрядчиком работы оплачены лишь частично, имеется задолженность в сумме, эквивалентной 10 872,50 долларов США.

Претензия ООО «Ф» оставлена без удовлетворения.

ООО «Ф» обратилось в судебную коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь с исковым заявлением, в котором просило суд взыскать с ООО «В» сумму долга в белорусских рублях, эквивалентную 10 872,50 долларов США, на дату исполнения решения суда.

Определением судьи от 25.11.2021 исковое заявление ООО «Ф» оставлено без движения со ссылкой на ч. 1 ст. 243 ГПК, ст. ст. 141, 298 ГК. Подателю документов предложено указать, какую именно сумму в белорусских рублях он просит взыскать с ответчика на дату подачи искового заявления, а также определить в белорусских рублях цену иска.

Определение обжалованию (опротестованию) в апелляционном порядке не подлежит [4].

Из приведенного примера следует, что, несмотря на наличие валютного эквивалента во взаиморасчетах сторон, суды не позволяют истцу облечь данную конструкцию в процессуальную форму, предлагая подателю документов заявить требования в белорусских рублях на дату обращения в суд. Полагаем, что такой подход является не совсем верным по следующим причинам.

Во-первых, в таком случае ограничивается действие нормы материального права, позволяющей вносить в договоры валютный эквивалент взаиморасчетов.

Во-вторых, право истца на увеличение размера исковых требований в ходе производства по делу не позволяет говорить о полной защите его имущественных прав – в случае удовлетворения исковых требований в итоговом судебном постановлении будет зафиксирована сумма в белорусских рублях без указания валютного эквивалента. При этом предусмотренный гражданским процессуальным законодательством институт индексации долга (ст. 318-2 ГПК) не является равноценным аналогом описанной конструкции договорного права.

В-третьих, судья не вправе разрешать вопросы материального права на стадии возбуждения гражданского дела.

По нашему мнению, исковые заявления по таким спорам не должны оставаться без движения по вышеуказанным основаниям. Гражданские дела по таким спорам подлежат возбуждению, если подателем документов соблюдены иные требования к содержанию искового заявления, а также отсутствуют основания для отказа в возбуждении дела

Необходимо отметить, что наряду с вышеописанным подходом в судебной практике зачастую встречаются случаи, когда судьи нижестоящих звеньев судебной системы возбуждают гражданские дела по искам о взыскании задолженности в привязке к определенной сумме в иностранной валюте. Наряду с этим существует вариативность в формулировании резолютивной части решений по такой категории споров. Так, некоторые суды указывают суммы, подлежащие взысканию, в белорусских рублях, определяя курс иностранной валюты на дату вынесения решения. В иных случаях присуждаются суммы в иностранной валюте с указанием на необходимость проведения расчетов по курсу иностранной валюты на дату исполнения решения суда. На наш взгляд, обозначенная проблема в подходах к составлению итогового судебного постановления заслуживает самостоятельного исследования.

Таким образом, на данном этапе нельзя утверждать, что судебная практика имеет единый подход к вопросу о возбуждении гражданских дел по спорам о взыскании сумм задолженности в привязке к валютному эквиваленту. С учетом существования нормы материального права, позволяющей субъектам гражданских правоотношений выражать обязательства в иностранной валюте, указанный вопрос должен быть разрешен положительно на уровне разъяснений высшей судебной инстанции либо путем включения соответствующих положений в новый Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

2. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. 7-е изд., испр. и доп. СПб. : Питер, 2008.

3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

4. Архив Верховного Суда Республики Беларусь за 2021 г. Дело № 1ИГИП21152.

Мартыненко И. Э.

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, i.martinenko@grsu.by*

Введение. Проектом *Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь* предусматривается, как и ожидалось, в качестве самостоятельной стадии производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных постановлений в Верховном Суде Республики Беларусь (глава 56 Проекта). Учитывая дискуссионный характер сложившегося и реализованного в 1991–2022 гг. подхода к данной стадии судопроизводства, выскажем свое мнение относительно существующей и предлагаемой системы обжалования судебных постановлений в порядке надзора в хозяйственном процессе (по экономическим делам). Для этого обратимся к наиболее важным работам, формирующим методологию исследования, авторами которых являются Е. А. Борисова [1], И. Ю. Быкова [2],

Н. Ш. Гаджиалиева [3], М. А. Егорова [4], Е. И. Иванова [5], С. И. Князькин [6], С. В. Мышьяков [7], М. Ю. Новик-Качан [8], И. В. Рехтина [9], И. А. Сенцов [10], Л. А. Терехова [11], В. М. Ястребов [12]).

Итак, пересмотр судебных актов в порядке надзора всегда является особой стадией хозяйственного процесса и имеет свои специфические особенности, отличающие ее от других стадий. Отношения, возникающие в этой стадии процесса, имеют свой субъектный состав, объект, содержание и предпосылки возникновения. Так, цели и задачи стадии пересмотра судебных постановлений в порядке надзора подразделены на основные (конститутивные), свойственные стадии в целом, и частные (специальные), присущие отдельным этапам стадии. Сформулированы три основные цели стадии: устранение судебных ошибок; подтверждение законности оспариваемого акта; направление судебной практики. Первая и вторая цели являются альтернативными. Определена исключительная цель стадии: обеспечение единства судебной практики и законности [8, с. 6].

Объектом пересмотра в этой стадии процесса является довольно широкий круг судебных актов, вступивших в законную силу: в порядке надзора могут быть пересмотрены не только вступившие в законную силу решения суда первой инстанции, но и постановления, вынесенные апелляционной и кассационной инстанциями (ст. 300 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, далее – ХПК).

Как определено в ст. 302 ХПК, судами, рассматривающими экономические дела, надзорной инстанции являются Президиум Верховного Суда Республики Беларусь и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь.

Исходя из анализа нормативных правовых актов, регламентирующих порядок организации и компетенцию высшего органа хозяйственной юрисдикции (а это не только ХПК, но и Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей), можно условно разделить полномочия Пленума Верховного Суда Республики Беларусь на две большие группы: судебные полномочия (рассматривает в пределах своей компетенции в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам экономические дела (ст. 48 ХПК, ст. 322 ХПК); организационно-управленческие полномочия (заслушивает председателей судебных коллегий Верховного Суда Республики Беларусь о деятельности возглавляемых ими судебных коллегий, сообщения председателей нижестоящих судов о практике применения судами законодательства, исполнения постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по применению законодательства; избирает Высшую квалификационную коллегия судей Верховного Суда Республики Беларусь; утверждает порядок формирования и организации работы с резервом кадров и др.) (ст. 58 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей).

По этому вопросу мы уже много лет придерживаемся другого мнения, которое, как видно из проекта Кодекса гражданского судопроизводства, частично учтено. Считаем, что одновременное существование в системе судов судебного органа (т. е. Пленума Верховного Суда Республики

Беларусь), наделенного полномочиями и законодательной (принятие обязательных постановлений о применении законодательных актов), и судебной власти (пересмотр судебных актов по протестам в порядке надзора) в определенной мере противоречит принципам построения судебной власти. Возможно, следуя этой логике, в Российской Федерации остался только один суд надзорной инстанции – Президиум Верховного Суда Российской Федерации (ст. 308.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, далее – АПК РФ).

Особенностью производства в порядке надзора является специальный порядок его возбуждения, в соответствии с которым принесению протеста предшествует обращение заинтересованных лиц (*субъектов надзорного обжалования*) с надзорной жалобой к *субъектам надзорного опротестования*. Субъекты надзорного обжалования определены в ст. 303 ХПК. Субъекты надзорного опротестования указаны в ст. 301 ХПК. Иные должностные лица (например, председатели экономических судов областей и председатель экономического суда г. Минска, а также прокурор области, прокурор г. Минска) права на принесение протестов в порядке надзора на вступившее в законную силу решение, постановление не имеют.

Считаем, что в новом процессуальном кодексе это положение может быть изменено: учитывая близость двух форм судопроизводства (гражданского и хозяйственного процессов), а также наметившуюся тенденцию к расширению полномочий прокурора в арбитражном процессе (*хозяйственном судопроизводстве в Республики Беларусь – прим. автора для целей пояснения вывода И. А. Сенцова*) [10, с. 140], полагаем возможным рассмотреть вопрос о наделении правом принесения протеста в порядке надзора по экономическим делам прокурора области и прокурора г. Минска.

Условия возбуждения производства в порядке надзора в хозяйственном процессе следующие: предположения подателя жалобы о существенном нарушении вынесенным судебным постановлением его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в результате нарушения или неправильного применения судом, рассматривающим экономические дела, норм материального или процессуального права; факт исчерпания всех других имеющихся возможностей для проверки в судебном порядке законности оспариваемого судебного акта (ст. 303 ХПК). Как видно, факт наличия этих условий имеет место тогда, когда заинтересованные лица *полагают*, что оспариваемым актом *существенно* нарушены их права и законные интересы. Если заявитель, обращаясь в суд надзорной инстанции, посчитал, что оспариваемым судебным актом его права и законные интересы нарушены именно *существенным образом* и указал об этом непосредственно в тексте своего надзорного обращения, значит, вне зависимости от того, как заявитель понимает эту существенность, так оно и есть то самое условие, в его соответствующей части, следует считать состоявшимся, а изначальный вывод заявителя неопровержимым [6, с. 18].

Согласно требованиям ст. 303 ХПК жалоба в порядке надзора на судебное постановление может быть подана лицом, имеющим право принесения протеста, в срок не более одного года со дня вступления в законную силу судебного постановления. В науке (РФ) встречается предложение о необходимости увеличения предусмотренного ст. 376 ГПК РФ и ст. 292 АПК РФ срока на подачу надзорной жалобы (заявления) или представления прокурора о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления *до двух лет и одного года* (выделено нами – И. М.) соответственно, с тем чтобы лица, обратившиеся в суд надзорной инстанции, могли воспользоваться всеми возможностями по защите своих прав и законных интересов, предоставленными им законом [8, с. 12]. Полагаем, что увеличение до двух лет срока на подачу жалобы в порядке надзора в настоящее время в Республике Беларусь нецелесообразно.

Заключение. Продолжаем отстаивать предложения о том, что одновременное существование в судебной системе органа (Пленум Верховного Суда Республики Беларусь), наделенного полномочиями по принятию нормативных правовых актов (ст. 17 Закона Республики Беларусь о нормативных правовых актах от 17 июля 2018 г. № 130-3), и судебной власти (пересмотр судебных актов по надзорным протестам, ст. 302, 312 ХПК) в определенной мере противоречит принципам построения судебной власти. В связи с этим в Кодексе гражданского судопроизводства целесообразно установить рассмотрение протестов в порядке надзора только на заседаниях Президиума Верховного Суда Республики Беларусь. Полагаем, что правом принесения протеста в порядке надзора в хозяйственном судопроизводстве должен быть наделен также прокурор области, прокурор города Минска. Для этого целесообразно дополнение ст. 301 ХПК. Сообразно должно измениться и судоустройственное законодательство.

Библиографические ссылки

1. Борисова Е. А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в гражданском, арбитражном процессах : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.15. М., 2005.
2. Быкова И. Ю. Эволюция надзорного производства в гражданском процессе : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.15 / Институт государства и права Российской академии наук. М., 2016.
3. Гаджиалиева Н. Ш. Становление и развитие надзорного производства в гражданском процессе // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 65–69.
4. Егорова М. А. Компетенция судов: новые правила и механизмы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2018. № 1 (20). С. 73–79.
5. Иванов Е. И. Пределы производства по обжалованию судебных актов в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 36–40.

6. Князькин С. И. Оптимизация проверочных инстанций в системе арбитражных судов // Российское правосудие. 2019. № 6. С. 18–24.

7. Мышьяков С. В. Процессуальные аспекты оспаривания судебных актов в российском цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 1. С. 28–32.

8. Новик-Качан М. Ю. Надзорное производство в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М., 2005.

9. Рехтина И. В. Пересмотр судебных постановлений в порядке надзора в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Том. гос. ун-т. Томск, 2006.

10. Сенцов И. А. Прокурор в состязательном гражданском процессе России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4(47). С. 140–146.

11. Терехова Л. А. Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования. М. : Волтерс Клувер, 2008.

12. Ястребов В. М. Проблемы реформирования законодательства о надзорном производстве в гражданском процессе // Социально-экономические и правовые системы стран евразийской экономической интеграции : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Сибирский институт бизнеса и информационных технологий. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2020. С. 172–179.

Матюк В. В.

**ПРОЕКТ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА
В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ**

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawgrproc@bsu.by

На интернет-площадке Правовой форум Беларуси с 4 по 25 марта 2022 г. Верховным Судом Республики Беларусь было организовано общественное обсуждение проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – проект КГС).

Проектом КГС предусматриваются определенные изменения в правовом положении прокурора в цивилистическом процессе, в частности, при рассмотрении и разрешении дел судом первой инстанции. Эти изменения нуждаются в серьезном научном осмыслении.

1. Разработчики в проекте КГС не выделяют нормы о прокурорском надзоре за законностью судебных постановлений по гражданским делам в качестве самостоятельного принципа цивилистического процесса, тогда как глава 2 «Принципы гражданского судопроизводства» действующего Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (ГПК) 1999 г. содержит ст. 23 «Прокурорский надзор в гражданском судопроизводстве», в которой закрепляется, что надзор за законностью и обоснованностью

судебных постановлений по гражданским делам, а также за соблюдением законодательства при их исполнении осуществляется Генеральным прокурором и подчиненными ему прокурорами.

В качестве конституционного принципа гражданского процессуального права принцип «судебного и прокурорского надзора за законностью и обоснованностью судебных постановлений» называет В. Г. Тихиня [1, с. 33]. Н. Г. Юркевич, выделяя данный принцип в качестве самостоятельного принципа гражданского процесса [2, с. 81], справедливо отмечал, что «принципами гражданского судопроизводства в целом являются лишь те из них, которые относятся ко всему процессу либо большинству его институтов, стадий» [2, с. 63–64].

Действующий ГПК, проект КГС содержат значительное количество норм, содержащих правила прокурорского надзора за законностью судебных постановлений на большинстве стадий гражданского судопроизводства, в том числе на стадиях возбуждения производства по делу, судебного разбирательства, апелляционного, кассационного производства (по проекту КГС), надзорного производства.

Представляется, что в проекте КГС, на уровне отраслевого процессуального законодательства, целесообразно закрепить конституционную нормы ч. 2 ст. 125 Конституции Республики Беларусь (уточненной по решению республиканского референдума 27 февраля 2022 г.), в соответствии с которой «прокуратура осуществляет надзор за ... соответствием закону судебных постановлений по гражданским... делам». Считаем, что данная обязывающая конституционная норма должна найти развитие в процессуальном законодательстве как в виде общей процессуальной нормы (принципа), так и посредством определенной совокупности конкретных (специальных) процессуальных норм применительно к различным стадиям гражданского процесса.

Отметим также, что принцип прокурорского надзора за законностью судебных постановлений не закреплен в действующем Законе «О прокуратуре Республики Беларусь».

Перенос из действующего ГПК в проект КГС общих норм о прокурорском надзоре за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам в виде принципа гражданского судопроизводства позволит выстроить основу для закрепления в кодексе значительного количества специальных норм, регламентирующих правовое положение прокурора на большинстве стадий гражданского процесса, в том числе определяющих возбуждение производства по гражданскому делу по заявлению прокурора, его вступление в начатый процесс, участие прокурора в рассмотрении гражданских дел, в пересмотре судебных постановлений по гражданским делам, а также в производстве, связанном с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов.

В содержание принципа могут быть включены нормы, определяющие: 1) обязанность прокурора строго соблюдать в гражданском судопроизводстве пределы своих полномочий, требования международных договоров и

национального законодательства; 2) требование к прокурору не допускать неправомерного воздействия на судей в процессе принятия ими решений; 3) требование быть объективным и не допускать злоупотребления правом при осуществлении надзора и некоторые другие правила.

2. Проектом предусматривается ограничение имеющихся в настоящее время возможностей прокурора по обращению в суд с заявлением о возбуждении производства по гражданскому делу, подведомственному суду. Прокурору предоставляется право обратиться в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц либо государственных и общественных интересов лишь в случаях, установленных законодательными актами. Это зафиксировано предлагаемой нормой ч. 2 ст. 5 «Право на обращение за судебной защитой» проекта, согласно которой «в случаях, установленных законодательными актами, в суд могут обратиться прокурор, государственные органы, юридические лица и граждане, от собственного имени защищающие права, свободы и законные интересы других лиц либо государственные и общественные интересы».

В развитие вышеуказанной нормы ч. 1 ст. 71 проекта КГС содержит общую норму, предусматривающую право прокурора обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, если это необходимо для защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов юридических лиц государственной формы собственности либо имеющих в уставном фонде долю государственной собственности. Помимо этой нормы, посредством специальной нормы ч. 2 ст. 71 проекта КГС устанавливается правило, что «заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, в силу недееспособности или по другим уважительным причинам не может самостоятельно обратиться в суд» [3].

В п. 3 ст. 71 проекта приводится закрытый перечень сфер общественных отношений (как следует полагать наиболее важных с точки зрения разработчиков проекта КГС): охрана материнства (отцовства) и детства, социальное и пенсионное обеспечение, – для участников которых предусматривается возможность защиты их нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов прокурором. По письменному заявлению граждан прокурор будет вправе обратиться в суд в защиту их нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов в указанных сферах общественных отношений.

Полагаем, что сферу общественных отношений, в которой прокурор на основании специальной нормы ч. 3 ст. 71 проекта КГС вправе по письменному заявлению граждан обратиться в суд в защиту их нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, можно расширить за счет следующих не менее важных общественных отношений: трудовых; по защите права на образование; по охране здоровья; по охране окружающей среды.

Это обеспечит постепенный переход от предусмотренного ст. 81 действующего ГПК неограниченного гражданскими процессуальными средствами права прокурора на обращение в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, к новому этапу правового регулирования участия прокурора в гражданском судопроизводстве без существенного снижения степени защищенности названных и некоторых других важнейших общественных отношений со стороны государства.

3. Отрадно, что в отношении возможности вступления прокурора в гражданский процесс, начавшийся по инициативе других лиц, в представленном проекте КГС нашла закрепление позиция менее жесткая, чем та, которая высказывалась в ходе подготовки проекта.

Так, в итоговых документах конференции «Единый процессуальный кодекс как инструмент реализации права на справедливое судебное разбирательство по гражданским и экономическим делам» предлагалось сохранить такую форму защиты прав и охраняемых законом интересов субъектов права, как вступление прокурора в гражданский процесс, начавшийся по инициативе других лиц, лишь «с целью защиты государственных либо общественных интересов». Отмечалось также, что следует «максимально уменьшить круг дел с обязательным участием прокурора, определив исчерпывающий перечень споров, связанных с защитой прав наиболее уязвимых категорий лиц» [4].

В научной литературе ранее отмечалось, что при таком подходе «могут быть снижены гарантии защиты прав отдельных категорий граждан, а также останется нереализованной правозащитная функция прокурора» [5, с. 234]. Нами также высказывалась обеспокоенность, что пока в стране не заработают иные эффективные правозащитные механизмы, по-видимому, не нужно нацеливаться на то, чтобы «максимально» [4] уменьшить круг дел с обязательным участием прокурора [6, с. 60].

В итоге проект КГС предусматривает право прокурора вступить в начатый процесс в целях защиты «государственных и общественных интересов», а также «прав, свобод и законных интересов граждан» (п. 4 ст. 71) [3], а также включает более широкий перечень оснований обязательного участия прокурора в гражданском судопроизводстве по сравнению с действующим ГПК (ст. 73) [3].

4. Полагаем, что ч. 4 ст. 71 проекта КГС следует дополнить предложением следующего содержания: «Лица, участвующие в деле, должны быть проинформированы судом о вступлении в процесс прокурора до начала судебного заседания с его участием». Это станет дополнительной гарантией обеспечения требования о равноправии лиц, участвующих в деле (ч. 3 ст. 16 проекта КГС), состязательности (в том числе обеспечение права знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства в соответствии с ч. 3 ст. 14 проекта КГС).

5. В ч. 3 ст. 71 проекта КГС слова «в сфере охраны материнства (отцовства) и детства» предлагается заменить на слова «в сфере материнства, отцовства и детства». Это представляется необходимым в целях обеспечения

согласованности нормативных правовых положений проекта КГС и действующих норм Кодекса о браке и семье (КоБС). В частности, норма ч. 4 ст. 3 КоБС определяет, что «в сфере социальной политики государство считает приоритетной задачей защиту брака, семьи, охрану материнства, отцовства и детства». Таким образом, понятия «материнство» и «отцовство» справедливо рассматриваются как неравнозначные, обладающие специфическими признаками.

6. Норму ч. 2 ст. 74 проекта КГС после слова «Прокурор» предлагается дополнить словами «, осуществляя возложенные на него полномочия,». Такое изложение нормы призвано подчеркнуть, в частности: 1) особый правовой статус прокурора, участвующего в деле; 2) механизм использования прокурором определенных ч. 1 ст. 74 проекта КГС его процессуальных прав и обязанностей; 3) возможность (необходимость) отказа прокурора от своего заявления при отсутствии распорядительных прав в отношении предмета иска.

Таким образом, проектом КСГ предусматривается весьма существенные изменения в правовом положении прокурора в цивилистическом процессе, в частности, при рассмотрении и разрешении дел судом первой инстанции, а предлагаемые правовые средства призваны обеспечить совершенствование правового регулирования в данной сфере общественных отношений с учетом современных тенденций развития науки цивилистического процессуального права.

Библиографические ссылки

1. Тихиня В. Г. Гражданский процесс : учебник. 2-е изд., перераб. Минск : ТетраСистемс, 2013.

2. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Амалфея, 2006.

3. Проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. URL: http://forumpravo.by/files/Proekt_KGS_Verhovnij_synd_04.03.2022.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

4. Международная конференция «Единый процессуальный кодекс как инструмент реализации права на справедливое судебное разбирательство по гражданским и экономическим делам» прошла в Минске [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: http://court.gov.by/ru/justice/press_office/237df8d33f8f4ebe.html (дата обращения: 20.09.2021).

5. Сергиенко А. А. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве // Эффективность осуществления и защиты права как гарантия создания правового государства : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2–3 декабря 2004 г. / редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. Минск : И. П. Логвинов, 2005. С. 231–234.

6. Матюк В. В. Подходы к развитию норм белорусского права об участии прокурора в судебном разбирательстве по гражданским делам // Новеллы права, экономики и управления 2021: в 2 т.: сборник научных трудов по материалам VII международной научнопрактической конференции (г. Гатчина, 26–27 ноября 2021 г.) / отв. ред. В. Р. Ковалев [и др.]. Гатчина, 2022. Т. 1. С. 57–60.

Прибытко А. А.
ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
ЗАО «СЕВЗАПМОНТАЖАВТОМАТИКА», ул. Асаналиева, 27. г. Минск,
Беларусь, taliks@tut.by*

Один из основных инструментов привлечения иностранных инвесторов на территорию нашей страны – заключение инвестиционного договора, согласно Декрету Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» [1], благодаря которому инвестор получает существенные экономические льготы и преференции. При этом инвестиционный договор выгоден и инвестору, и государству: первый получает более благоприятные условия ведения бизнеса, а второе – гарантию того, что инвестор выполнит заявленные им показатели. Однако даже в процессе подобного взаимовыгодного сотрудничества не исключено возникновение споров между сторонами договора.

Белорусский законодатель обратил внимание на важность правового регулирования порядка разрешения споров между государством и иностранными инвесторами, что подтверждается принятием постановления Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2012 г. № 146 «Об утверждении Положения о досудебном урегулировании споров (разногласий), связанных с осуществлением инвестиций» [2]. Однако порядок преодоления некоторых сложностей, касающихся споров из инвестиционных договоров с Республикой Беларусь, до настоящего времени остается не освещенным в полной мере.

Так, с 1991 по 2017 г. фактически Республика Беларусь как сторона спора между государством и инвестором не выступала, ограничиваясь спорами между государственными органами и инвестором. Примером служит «дело Балтики» и «дело Альфа-Банка».

В течение нескольких последних лет против Республики Беларусь были начаты сразу три арбитражных разбирательства по искам инвесторов: по искам инвесторов ООО «МанOLIUM-Процессинг» (Российская Федерация), ЗАО «Гранд Экспресс» (Российская Федерация) и Delta Belarus Holding BV (Нидерланды).

Таким образом, одной из особенностей инвестиционных споров с Республикой Беларусь можно назвать отсутствие обширной практики, что, с одной стороны, наталкивает на мысль о выполнении Республикой Беларусь своих обязательств, а с другой – отсутствие инвестиционной активности. При этом данные дела рассматриваются в иностранном арбитраже, поднимая вопрос о способах выражения согласия государства на процедуру арбитража.

Юрисдикция состава арбитража на рассмотрение инвестиционных споров может быть предусмотрена:

- международными договорами Республики Беларусь (двусторонними или многосторонними);
- национальным законодательством государства реципиента;
- инвестиционными договорами с конкретными инвесторами.

Республика Беларусь является стороной более 50 международных договоров о защите инвестиций, абсолютное большинство которых содержит юрисдикционную оговорку.

В международных договорах Республики Беларусь о защите инвестиций с различными государствами может быть предусмотрено разрешение споров как в институциональном, так и в *ad hoc* арбитраже.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (ст. 13) [3] белорусское законодательство предусматривает право инвестора обратиться:

- 1) в государственный суд;
- 2) арбитраж *ad hoc* по Правилам ЮНСИТРАЛ;
- 3) Международный центр по урегулированию инвестиционных споров.

Инвестиционные споры могут рассматриваться судами государства реципиента в общем порядке, предусмотренном хозяйственным процессуальным законодательством.

Наиболее частые предметы споров в государственных судах:

- расчеты за поставленную продукцию и оказанные услуги;
- взыскание задолженности по договорам и штрафных санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств;
- возмещение ущерба.

Арбитраж *ad hoc* – арбитраж, создаваемый сторонами для разрешения конкретного спора.

Международный центр по урегулированию инвестиционных споров МЦУИС / International Centre for Settlement of Investment Disputes – ICSID учрежден Вашингтонской конвенцией о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами от 18 марта 1965 г. [5]

Его цель – рассмотрение инвестиционных споров между государствами – участниками Вашингтонской конвенции и физическими или юридическими лицами других государств-участников.

Процедуру разрешения инвестиционного спора регулируют главы 3 и 4 Вашингтонской конвенции, а также Примирительный и Арбитражный регламенты, утверждаемые Административным советом.

Примирение – более приемлемый способ разрешения инвестиционного спора в том случае, если стороны намерены продолжить сотрудничество. Арбитраж – способ разрешения инвестиционного спора, к которому стороны, как правило, прибегают в случае прекращения отношений.

Иными словами, особенностью рассмотрения споров является широкий круг возможности для защиты инвестора.

Основаниями для подачи иска могут служить любые нарушения сторон, по мнению заинтересованной стороны, но фактически сам список оснований сводится к обвинению инвестором государства в нарушении обязательств по защите инвестиций.

Основные обязательства по защите инвестиций:

- 1) справедливый и равноправный режим;
- 2) национальный режим;
- 3) режим наибольшего благоприятствования;
- 4) запрет экспроприации.

При этом интересным фактом, на наш взгляд, является следующая особенность инвестиционных споров: Республика Беларусь, даже выступая в качестве равной стороны инвестиционного договора, тем не менее является властным субъектом и в случае нарушения инвестором своего обязательства, не спешит обратиться для защиты своего права в суд, а использует внутренние механизмы защиты. Что соответственно вызывает у инвестора необходимость для обращения в суд.

Стадии арбитражного процесса:

- подача искового заявления;
- назначение арбитров;
- проведение арбитражного процесса, в том числе обмен процессуальными документами и проведение слушаний;
- вынесение решения;
- исполнение решения.

Оставив рассмотрения стадий для иного обсуждения, хотим обратить внимание, что исполнение решений МЦУИС осуществляется на основании норм Вашингтонской конвенции 1965 г. Исполнение иных арбитражных решений осуществляется на основании норм Нью-Йоркской конвенции 1959 г.

Подводя общий вывод, можно обратить внимание, что количество и качество инвестиционных споров с участием Республики Беларусь свидетельствует о наличии инвестиционной активности. При этом Республика Беларусь выступает как равная сторона в инвестиционной деятельности с зарубежными партнерами. Эта тенденция последних лет свидетельствует о необходимости разбора и анализа существующей практики для более понятного и ясного регулирования трансграничных инвестиций, что, несомненно, привлечет еще большее количество инвесторов в Республику Беларусь.

Библиографические ссылки

1. О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь : Декрет Президента Респ. Беларусь от 6 авг. 2009 г. № 10 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

2. Об утверждении Положения о досудебном урегулировании споров (разногласий), связанных с осуществлением инвестиций : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 февр. 2012 г. № 146 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

3. Об инвестициях : Закон Респ. Беларусь от 12.07.2013 № 53-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 2013. № 2/2051.

4. Бабкина Е. В. Международный механизм разрешения инвестиционных споров: проблемы для Республики Беларусь // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 окт. 2010 г. / редкол.: И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. Минск : Позитив-центр, 2010. С. 100–102.

5. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

Рапян Ю. Х.

ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ДОКАЗЫВАНИЮ ПО ДЕЛАМ ОБ ОБЖАЛОВАНИИ (ОСПАРИВАНИИ) ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, raryanyura@mail.ru

Уже более пяти лет в Республике Беларусь активно обсуждается идея унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства путем принятия единого кодекса [1, с. 64; 2, с. 181; 3, с. 496; 4, с. 302]. Практическими и научными работниками было высказано мнение о целесообразности именования данного законодательного акта Кодексом гражданского судопроизводства, а не процессуальным кодексом [5, с. 24; 6, с. 473–474]. Правильность выбранного термина обусловлена тем, что после принятия Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК) остались лишь некоторые вопросы, связанные с принудительным исполнением [6, с. 474; 7, с. 289].

4 марта 2022 г. был обнародован для всеобщего обсуждения проект Кодекса гражданского судопроизводства (далее – Проект). При анализе положений Проекта нами были обнаружены некоторые недостатки, касающиеся судебного оспаривания (обжалования) постановлений, действий (бездействия) должностных лиц органов принудительного исполнения (далее – действий должностных лиц ОПИ). Порядок рассмотрения и разрешения дел об оспаривании (на наш взгляд, в силу положений ст. 122 и новой редакции ст. 60 Конституции, корректнее говорить об обжаловании) действий должностных лиц ОПИ регламентируется § 2 главы 33 Проекта (ст. 370–373). При этом в данном параграфе отсутствуют нормы, посвященные специфике доказывания по изучаемым делам.

Особенности доказывания по публичным делам закреплены в главе 32 Проекта (общие положения производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений) и § 1 главы 33 Проекта (общие положения для дел, по которым судом осуществляется последующий контроль, – в действительности это дела об оспаривании ненормативных правовых актов и действий государственных органов и иных властных субъектов, ущемляющие права частных лиц (аналог § 6 главы 29 действующего ГПК)).

Специфика распределения обязанностей по доказыванию по публичным делам является одним из основных отличий производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, от искового. В ч. 2 ст. 361 Проекта закреплено правило, согласно которому обязанность доказывания законности оспариваемого действия возлагается на властного субъекта, совершившего это действие (аналогично норме ч. 4 ст. 229 ХПК и имеется некоторая схожесть с ч. 2 ст. 339 ГПК, однако в последней речь идет о предоставлении материалов, послуживших основанием для совершенных действий).

При этом в ч. 1 ст. 361 Проекта указано, что по делам публично-правового характера каждая сторона должна доказывать обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений, «если иной порядок распределения обязанностей доказывания не предусмотрен настоящим подразделом». В целом схожая конструкция предусмотрена ч. 2 ст. 179 Проекта, ч. 1 ст. 179 действующего ГПК, ч. 2 ст. 100 ХПК и является традиционной для дел искового производства. Аналогичный подход установлен в ч. 1 ст. 62 Кодекса административного судопроизводства РФ. Правило о том, что каждая сторона доказывает обстоятельства, на которых она основывает свои требования или возражения, являются проявлением состязательного начала. Оно выражается в том, что ряд фактов по делу должны быть доказаны именно заявителем (активная и пассивная легитимация, уважительность причин пропуска срока обращения в суд) [8, с. 75], но не касается доказывания главного вопроса изучаемого производства – законности и обоснованности обжалуемого (оспариваемого) действия, где должно применяться предписание ч. 2 ст. 361 Проекта.

Исходя из этого, В. П. Скобелев утверждает, что по делам, возникающим из публичных (административных) правоотношений, «действует презумпция незаконности и необоснованности акта административного правоприменения (следует особо подчеркнуть, что данная презумпция функционирует исключительно в сфере правосудия и только для его целей, за рамки судопроизводства она не выходит)» [9, с. 86].

В связи с этим имеет смысл проанализировать, что понимают в науке гражданского процессуального права под презумпцией. М. К. Треушников полагал, что сущность презумпций состоит в том, что «при особой трудности доказывания определенного факта закон освобождает сторону от этой обязанности, если доказан связанный с ним другой факт» [10, с. 85]. В целом схожее определение презумпции дает О. Н. Здрок [11, с. 208].

В. П. Скобелев считает, что специфические правила распределения обязанностей по доказыванию по публичным делам призваны защитить «слабую сторону» – гражданина (дополним, что применительно к изучаемым правоотношениям «слабой» стороной будет являться и юридическое лицо) [9, с. 86]. По анализируемым делам, исходя из формулировки М. К. Треушникова, «другим доказанным фактом» должно являться нарушение действием властного субъекта (должностного лица ОПИ) прав и охраняемых интересов заявителя.

Суждения о том, что судебный исполнитель или иной властный субъект выступают в качестве «сильной» стороны в процессе, нашли отражение и в российской научной литературе [12, с. 471]. Вместе с тем сказанное не подтверждает тезис о действии презумпции незаконности и необоснованности оспариваемых действий. О. В. Баулин совершенно верно отмечает, что «основания рассматривать законность действий и решений государственных органов как предположение отсутствуют. Нет предположения о законности акта, есть акт, имеющий силу и подлежащий исполнению до тех пор, пока не будет признан недействующим, недействительным либо незаконным в установленном законом порядке. Кроме того, в случаях, когда законодательством закрепляется презумпция, предполагаемый факт будет считаться установленным, если не будет доказано иное» [12, с. 181]. При действии презумпции в классическом ее понимании, когда «недостаточно доказательств для прямого достоверного суждения о факте, суд посредством презумпции, вывод из которой не опровергнут при рассмотрении дела, приходит к определенной степени вероятного знания о факте» [10, с. 85]. По делам публично-правового характера это правило не применяется.

Заметим, что использование терминов «сильная» и «слабая» сторона является типичным для классических цивилистических споров, но не характерно для дел, возникающих из публичных правоотношений. Закон возлагает на судебного исполнителя (других уполномоченных субъектов) более жесткие требования к доказыванию правомерности совершенных действий. Они должны обосновать свою позицию в полном объеме, т. е. и ту часть своих действий, которые не были обжалованы (оспорены) заявителем [13, с. 48].

И. Н. Колядко утверждает, что по исследуемой группе дел ГПК возлагает на суд обязанность проверить законность обжалуемого действия в полном объеме, т. е. как правильность применения материально-правовых норм, так и соблюдение соответствующей правоприменительной процедуры, а также обоснованность совершенного действия [14, с. 111]. Ученый применительно к административному иску пишет, что для последнего в отличие от иска гражданского характера специально распределение обязанностей по доказыванию и активность суда [11, с. 302; 13, с. 48]. Эти суждения актуальны и для заявления об оспаривании.

Так, из анализа судебного оспаривания (обжалования) действий должностных лиц ОПИ видно, что суды в рамках подготовки дела к судебному разбирательству истребуют основной источник информации по рассматриваемой категории дел – материалы исполнительного производства (в некоторых случаях – материалы по жалобе в порядке подчиненности либо материалы по заявлению о возбуждении исполнительного производства (если обжалуется отказ в возбуждении)). Считаем, что нужно четко закрепить право истребования судом доказательств по своей инициативе не только от властных субъектов, но и от иных лиц, располагающих необходимыми доказательствами, которые не являются заинтересованными лицами по делу.

Нормы о несвязанности суда основаниями и доводами заявленных требований установлены в ч. 2 ст. 229 и ч. 2 ст. 230⁴ ХПК и были восприняты в ч. 2 ст. 368 Проекта. На наш взгляд, имеет смысл закрепить норму о том, что суд не связан также основаниями и доводами, содержащимися в возражениях против жалобы (заявления), хотя они и определяют некоторую часть обязанностей по доказыванию. Нужно учитывать, что возможность изменения правовых позиций сторон закрепляется только в ст. 356 Проекта, допускающей предъявление встречных требований и изменение оснований возражений властным лицом. Эти положения находят свое развитие в ч. 4 ст. 368 Проекта и предоставляют право суду истребовать необходимые доказательства в случае непредставления их властным субъектом. Несвязанность суда основаниями и доводами заявленных требований и возражений против них оценивалась М. К. Треушниковым в качестве проявления принципа законности [15, с. 525].

Возложение на должностных лиц ОПИ обязанности доказать законность и обоснованность совершенных действий вызвана не только тем, что они являются «сильной» стороной *в исполнительных (допроцессуальных) правоотношениях*, но и тем, что «именно государственный орган совершает действие, принимает решение, при этом он исходит из определенных обстоятельств, наличие которых должен доказать суду» [12, с. 182]. Схожее объяснение было дано Д. М. Чечотом около пятидесяти лет назад. Автор писал: «Поскольку производство по делам, возникающим из административных правоотношений, должно быть, по нашему мнению, построено по общему принципу жалобы на соответствующим образом оформленное действие (акт) административного органа и поскольку само это

действие органа должно быть соответствующе мотивировано, постольку административный орган должен располагать доказательствами, подтверждающими законность и обоснованность его действия» [16, с. 426]. Еще одной причиной, почему именно лицо, наделенное соответствующими полномочиями, обязано доказать законность и обоснованность своих действий, является то, что каждый такой субъект в ходе правоприменения должен действовать в пределах закона (в широком смысле слова) (ч. 3 ст. 7 Конституции Республики Беларусь).

Некоторые возражения вызывает норма ч. 1 ст. 193 ГПК, которая повторяется в ч. 1 ст. 194 Проекта. Согласно данным положениям правомерность выдачи и истинность содержания оспариваемого официального документа доказывается должностными лицами соответствующих органов. Вместе с тем пока не доказано обратное, содержание официального документа признается истинным (нормы подобного содержания отсутствуют в ХПК, а также в российских процессуальных кодексах). В данном случае действует конструкция, противоположная мнению В. П. Скобелева о презумпции незаконности и необоснованности оспариваемого (обжалуемого) акта.

Содержание ч. 1 ст. 193 ГПК И. М. Казей комментировала следующим образом: «Оспаривание официального документа юридически заинтересованными лицами может заключаться в доказывании: 1) ненадлежащего его оформления (отсутствие печати, подписи, выдача некомпетентным органом и др.); 2) несоответствия его содержания действительности ... ; 3) подложности документа» [17, с. 286].

Нами было высказано мнение, что подобная презумпция истинности официального документа не может применяться в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений [8, с. 75]. Полагаем, что официальные документы по изучаемым делам являются доказательствами, по поводу которых и возник спор о праве (при обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ имеет место спор о процедурном праве). Названные документы по делам публично-правового характера являются оспоримыми не только как доказательство, но и как акт, исходящий от уполномоченного субъекта.

Официальные документы, по поводу которых возник спор, в рассматриваемом виде производства – это доказательства, без которых нельзя обойтись. По делам об обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ необходимыми доказательствами являются материалы исполнительного производства либо материалы по заявлению о его возбуждении. Н. А. Панкратова совершенно верно утверждает, что в первую очередь материалы по делу должны включать копию исполнительного документа, на основании которого должно осуществляться исполнение, и копию оспариваемого постановления судебного пристава-исполнителя (отметим, что большинство действий судебных исполнителей также облакаются в форму официального документа). Затем автор пишет:

«Круг других необходимых доказательств зависит от оснований заявления и возражений судебного пристава-исполнителя» [18, с. 224].

Считаем возможным закрепить на уровне Кодекса (или постановления Пленума Верховного Суда) нормы о том, что при обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ необходимо предоставление документов, из-за которых возник спор. При этом предпочтительным является представление этих документов не только на бумажном носителе, но и в электронном виде, поскольку, по имеющейся у нас информации, сведения, внесенные в базу данных автоматизированной информационной системы ОПИ (АИС ПрИс) и в действовавшую ранее базу «Возбужденные исполнительные производства», не могут быть изменены [8, с. 74]. Аналогичные правила можно закрепить применительно ко всему виду производства. Использование данных доказательств не должно исключать применение иных дополнительных доказательств.

Расписанное правило в науке гражданского процессуального права некоторыми авторами именовалось допустимостью доказательств с «положительным» содержанием. Такие доказательства характеризуются тем, что «без средства доказывания, предписанного законом, по делу нельзя обойтись, его нельзя заменить другим, но при этом для подтверждения факта или его опровержения можно использовать наряду с предписанным законом и другие средства доказывания» [цит. по: 19, с. 25].

Таким образом, при судебном обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ, равно как и при возражении против действий иных властных субъектов, отсутствует презумпция правомерности или неправомерности постановлений, действий (бездействия) данных лиц. Это обусловлено проявлением активности суда, которое во многом напоминает действие принципа объективной (судебной) истины, характерного для советского гражданского судопроизводства. Отличие заключается лишь в том, что по публичным делам в настоящее время суд *вправе* истребовать необходимые доказательства по своей инициативе, в то время как в соответствии с ч. 1 ст. 15 ГПК БССР 1964 г. суд был *обязан*, «не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон» [20, с. 25].

Библиографические ссылки

1. Скобелев В. П. ГПК и ХПК: нужно больше точек сближения // Промышленно-торговое право. 2017. №1. С. 64–67.
2. Скобелев В. П. Единый ГПК Республики Беларусь: быть или не быть? // Актуальные проблемы гражданского процессуального права : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рожд. д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А. Т. Боннера / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; отв. ред. С. М. Михайлов, А. И. Щукин. М., 2017. С. 158–181.

3. Колядко И. Н. Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2018. С. 495–498.

4. Колядко И. Н. О некоторых проблемах системы Кодекса гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2021. Вып. 6. С. 302–309.

5. Алещенко А. Об участниках судопроизводства в едином Гражданском процессуальном кодексе // Судовы веснік. 2019. № 3. С. 24–30.

6. Колядко И. Н. Концептуальные основы Кодекса гражданского судопроизводства // Государство и право в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 нояб. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т, Юрид. фак. ; редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 473–477.

7. Рапян Ю. Х. Особенности возбуждения гражданских дел по жалобам (протестам) на постановления, действия (бездействие) судебных исполнителей в судах Республики Беларусь // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2020. Вып. 5. С. 287–296.

8. Рапян Ю. Х. Некоторые особенности доказывания по делам по жалобам на действия должностных лиц органов принудительного исполнения // Юстиция Беларуси. 2021. № 10. С. 70–75.

9. Административно-правовые споры в социальной сфере: теоретико-прикладные вопросы ; под ред. О. И. Чуприс. Минск : БГУ, 2016.

10. Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М. : Городец, 2021.

11. Гражданский процесс. Общая часть : учебник ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд. центр БГУ, 2020.

12. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М. : Статут, 2014.

13. Колядко И. Н. Административный иск как средство унификации правосудия по гражданским и экономическим делам // Развитие судебной власти в Республике Беларусь : материалы междунар. кругл. стола, 20 апр. 2017 г., Минск / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак., кафедра уголов. процесса и прокурор. надзора ; редкол.: А. А. Данилевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2017. С. 45–50.

14. Колядко И. Н. Административная юстиция: правовое регулирование в Республике Беларусь // Совершенствование судебной системы Республики Беларусь посредством развития специализации судов: сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2013. С. 99–112.

15. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации ; под ред. В. М. Жуйкова, М. К. Треушникова. М. : Городец, 2007.
16. Чечот Д. М. Административная юстиция (теоретические проблемы) // Избр. тр. по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 301–436.
17. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, И. А. Мирониченко. Минск : Тесей, 2005.
18. Исполнительное производство : учебник ; под общ. ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2020.
19. Треушников М. К. Допустимость доказательств и установление объективной истины в советском гражданском процессе // Творческие поиски в науке гражданского процессуального права. М. : Городец, 2020. С. 19–32.
20. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР ; под общ. ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Минск : Беларусь, 1989.

Романова О. Н.

**ИНСТИТУТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА
В ПРОЕКТЕ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, romanovaon@bsu.by*

Цивилистическое процессуальное право Республики Беларусь в настоящее время находится на этапе серьезных преобразований. 17 августа 2022 г. проект Кодекса гражданского судопроизводства (далее – КГС) Республики Беларусь был внесен Президентом Республики Беларусь в Палату представителей и проходит подготовку к первому чтению. В качестве основной задачи принятия единого процессуального кодекса декларируется снижение риска пробелов, расхождений и коллизий при рассмотрении гражданских и экономических дел [1].

Для международного гражданского процесса (далее – МГП) как части цивилистического процессуального права принципиально важными на этапе подготовки проекта, как нам представляется, были два вопроса. Во-первых, необходимо ли сохранять правила международного гражданского процесса в рамках единого процессуального кодекса или следует пойти по пути тех государств, которые приняли закон о международном частном праве и международном гражданском процессе? [2] Во-вторых, учитывая существенные различия в правовом регулировании основных вопросов международного гражданского процесса в действующих цивилистических процессуальных кодексах Республики Беларусь (Гражданском процессуальном кодексе (далее – ГПК) и Хозяйственном процессуальном кодексе (далее – ХПК), необходимо было выбрать наиболее оптимальные,

соответствующие современным политико-правовым, экономическим, социальным реалиям правила, подлежащие включению в соответствующий нормативный правовой акт, и, соответственно, решить вопрос о структурном (системном) изложении норм МГП, соответствующем всем основным принципам и требованиям нормотворческой техники.

На решение указанных вопросов, как известно, влияет значительное количество факторов. И одним из немаловажных является исторический опыт (традиции) правового регулирования вопросов МГП в Республике Беларусь. Становление и развитие международного гражданского процесса Республики Беларусь, начиная с Гражданского процессуального кодекса РСФСР, принятого II сессией В.Ц.И.К 7 июля 1923 г. (его действие было распространено на территорию Белоруссии постановлением ЦИК Советов БССР от 26 июля 1923 г.), происходило в основном в рамках процессуального законодательства.

В сравнении с ГПК 1923 г., в котором тенденция дифференциации процессуальных отношений (деление их на отношения, осложненные иностранным элементом, и отношения, не обремененные таковым) и, соответственно, тенденция дифференциации процессуальных норм (появление специальных норм, регулирующих трансграничные процессуальные правоотношения) едва наметилась, в ГПК 1964 г. был сделан весьма важный шаг с точки зрения развития системы гражданского процессуального права – произошло внешнее обособление ряда норм, регулирующих трансграничные процессуальные правоотношения. Специфика субъектного состава, таким образом, привела к выделению в отрасли процессуального права самостоятельного института.

Изменение формы (внешнее обособление ряда норм ГПК, регулирующих трансграничные процессуальные правоотношения), сопровождалось частичным изменением содержания. Во многом ГПК 1964 г. унаследовал подходы, закрепленные в ГПК 1923 г. К наиболее важным новеллам ГПК 1964 г. относятся: закрепление права иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных предприятий и организаций на судебную защиту, а также относительно детальное урегулирование порядка исполнения судебных поручений иностранных судов и обращение судов Республики Беларусь с поручениями к иностранным судам и закрепление принципа приоритета международных договоров. ГПК 1964 г. применялся на территории Республики Беларусь в качестве нормативного наследия СССР вплоть до 1999 г. Кодификация 1998–1999 гг., в результате которой были приняты новые цивилистические процессуальные кодексы: Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. (далее – ГПК 1999 г.) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. (далее – ХПК 1998 г.) подтвердила приверженность белорусского законодателя традиции развития международного гражданского процесса в рамках цивилистических процессуальных кодексов.

ГПК 1999 г. и ХПК 1998 г. отличались от своих предшественников значительно. Серьезным образом изменилась количественная и качественная

составляющая норм МГП. Впервые в Республике Беларусь термин «международный гражданский процесс» нашел свое легальное закрепление в качестве названия соответствующего раздела в ГПК 1999 г. (раздел X). Правовое регулирование вопросов международного гражданского процесса в первоначальной редакции процессуальных кодексов было максимально схожим. Существенные отличия появились только в 2004 г., когда ХПК был изложен в новой редакции (Закон Республики Беларусь от 06.08.2004 № 314-З).

На сегодняшний день в ГПК 1999 г. и ХПК 1998 г. выделены в качестве самостоятельных структурных подразделений две совокупности норм:

нормы, регулирующие рассмотрение и разрешение дел, осложненных иностранным элементом (раздел X ГПК, глава 27 ХПК);

нормы, регулирующие признание исполнения (разрешение принудительного исполнения) иностранных судебных (арбитражных) решений (Приложение 4 к ГПК, главы 28, 29 ХПК).

Терминологические и сущностные различия правового регулирования порядка рассмотрения и разрешения трансграничных дел в ГПК и ХПК на сегодняшний день весьма велики. Достаточно назвать лишь несколько наиболее принципиальных, в частности, различия в вопросе предоставления иммунитета иностранным государствам (ГПК 1999 г. сохранил в этом вопросе преемственность ГПК 1964 г., где была отражена концепция абсолютного иммунитета, в то время как в ХПК 1998 г. появилась норма, отражающая концепцию функционального иммунитета), различия в вопросах регулирования международной подсудности (раздел X ГПК, в отличие от ХПК содержит большое количество пробелов и противоречий в регулировании международной подсудности, например, отсутствуют в данном разделе нормы о подсудности неисковых дел, осложненных иностранным элементом, не установлены правила исключительной подсудности, хотя в ч. 2 ст. 546 ГПК содержится запрет на их изменение соглашением сторон и т. д.) и др.

Исходя из изложенного, заявленную разработчиками единого процессуального кодекса цель – снижение риска пробелов, расхождений и коллизий при рассмотрении гражданских и экономических дел – следует признать вполне оправданной.

В проекте Кодекса гражданского судопроизводства вопросам международного гражданского процесса посвящен раздел VII «Международный гражданский процесс». Указанный раздел в системе КГС находится между разделами «Производство в суде I инстанции» и «Производство по пересмотру судебных постановлений».

По сравнению с действующими цивилистическими процессуальными кодексами раздел, посвященный МГП, имеет более развернутую структуру и состоит из 9 глав (46 статей), перечень которых, как представляется, уместно привести в данной статье для целостности восприятия предстоящих нормативных изменений:

Глава 46. Общие положения.

Глава 47. Подсудность дел с участием иностранных лиц.

Глава 48. Особенности рассмотрения дел с участием иностранных лиц.

Глава 49. Особенности рассмотрения дел с участием лиц, обладающих судебным иммунитетом.

Глава 50. Международная правовая помощь по гражданским делам.

Глава 51. Производство по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, иностранных третейских судов (арбитражей).

Глава 52. Производство по делам о признании и приведении в исполнение международных медиативных соглашений.

Глава 53. Производство по просьбам о признании или признании и исполнении решений иностранных судов о взыскании алиментов на детей, просьбам о вынесении решений и о совершенствовании решений о взыскании алиментов на детей в международном порядке.

Глава 54. Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа.

Рамки настоящей публикации не позволяют подробно остановиться на новеллах каждой из перечисленных глав, поэтому мы остановимся на наиболее важных, принципиальных, с нашей точки зрения, моментах.

В отдельную главу (глава 46 КГС) выделены общие положения, к числу которых законодатель отнес нормы о процессуальных правах и обязанностях иностранных лиц (ст. 503), о принципах, которыми должен руководствоваться суд при осуществлении правосудия по делам с участием иностранных лиц (ст. 504), а также нормы о процессуальной право- и дееспособности иностранных лиц (иностранных граждан, лиц, без гражданства, иностранной организации и международной организации). К числу весьма существенных новелл можно, пожалуй, отнести правила о возможности признания процессуально дееспособными на территории Республики Беларусь лиц, не являющихся на основе личного закона процессуально дееспособными в том случае, если они в соответствии с правом Республики Беларусь обладают процессуальной дееспособностью. Аналогичная возможность предусмотрена и для иностранной организации, в том случае, если она не обладает в соответствии с личным законом процессуальной правоспособностью. В целях наиболее эффективной реализации идеи предоставления иностранным субъектам процесса национального режима, повышения гарантий их доступа к судам Республики Беларусь, подобную новеллу можно только приветствовать, ведь в настоящее время белорусское гражданское процессуальное законодательство предписывает определять гражданскую процессуальную дееспособность иностранцев *исключительно* по их личному закону (ст. 550 ГПК), а ХПК вообще не содержит специальных норм о процессуальной право- и дееспособности иностранных лиц.

Отдельная глава КГС (глава 47) посвящена вопросам подсудности дел с участием иностранных лиц. Она представляет собой своеобразный «микс», с нашей точки зрения, не всегда удачный, правил действующих ГПК и ХПК. Так, ч. 2 ст. 508 КГС с некоторыми изменениями воспроизводит норму

ст. 545 ГПК «Общие правила подсудности дел судам Республики Беларусь» и, соответственно, содержит три основных правила подсудности *исковых* дел. Как нам представляется, идея, заложенная в ст. 545 ГПК и воспроизведенная в ч. 2 ст. 503 ГПК, по существу совпадает с «генеральным» (как мы его оцениваем) основанием определения международной подсудности дел экономическим судам Республики Беларусь (абз. 2 ч. 1 ст. 235 ХПК) – суды, рассматривающие экономические дела, в Республике Беларусь рассматривают хозяйственные (экономические) споры и иные дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности с участием иностранных лиц, если ответчик находится или проживает на территории Республики Беларусь. И, по нашему убеждению, это «генеральное» основание подсудности дел судам Республики Беларусь с точки зрения законодательной техники гораздо удачнее изложено в ХПК.

Предложенная авторами проекта КГС модель унификации правил международной подсудности позволит решить весьма важную проблему, на которую давно обращали внимание ученые-процессуалисты и практикующие юристы: отсутствие в ГПК правил исключительной международной подсудности, правил определения компетенции судов Республики Беларусь по неискowym делам.

Вызывает большие сомнения необходимость выделения главы 48 КГС «Особенности рассмотрения дел с участием иностранных лиц». Прежде всего следует отметить, что весь раздел VII «Международный гражданский процесс» предназначен для регулирования *особенностей* рассмотрения дел с участием иностранных лиц. Следовательно, в главе 48 КГС, по всей видимости, речь должна вестись о каких-то «особых особенностях». И в таком случае эти «особые особенности» должны найти отражение в названии главы, как это, например, сделано в главе 49 «Особенности рассмотрения дел с участием лиц, обладающих судебным иммунитетом». Анализ же норм, которые составители КГС посчитали необходимым включить в главу 48, позволяет, на наш взгляд, сделать однозначный вывод о том, что ее выделение неоправданно, поскольку все находящиеся в ней нормы являются общими по отношению к иным нормам раздела VII «Международный гражданский процесс» и должны быть перенесены в соответствующую главу. В частности, это нормы о правилах, применяемых по делам с участием иностранных лиц (ст. 515 КГС), т. е. о принципе *lex fori*; о признании документов, выданных, составленных или удостоверенных компетентными органами иностранных государств (ст. 516 КГС); о ведении дел с участием иностранных лиц через представителей (ст. 517 КГС) и о дипломатическом (консульском) представительстве (ст. 518 КГС).

В главе 49 КГС, посвященной особенностям рассмотрения дел с участием лиц, обладающих судебным иммунитетом, за основу взята концепция функционального иммунитета иностранного государства (закрепленная в настоящее время в ХПК), что можно только приветствовать. Впервые определены споры, в которых иностранное государство не

рассматривается выступающим в качестве суверена (ч. 2 ст. 519 КГС); урегулирован порядок отказа от иммунитета (ч. 3 ст. 519 КГС) и некоторые другие не менее важные вопросы.

Несомненным достоинством проекта КГС является попытка детального регулирования международной правовой помощи по гражданским делам. В главе 50 проекта КГС всего три, но довольно объемные нормы. Следует отметить, что детализация правового регулирования в рамках процессуального кодекса отношений по оказанию международной правовой помощи, безусловно, давно требовалась. В целом эта задача решена. В частности, закреплена возможность оказания правовой помощи и обращения за правовой помощью при отсутствии международного договора на основе взаимности, определен центральный орган Республики Беларусь по вопросам международного сотрудничества в сфере гражданского судопроизводства - Верховный Суд Республики Беларусь (ст. 524 КГС) и детализирован порядок обращения судов Республики Беларусь с поручениями о совершении отдельных процессуальных действий на территории иностранных государств (ст. 525 КГС) и, соответственно, порядок предоставления судами Республики Беларусь международной правовой помощи по поручениям (просьбам) о совершении отдельных процессуальных действий (ст. 526 КГС).

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на некоторые проблемные моменты, часть из которых можно отнести к недостаткам законодательной техники, а часть являются сущностными. Например, ч. 1 ст. 524 проекта КГС не несет никакой смысловой нагрузки, является, по сути, дублированием нормы ч. 2 ст. 524 (в которой заложена та же мысль, но гораздо более удачно выраженная с точки зрения предмета регулирования). Тот же недостаток (дублирование) имеет место в ч. 3 и 4 ст. 524, ч. 5 и 6 ст. 525 проекта КГС. Не вполне понятно урегулированы вопросы возложения расходов, связанные с направлением поручения («возлагаются на истца либо на сторону, заявившую соответствующее ходатайство...» (ч. 4. ст. 525 КГС)).

В анализируемой главе установлены требования к форме и содержанию не только судебных поручений, направляемых судами Республики Беларусь иностранным судам (ст. 525 КГС), но и соответствующие требования к судебным поручениям, направляемым иностранными компетентными органами (ст. 526 КГС). При этом в первом случае применяется законодательство запрашивающего государства (т. е. Республики Беларусь), а во втором – запрашиваемого (т. е. Республики Беларусь), в то время как подход, с нашей точки зрения, должен быть единым: предпочтительней подчинить форму, содержание и язык судебного поручения законодательству запрашиваемого государства. Это вынудит суды Республики Беларусь при обращении с судебным поручением к иностранным судам устанавливать содержание иностранного права, что создаст известные трудности, но в то же время повысит шансы на исполнение судебного поручения в иностранном государстве.

Оставшиеся четыре главы раздела «Международный гражданский процесс» условно можно поделить на две большие группы. К первой относятся производства по делам о признании и приведении в исполнение иностранных юрисдикционных актов (глава 51, глава 52, часть норм главы 53 КГС), ко второй - производства по рассмотрению и разрешению отдельных трансграничных дел (о взыскании алиментов, совершенствовании решений о взыскании алиментов (глава 53 КГС; о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа (глава 54 КГС).

В главе 51, регулирующей порядок признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных третейских судов (арбитражей), существенных новелл не появилось. Концептуальные положения (правовые основания для признания иностранных решений, основания для отказа в признании и приведении в исполнение) остались по существу прежними, равно как и положения о порядке подачи ходатайств (возражений) и о порядке их рассмотрения и разрешения. У нас имеется ряд замечаний по анализируемой главе, носящих редакционный характер, касающихся системного расположения норм и некоторые другие, однако в настоящей публикации обратим внимание только на одно важное, с нашей точки зрения, обстоятельство. Действующее правовое регулирование института экзекватуры в ГПК и ХПК позволяет сделать вывод, что все обстоятельства, являющиеся основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений (за исключением решений третейских (арбитражных) судов) суды Республики Беларусь устанавливают по собственной инициативе, вне зависимости от того, ссылается ли на них должник или лицо, заявившее возражение против признания решения. Толкование же формулировки ч. 3 ст. 532 КГС вызывает у нас определенные сложности: «Если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь, основания, установленные пунктами 3–6 части 1 настоящей статьи, могут быть применены судом *и при условии, что при рассмотрении ходатайства должник (сторона, против которой вынесено решение), а при рассмотрении возражения – лицо, заявившее возражение, на них не ссылаются.*» Означает ли это, что основания, установленные п. 1 и 2 ст. 532 КГС применяются судом при условии, что сторона на них ссылается? Полагаем, что такой смысл не мог закладываться, учитывая, что в п. 1 речь идет об отказе в случае, если решение иностранного суда не вступило в законную силу, а в п. 2 – если сторона, в отношении которой вынесено решение, была лишена возможности принять участие в процессе вследствие несвоевременного и ненадлежащего извещения о рассмотрении дела. В связи с этим истинный смысл данной нормы не вполне ясен.

В завершение вкратце остановимся на анализе глав 52–54 КГС. Урегулированные в них категории дел уже известны процессуальному законодательству Республики Беларусь. Так, Законом Республики Беларусь от 8 ноября 2018 г. № 142-З в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь введена ст. 561-1 «Особенности рассмотрения просьб

о взыскании алиментов на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи». Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З введена глава 28-2 «Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа». В Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 89-З глава 29 ХПК «Производство по делам об обжаловании решений международных арбитражных (третейских) судов, третейских судов, иных постоянных арбитражных органов, находящихся на территории Республики Беларусь» дополнена нормами, регулирующими порядок рассмотрения и разрешения заявлений о выдачи исполнительного документа на принудительное исполнение международного медиативного соглашения. Применительно к первым двум категориям дел существенных изменений в проекте КГС не произошло. Что касается порядка реализации на территории Республики Беларусь международных медиативных соглашений, то разработчики КГС предлагают его изменить, предусмотрев процедуру, схожую с порядком признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений.

Появление в ГПК и ХПК, а теперь и в КГС специальных процессуальных норм, регулирующих особенности рассмотрения и разрешения перечисленных выше дел вызвано ратификацией Республикой Беларусь ряда международных договоров и, соответственно, необходимостью реализовать соответствующие нормы, в частности, Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи (заключена в г. Гааге 23 ноября 2007 г.); Конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей (заключена в г. Гааге 25 октября 1980 г.); Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (заключена в г. Сингапуре 7 августа 2019 г.). Другой вопрос, всегда ли имплементация норм перечисленных выше международных договоров в цивилистическое процессуальное законодательство Республики Беларусь является удачной [3].

Библиографические ссылки

1. Работа над общей частью единого процессуального кодекса почти завершена [Электронный ресурс] // БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/society/view/rabota-nad-obschej-chastiju-edinogo-protsessualnogo-kodeksa-pochti-zavershena-381204-2020/> (дата обращения: 24.04.2022).

2. Тихиня В. Г. О необходимости принятия в Республике Беларусь отдельного закона «О международном частном праве» // Юстиция Беларуси. 2022. № 1. С. 29–32.

3. Романова О. Н. Некоторые проблемы имплементации норм международных договоров в цивилистическое процессуальное законодательство Республики Беларусь // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 2. С. 41–48.

Синюк Е. В.

ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ИНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, catherinesinyuk@gmail.com*

К делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, мы относим дела публично-правового характера, которые в настоящее время подлежат рассмотрению в трех производствах – производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений, исковом и особом производствах [1, с. 125].

Поскольку судебная защита является видом правовой защиты, обратимся к выделяемой в современной теории права системе объектов правовой охраны и защиты личности, включающей:

- 1) субъективные права;
- 2) свободы;
- 3) законные интересы [2, с. 8].

Субъективные публичные права и законные интересы достаточно часто встречаются в качестве объектов исследования в юридической литературе в целом [2–4] и в посвященных производству по делам, возникающим из публичных правоотношений, публикациях в частности [5–8].

С целью определения, какие субъективные права подлежат защите в рамках исследуемого производства, необходимо определить критерии их отнесения к публичным. Полагаем, таковыми могут выступать следующие обстоятельства:

- реализация таких прав в рамках публично-правовых отношений, т. е. в отношениях частного лица, обладающего правом, с субъектом, наделенным государством властными полномочиями, который обязан совершить ожидаемое действие;
- субъективным публичным правам корреспондируют обязанности государственных органов, их должностных лиц или уполномоченных ими субъектов;
- закрепление прав и властных полномочий в различных отраслях права, как правило, относящихся к публичному: административное, конституционное, финансовое и др.

Таким образом, под субъективными публичными правами мы понимаем обремененную юридической обязанностью возможность требовать от субъектов властных полномочий совершения определенных действий, связанных с правоприменительной деятельностью этих субъектов, либо воздержания от их совершения.

Субъективные публичные права, как правило, выступают предметом судебной защиты в производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Например, при рассмотрении жалоб, связанных с

избирательным процессом (обжалование невключения, неправильное включение в список граждан, имеющих право участвовать в выборах, референдуме, голосовании об отзыве депутата, или исключение из списка и др.), предметом защиты является субъективное избирательное право заявителя.

В Конституции Республики Беларусь термин «права» используется вместе с термином «свободы». При этом словосочетание «права и свободы», как правило, воспринимается как единая категория. В отдельных статьях речь идет о праве свободного передвижения и выбора места жительства (ст. 30) и праве свободно избирать и быть избранными в государственные органы (ст. 38), что позволяет рассматривать два термина как тождественные.

В литературе высказывается мнение о том, что права и свободы практически идентичны по своей юридической природе и системе гарантий [9, с. 19] и что употребление термина «свободы» акцентирует внимание на «более широкие возможности индивидуального выбора лица, не очерчивая его конкретных действий и их результата» [10].

Вместе с тем в науке определены различия между правами и свободами, ключевыми из которых нам представляются следующие.

Во-первых, в отличие от права, которое лицо может реализовать благодаря корреспондирующей ему обязанности со стороны уполномоченных органов, свободу можно реализовать, не вступая в правоотношения с иными лицами.

Во-вторых, при рассмотрении споров с государственным органом (должностным лицом) носитель права должен привести законное обоснование своего права, в то время как для споров, связанных с реализацией свободы, напротив, уполномоченный орган обязан привести обоснование ограничения свободы [11, с. 144–145].

Последний аргумент позволяет отнести свободы к предмету судебной защиты по делам публично-правового характера, разрешаемым в порядке искового и особого производства. Причем в случае рассмотрения исков предметом защиты выступают свободы неопределенного круга лиц (например, свобода мнений, убеждений и их свободное выражение (ст. 33 Конституции) – по делам о ликвидации политических партий, общественных объединений), а по заявлениям в особом производстве ограничивается свобода конкретного лица.

Далее рассмотрим такой предмет судебной защиты, как законный интерес.

Законные интересы в большинстве случаев законодательно не отражены, а вытекают из совокупности правовых норм и принципов, вследствие чего они отличаются отсутствием либо минимумом юридических гарантий, с ними не корреспондируют обязанности уполномоченных субъектов. Интерес защищается законом и судом опосредованно, в то время как субъективное публичное право – в прямой форме.

Следует отметить, что категория «законный интерес» может рассматриваться как интерес отдельной личности, а также как интерес публичный.

Применительно к законным интересам личности в научных публикациях встречается отождествление данного понятия с субъективным правом либо включение интереса в содержание субъективного права [8, с. 92; 12, с. 72]. Не исключаем тот факт, что данные категории являются родственными, однако считаем необходимым указать на их различие.

Нам представляется верным мнение о законном интересе как о «категории, позволяющей собрать в себе все интересы личности, которые по тем или иным причинам не опосредствованы в субъективных правах, но, безусловно, имеют определенное значение как для общества, так и для самой личности» [3, с. 67]. Таким образом, государство реализует защиту тех интересов частных лиц, которые, невозможно или не нужно опосредствовать в субъективные права для их удовлетворения.

В литературе встречается мнение, что предметом судебной защиты могут быть одновременно охраняемый законом интерес заявителя и субъективное право органа. Например, в случае обжалования действий государственных органов, иных уполномоченных лиц, возложивших на заявителя не предусмотренную законодательством обязанность [3, с. 32].

Категория «публичный интерес» противопоставляется интересам конкретного человека (частным интересам), связана с интересом общественным и государственным, однако имеет более широкое значение.

Содержание общественного интереса можно вывести из закрепленного в абз. 4 ч. 2 ст. 2 ГК определения принципа приоритета общественных интересов как принципа осуществления гражданских прав, которое не противоречит общественной пользе и безопасности, не наносит вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, не ущемляет права и защищаемые законом интересы других лиц. Ключевым в определении значения общественного интереса выступает его важность для гражданского общества.

Содержание понятия «государственный интерес» может зависеть от взаимодействия государства с обществом, определяемого формой политического режима. Так, интересы демократического государства в значительной степени отражают интересы общества [14, с. 84].

Интересной представляется модель публичного интереса, которая подразумевает совпадение государственных и общественных интересов. Отмечается, что общественные интересы «крайне многообразны, динамичны, их реализация не всегда связана с деятельностью государства». Публичными при этом становятся те общественные интересы, которые нуждаются в обеспечении государством [15, с. 246–247].

Основания для удовлетворения заявленных в исковом и особом производствах требований связаны с обеспечением как общественных, так и государственных интересов (национальная безопасность, общественный порядок, защита нравственности и др.). Следовательно, применительно к данным требованиям можно констатировать наличие публичного интереса в качестве предмета судебной защиты.

В связи с этим верным представляется мнение А. Б. Зеленцова об интересе как о юридически значимом притязании, т. е. притязании на «удовлетворение имеющихся потребностей посредством достижения определенных социальных благ» [5, с. 94].

Таким образом, в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, предметом защиты выступают субъективные публичные права, свободы и законные интересы как частные, так и публичные (государственные, общественные).

Библиографические ссылки

1. Синюк Е. В. Судебный контроль по делам публично-правового характера в странах СНГ // Проблемы управления. 2020. № 1. С. 125–133.
2. Малько А. В., Терехин В. А. Субъективные права, свободы и законные интересы личности как самостоятельные объекты судебной защиты // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С. 7–18.
3. Малько А. В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 1998. № 4. С. 58–70.
4. Субочев В. В. Законные интересы // Проблемы теории государства и права : учебник / В. В. Субочев [и др.] ; под ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 362–380.
5. Зеленцов А. Б. Субъективное публичное право : учеб. пособие М. : РУДН, 2012.
6. Зеленцов А. Б. Законные интересы в сфере публичного управления: понятие и правовая защита // Вестник РУДН. 2009. № 5. С. 37–45.
7. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968.
8. Павлова М. С. Законный интерес как предмет судебной защиты по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов власти // Юридическая мысль. 2011. № 1. С. 91–94.
9. Игнатенкова К. Е. Дозволение как способ правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Саратовская гос. академия права. Саратов, 2006.
10. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право [Электронный ресурс] : учебник. М. : Статут, 2017 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.
11. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс : учебник. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2015. 559 с.
12. Козлов М. А. Субъективное право и охраняемый законом интерес как предметы судебной защиты // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 69–77.
13. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1970.
14. Дашин А. В., Мартынов В. Ф., Тищенко А. Г., Шукшина Е. Г. Государственный интерес как теоретико-правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2. С. 82–85.

15. Смагина Е. С. Категории «публичный интерес», «интересы неопределенного круга лиц» и «государственные интересы» в Кодексе административного судопроизводства // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 18 февр. 2016 г. / Краснодарский ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации ; редкол: А. В. Герасимов [и др.]. Краснодар, 2016. С. 246–251.

Скобелев В. П.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДЕЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА НА СТАДИИ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Беларусь, г. Минск, s_v_p@tut.by*

В теории под стадией гражданского процесса принято понимать совокупность процессуальных действий, направленных на достижение одной ближайшей процессуальной цели [1, с. 26; 2, с. 24]. При этом отечественные ученые предлагают различать два уровня процессуальных целей – по рассмотрению дел и по разрешению дел, и соответственно выделять стадии рассмотрения гражданских дел и стадии разрешения гражданских дел. К числу последнего рода стадий относится в том числе и апелляционное производство (вместе с производством в суде первой инстанции, производством дел в суде надзорной инстанции и другими стадиями) [3, с. 24–26]. С подобной дифференциацией стадий гражданского процесса в целом стоит согласиться, вместе с тем сложно признать верным то, что апелляционное производство (равно как и иные стадии, следующие после рассмотрения дела судом первой инстанции) именуется здесь стадией именно разрешения гражданского дела.

Мы уже обращали внимание на то, что для характеристики деятельности апелляционных инстанций недопустимо использовать выражения «окончательное разрешение дела (спора)», «окончательное разрешение дела (спора) по существу», «принятие (вынесение) по делу (спору) окончательного решения» [4, с. 16–19], что, однако, делает большинство из белорусских юристов, а также Пленум Верховного Суда в ч. 2 п. 1, ч. 1 п. 11, ч. 3 п. 13, ч. 2, 3 п. 16 постановления от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее – Постановление № 1).

Так, в Постановлении № 1 говорится, что при рассмотрении апелляционной жалобы (протеста) суды второй инстанции должны «принимать исчерпывающие меры к окончательному разрешению дела по существу» (ч. 2 п. 1); подготовка дел к рассмотрению в апелляционном порядке позволяет обеспечить «своевременность и правильность принятия судом апелляционной инстанции окончательного решения по делу» (ч. 1

п. 11); сроки рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции, определяются в зависимости от разрешения содержащихся в апелляционной жалобе (протесте) ходатайств об исследовании новых доказательств «в целях вынесения по делу окончательного решения» (ч. 3 п. 13); устанавливать новые факты, устранять ошибки в применении норм материального права, а также исследовать новые доказательства суд апелляционной инстанции вправе «для окончательного разрешения дела» (ч. 2 п. 16); решение суда может быть проверено в полном объеме, если в том числе «иным образом невозможно обеспечить окончательное разрешение дела» (ч. 3 п. 16).

Отмеченная терминология создает неверное представление о характере деятельности апелляционных судов, вводит в заблуждение относительно стоящих перед ними задач, искажает роль и значение апелляционной процедуры в системе правосудия по гражданским делам в целом.

Гражданское дело разрешает по существу (т. е. отвечает, так сказать с чистого листа, на вопрос, каково материально-правовое положение – взаимные материальные права и обязанности – сторон спора) только суд первой инстанции. Апелляционная же инстанция разрешает по существу не дело, а поступившую по данному делу апелляционную жалобу (протест). Особенно ярко очевиден тот факт, что суд второй инстанции не разрешает дело в тех случаях, когда он оставляет апелляционную жалобу (протест) без удовлетворения, а решение без изменения: в подобных случаях апелляционная инстанция не вносит ничего нового в дело (в материально-правовое положение сторон спора), тем не менее дело будет являться разрешенным по существу (конечно же, судом первой, а не второй инстанции). Но даже в тех ситуациях, когда суд второй инстанции вносит изменения в решение или выносит по делу новое решение, он все равно это делает не в порядке разрешения дела по существу (т. е. не в порядке выяснения материально-правового положения сторон с чистого листа), а в контексте оценки результатов деятельности нижестоящей инстанции и последующей корректировки (полной или частичной) этих результатов. Все то же самое можно сказать и в отношении деятельности судов надзорной инстанции.

Следовательно, для обозначения апелляционного производства в качестве стадии гражданского процесса должен использоваться иной термин, нежели «стадия разрешения дела». Подобным термином могло бы являться выражение «стадия производства по делу». Собственно, сторонники выделения стадий разрешения дела как раз и оперируют фактически именно таким выражением, относя к данным стадиям «*производство* в суде первой инстанции», «апелляционное *производство*», «*производство дел* в суде надзорной инстанции», «*производство* по пересмотру по вновь открывшимся обстоятельствам», «исполнительное *производство*» [3, с. 25]. При этом далее по тексту отождествление соответствующими учеными разрешения дела и производства по делу становится еще более очевидным: «каждая стадия разрешения дела *или производство* возникает в силу принципа диспозитивности», «процесс по конкретному делу не обязательно

проходит *все стадии производства*», «в *каждом производстве* правоприменение ... осуществляется не одномоментно», «необходимость выделять и различать стадии процесса в *каждом производстве* обусловлена наличием ... четырех этапов в рассмотрении дел» [3, с. 26, 27].

Вместе с тем выражение «стадии производства по делу» имеет довольно абстрактный характер и не в полной мере отражает специфику так называемых стадий разрешения дела, не отличает четко данные стадии от упомянутого выше другого типа стадий процесса – стадий рассмотрения дела (ведь последние тоже вполне могут быть обозначены как стадии производства по делу). Поэтому можно предложить использовать здесь другую, совершенно новую терминологию: «*стадии движения дела по судебным инстанциям*», или «*стадии инстанционного движения дела*», либо, наконец, самый просто вариант «*инстанционные стадии*».

Относительно данного предложения нам могут возразить, что об инстанционности можно говорить только применительно к первым трем стадиям – производству, связанному с разрешением дела по существу, апелляционному производству и надзорному производству, так как эти стадии проходят в судах разных инстанций (т. е. в разных судебных органах), а именно: разрешение дела по существу – в районном (городском) суде, апелляционное производство – в судебной коллегии по гражданским делам областного (Минского городского) суда, надзорное производство – в президиуме областного (Минского городского) суда и более высоких надзорных инстанциях. Применительно же к производству по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам инстанционности нет, поскольку оно имеет место в том же судебном органе, который вынес и пересматриваемое постановление, а исполнительное производство (сторонниками анализируемой концепции оно тоже относится к стадиям разрешения дела [3, с. 25]) вообще происходит вне рамок судебных инстанций.

На этот счет мы бы заметили следующее. Исполнительное производство, которое в настоящее время отделено от гражданского (равно как и от хозяйственного) процесса и в организационно-структурном плане, и по источникам регулирования, несмотря на всю его значимость в деле обеспечения реальной защиты нарушенных прав (интересов) нет никаких оснований считать стадией гражданского процесса, хотя мы не отрицаем, что исполнительное производство, подобно гражданскому процессу, тоже имеет процессуальный характер и природу, нюанс лишь в том, что оно теперь является самостоятельным процессуальным явлением по отношению к гражданскому и хозяйственному процессам [5, с. 48–49, 100, 382].

Что же касается пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, то здесь нужно констатировать такой тезис: другая (новая) судебная инстанция – это далеко не всегда другой (новый) в физическом плане судебный орган. Например, один и тот же судебный орган для разных гражданских дел может выступать судом разных инстанций. Так, судебная коллегия по гражданским делам областного (Минского городского)

суда для дел, рассмотренных районными (городскими) судами, выступает судом апелляционной инстанции, в то же время для дел, названных в ч. 2, 3 ст. 44 ГПК (данные нормы регулируют подсудность судов областного уровня), она выступает судом первой инстанции.

Более того, даже в отношении одного и того же гражданского дела определенный судебный орган может выполнять (не одновременно, а с разбежкой во времени) функции судебных инстанций разного типа. Так, в ч. 1 ст. 44 ГПК предусмотрено, что областные (Минский городской) суды вправе изъять любое гражданское дело из районного (городского) суда, находящегося на территории соответствующей области (г. Минска), и принять его к своему производству в качестве суда первой инстанции. В свое время по этому поводу Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 23 постановления от 28 июня 2002 г. № 4 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса, регулирующих производство дел в кассационном порядке» разъяснил, что при отмене решения в кассационном порядке вышестоящий суд вправе принять дело к своему производству в качестве суда первой инстанции в связи со сложностью дела или по другим основаниям, а если решение отменяется повторно, то дело, как правило, принимается к производству вышестоящего суда. Данное разъяснение не вошло в Постановление № 1, однако отмеченная возможность у судов областного уровня, на наш взгляд, и сейчас существует. Получается, что судебная коллегия областного (Минского городского) суда может выступать для рассмотренного районным (городским) судом дела сначала судом апелляционной инстанции, а затем – судом первой инстанции.

Таким образом, из всего изложенного выше следует, что критерий инстанционности (инстанционного движения дела) – это не появление другого (нового) в физическом плане судебного органа, а осуществление в отношении гражданского дела *других (новых) судебных функций*, причем независимо от того, реализуются эти функции «старым» судебным органом (который ранее рассматривал дело в том или ином порядке) или «новым» судебным органом (который ранее никак с делом не соприкасался). Значит, критерий инстанционности характерен и для производства по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, а термины «стадия движения дела по судебным инстанциям», «стадия инстанционного движения дела», «инстанционная стадия» имеют право на существование и могут использоваться в том числе в отношении апелляционного производства.

Другой тип стадий гражданского процесса, которые выделяются отечественными учеными, – это стадии рассмотрения дела. К данным стадиям относятся: возбуждение дела; подготовка дела к рассмотрению; рассмотрение дела в судебном заседании или в ином установленном законом порядке; вынесение по делу итогового судебного постановления [3, с. 27–28]. Нужно сказать, что с дроблением процесса по делу именно на такие этапы можно согласиться, вместе с тем общее наименование стадий данного типа – «стадии рассмотрения дела» – вызывает серьезные сомнения. Во-первых, это

наименование фактически совпадает с названием одной из стадий, входящих в обозначенную совокупность, – стадии рассмотрения дела в судебном заседании или ином установленном порядке, что создает эффект тавтологии в использовании терминологии.

Во-вторых, обозначать перечисленные стадии термином «стадии рассмотрения дела» неверно и по существу, так как собственно рассмотрение дела имеет место только на одной из этих стадий – стадии рассмотрения дела в судебном заседании или ином установленном порядке, на всех же остальных стадиях осуществляется деятельность иного рода, что видно уже из самого наименования данных стадий. Так, на стадии возбуждения гражданского дела последнее только появляется, объективируется вовне (т. е. предмета для рассмотрения – гражданского дела – еще пока даже нет); на стадии подготовки дела к рассмотрению создаются необходимые условия для правильного разбирательства дела в судебном заседании или ином предусмотренном законом порядке; на стадии вынесения итогового судебного постановления гражданское дело не рассматривается, а разрешается по существу.

Подобная терминологическая неточность – использование выражения «стадии рассмотрения дела» – не столь безобидна, как может показаться на первый взгляд, поскольку способна привести к реальным последствиям негативного плана, а именно спровоцировать осуществление судами на трех названных стадиях процесса той деятельности, которая для них не характера, – деятельности, направленной на непосредственное рассмотрение дела. Например, на стадии возбуждения дела, и правоприменительная практика знает тому подтверждение, суд может через применение (конечно же, неправомерное) правил об оставлении искового заявления без движения попытаться вовлечь в дело лицо, изначально не указанное в исковом заявлении [6], или побудить истца на собирание необходимых для дела доказательств [7, с. 48]. На стадии подготовки дела негативным последствием может быть исследование судом доказательств в предварительном судебном заседании (подобные случаи в судебной практике тоже встречаются [8, с. 58]) – том заседании, которое в лучшем случае предназначено для решения вопроса лишь о достаточности доказательств (см. ст. 263 ГПК). Наконец, на этапе вынесения по делу итогового судебного постановления ошибка суда может проявиться в том, что он, обнаружив недостаточность имеющихся в деле доказательств, истребует недостающие доказательства у стороны и исследует их, не возобновляя стадию рассмотрения дела, – путем совершения данных действий непосредственно в совещательной комнате.

С учетом сказанного можно сделать вывод, что возбуждение дела, подготовку дела к рассмотрению, рассмотрение дела в судебном заседании или ином установленном порядке, вынесение по делу итогового судебного постановления нужно называть не стадиями рассмотрения дела, а другим образом. В качестве нового термина для этого возможно предложить следующий (с учетом озвученного выше предложения по изменению

наименования так называемых стадий разрешения дела) – «*этапы движения дела в пределах инстанционной стадии*» (менее удачными в этом плане ввиду своей тавтологичности являются выражения «этапы движения дела в пределах стадии движения дела по судебным инстанциям» и «этапы движения дела в пределах стадии инстанционного движения дела»).

Библиографические ссылки

1. Гражданский процесс : учебник / Т. К. Андреева [и др.] ; под ред. М. К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Городец, 2018.
2. Гражданский процесс : учеб. для студентов высших юрид. учеб. заведений / Д. Б. Абушенко [и др.] ; отв. ред. В. В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017.
3. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд. центр БГУ, 2020.
4. Скобелев В. П. Правовая природа и задачи апелляционного производства в гражданском процессе // Юстиция Беларуси. 2021. № 8. С. 16–21.
5. Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе. Минск: БГУ, 2018.
6. При установлении недостатков в заявлении (жалобе) гражданина судья в определении об оставлении документа без движения обязан указать на конкретные недостатки, препятствующие принятию заявления (жалобы), и установить срок, достаточный для их исправления. Оставление заявления без движения по основаниям, не предусмотренным законом, недопустимо [извлеч. из постановления президиума Витебск. обл. суда] // Судовы веснік. 2016. № 4. С. 53–54.
7. О практике применения судами норм ГПК, регулирующих подготовку гражданских дел к судебному разбирательству (по материалам обзора) // Судовы веснік. 2009. № 3. С. 48–54.
8. Обзор кассационно-надзорной практики Верховного Суда Республики Беларусь по гражданским делам за 2010 год // Судовы веснік. 2011. № 2. С. 52–59.

Таранова Т. С.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ НЕДЕЕСПОСОБНОГО ГРАЖДАНИНА ОГРАНИЧЕННО ДЕЕСПОСОБНЫМ

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, kgrpd@bseu.by*

Ограничение дееспособности предусмотрено практически всеми системами права. При этом самыми распространенными причинами являются душевные болезни, состояние психики и определенные

пристрастия лиц [1, с. 22–24]. Схожий подход в части регламентации причин ограничения дееспособности характерен и для белорусского гражданского законодательства.

В ст. 29, 30 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2] (ГК) установлены основания ограничения дееспособности гражданина, с учетом которых обстоятельства ограничение дееспособности гражданина можно дифференцировать на три вида: 1) злоупотребление спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, в связи с чем гражданин ставит свою семью в тяжелое материальное положение (п. 1 ст. 30 ГК); 2) психическое расстройство (заболевание), по причине которого ограничена способность гражданина понимать значение своих действий или руководить ими (п. 2 ст. 30 ГК); 3) улучшение психического состояния гражданина, который был признан недееспособным вследствие психического расстройства (заболевания), в связи с чем суд признает этого гражданина ограниченно дееспособным (п. 3 ст. 29 ГК).

Виды ограничения дееспособности связаны с их правовой целью. Такой целью в случае ограничения дееспособности гражданина, который злоупотребляет спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, является защита имущественных интересов семьи. Такое злоупотребление является основанием для ограничения дееспособности гражданина, только в случаях, если последний ставит свою семью в тяжелое материальное положение.

Целью основания ограничения дееспособности гражданина, у которого вследствие психического расстройства (заболевания) ограничена способность понимать значение своих действий или руководить ими, является защита гражданских прав и обязанностей самого гражданина. Наличие психического заболевания может существенно влиять на механизм принятия решения таким участником правоотношения. В зависимости от тяжести заболевания воля субъекта как элемент механизма принятия решения может утрачиваться, либо подвергаться деформации [3, с. 436–442].

Правовой целью признания недееспособного гражданина, если его психическое состояние улучшилось, ограниченно дееспособным, является частичное восстановление полностью утраченной способности гражданина распоряжаться своими имущественными правами и предоставление возможности самостоятельного осуществления гражданских прав в случаях, предусмотренных в законе, а в иных случаях – с помощью законного представителя.

Рассматриваемые цели могут иметь частичное совпадение в конкретных случаях. Ограничение в дееспособности гражданина охватывает защиту прав и интересов самого гражданина, членов его семьи, если гражданин проживает в семье, а также интересов общества, поскольку вследствие психического расстройства усложняется волеизъявление гражданина.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [4] (ГПК) определяет особенности рассмотрения в порядке особого производства дел о признании гражданина ограниченно дееспособным.

Особенности производства по делам о признании недееспособного гражданина ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства (заболевания) дел проявляются на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 376 ГПК судья при подготовке к судебному разбирательству по таким делам обязан назначать судебно-психиатрическую экспертизу.

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 13 «О практике рассмотрения судами дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности» [5] разъясняется, что психическое состояние гражданина определяется судебно-психиатрической экспертизой, поэтому ее назначение по делам о признании гражданина недееспособным является обязательным при наличии достаточных данных о душевной болезни или слабоумии гражданина. Данное разъяснение может быть применено лишь частично по делам о признании недееспособного гражданина ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства (заболевания), поскольку для признания лица ограниченно дееспособным закон не устанавливает в качестве необходимого требования подтверждения наличия достаточных данных о душевной болезни или слабоумии гражданина. К тому же правовой статус лица, признанного недееспособным, существенно отличается от правового статуса лица, ограниченного в дееспособности, в связи с чем вопросы эксперту должны быть направлены на выяснение восстановившихся способностей гражданина, страдающего от психического расстройства (заболевания) на предмет осуществления определенных действий самостоятельно либо с дополнительным участием попечителя.

Нормы о признании недееспособного гражданина ограниченно дееспособным относительно недавно были включены в гражданское и гражданское процессуальное законодательство, что обуславливает актуальность вопросов, связанных с их применением, на которых остановимся более подробно.

В соответствии с п. 3 ст. 29 ГК, если психическое состояние гражданина, который был признан недееспособным вследствие психического расстройства (заболевания), улучшилось, суд признает этого гражданина ограниченно дееспособным.

Исходя из анализа содержания данной нормы и п. 2 ст. 30 ГК при признании недееспособного гражданина ограниченно дееспособным над ним устанавливается попечительство. При этом данный гражданин вправе самостоятельно: 1) совершать мелкие бытовые сделки; 2) совершать сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; 3) совершать сделки по распоряжению средствами, предоставленными попечителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения; 4) получать заработок, пенсию и иные

доходы и распоряжаться ими. Совершать другие сделки такой гражданин может с согласия попечителя.

При наличии достаточных оснований суд по ходатайству попечителя либо органа опеки и попечительства может ограничить или лишить такого гражданина права самостоятельно распоряжаться своим заработком, пенсией и иными доходами (п. 2 ст. 30 ГК).

Следует отметить идентичность гражданско-правового регулирования круга прав, которые могут быть предоставлены гражданину, ограниченному в дееспособности вследствие психического расстройства (заболевания), и прав, которыми может быть наделен недееспособный гражданин ввиду признания его ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства (заболевания).

Вместе с тем нельзя не заметить различное применение факта наличия психического расстройства (заболевания), ограничивающего способность гражданина в полной мере понимать значение своих действий или руководить ими, который положен в основу алгоритма действий по ограничению дееспособности.

В первом случае (ограничения в дееспособности гражданина вследствие психического расстройства (заболевания)) данный факт устанавливается относительно гражданина, который являлся дееспособным в полном объеме, на предмет ограничения его дееспособности. Во втором – признании недееспособного гражданина ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства (заболевания) – также устанавливается наличие данного факта, но с позиции улучшения состояния гражданина, признанного недееспособным и его возможности совершать определенные действия по распоряжению гражданскими правами. Таким образом, во втором случае осуществляется трансформация состояния недееспособности в ограниченную дееспособность. На основании решения суда о признании недееспособного гражданина ограниченно дееспособным, как это следует из содержания п. 3 ст. 29, п. 2 ст. 30 ГК, над гражданином устанавливается попечительство.

Гражданин признан судом недееспособным на основании решения суда, вступившего в законную силу. Это означат, что дееспособностью гражданин не обладает, и это препятствует применению в отношении данного гражданина процессуальных правил об ограничении дееспособности. Это также означает, что ситуация признания недееспособного гражданина ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства (заболевания) требует дальнейшей конкретизации.

Остались без четкого регулирования принципиально важные процессуальные вопросы о том, наделен ли суд первой инстанции правом на отмену решения суда, которым гражданин признан недееспособным.

Например, в ситуации явки или обнаружения места пребывания гражданина, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим суду предоставлено отменять решение о признании гражданина безвестно отсутствующим либо об объявлении гражданина умершим.

В этом случае, на основании ст. 372 ГПК суд новым решением отменяет свое ранее вынесенное решение. Это решение является основанием для снятия опеки с имущества безвестно отсутствующего или для аннулирования записи акта о смерти гражданина, объявленного умершим, в книге регистрации актов гражданского состояния, а также для отмены мер по охране его имущества.

В связи с этим следует указать, что ГПК содержит норму, предоставляющую право суду пересмотреть вынесенное им судебное постановление, вынести новое судебное постановление. Согласно ст. 332 ГПК суд, вынесший судебное постановление по первой инстанции, может отменить или изменить его, а также вынести новое судебное постановление только в случаях, прямо предусмотренных ГПК. Анализ норм гражданского процессуального законодательства свидетельствует, что положений, указывающих непосредственно на право суда пересмотреть вынесенное им судебное постановление о признании гражданина недееспособным, ГПК не содержит. Иными словами, применение такого подхода потребует создания новой процессуальной нормы, позволяющей суду вынести судебное постановление об отмене решения о признании гражданина недееспособным.

Для анализа ситуации с трансформацией недееспособности в ограниченную дееспособность также следует обратиться к юридической конструкции, предусмотренной ст. 333 ГПК, предоставляющей право суду на вынесение нового решения после изменения обстоятельств по длящимся правоотношениям. Согласно указанной ст. 333 ГПК, если после вступления в законную силу решения по длящимся правоотношениям сторон (*присуждение периодических платежей и т. п.*) изменяются обстоятельства, на которых основано решение, суд по новому иску любой стороны выносит новое решение без отмены прежнего. Исходя из содержания уточнения в данной норме относительно длящихся правоотношений – присуждение периодических платежей и т. п. – законодатель указывает о длящихся обязательственных отношениях.

Возникает вопрос о возможности применения ст. 333 ГПК при вынесении судебного решения о признании недееспособного гражданина ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства (заболевания). Более того, возникает вопрос о том, относятся ли отношения, возникающие в связи с признанием гражданина недееспособным (ограниченно дееспособным) к длящимся отношениям. Представляется, что по этому вопросу потребуются разъяснения Пленума Верховного Суда.

В случае возможности применения конструкции применения ст. 333 ГПК для устранения неопределенности рассматриваемых правоотношений предлагается в случае обоснованности и удовлетворения заявленного требования о признании недееспособного гражданина ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства (заболевания) указывать в резолютивной части судебного решения, наряду с другими окончательными выводами относительно заявленных требований, также вывод об отмене недееспособности гражданина и опеки, о признании

гражданина ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства (заболевания) с установлением над ним попечительства, о круге его гражданских прав, определенных в п. 2 ст. 30 ГК.

Библиографические ссылки

1. Воронова О. Н. Расточительство как «новое» основание ограничения дееспособности граждан // Нотариус. 2020. № 7. С. 22–24.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З // Ведамасці Нац. сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.

3. Серова О. А. Ограничение дееспособности (вменяемости) лиц, страдающих психическими расстройствами: отсутствие системности норм в российском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 2. С. 436–442.

4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 1999. № 18–19. 2/13.

5. О практике рассмотрения судами дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 13 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. 2005. № 3. 6/425.

Унукович Е. А.

ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В СИСТЕМЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, unukovich@tut.by

Развитие альтернативных способов разрешения споров (далее – АРС) в Республике Беларусь в значительной степени зависит от законодательного закрепления системы гарантий реального исполнения актов соответствующих юрисдикционных органов, а также результатов урегулирования спора, достигнутых сторонами вне юрисдикционной формы.

Привлекательность АРС в значительной степени обусловлена минимальным проявлением публично-правовой составляющей, характерной для государственного правосудия. Однако именно эта составляющая позволяет обеспечить реальное исполнение актов судебных органов, в том числе и принудительное, а также допускает возможность применения мер принудительного характера со стороны уполномоченных государственных органов. По этой причине при реализации сторонами АРС важное значение имеет не только допущение принудительного исполнения решений третейских судов, международных арбитражных (третейских) судов,

медиативных соглашений, в том числе международных медиативных соглашений, но и возможность применения мер обеспечения иска и иных обеспечительных мер.

Если государственные суды вправе при необходимости распорядиться о принятии любых предусмотренных законом мер обеспечения иска в отношении предметов, находящихся как во владении сторон, так и у третьих лиц, то арбитры далеко не всегда обладают аналогичными полномочиями, и в этом заключается один из наиболее существенных недостатков арбитража [1, с. 196]. В законодательстве Республики Беларусь закрепляется возможность применения государственным судом мер обеспечения иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским судом), третейским судом (ст. 23 Закона «О международном арбитражном (третейском) суде» от 09.07.1999 г. № 279-З, ст. 30 Закона «О третейских судах» от 18.07.2011 г. № 301-З). Однако эффективность реализации указанных норм во многом зависит от степени их урегулированности в процессуальном законодательстве.

С принятием Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования судопроизводства в судах, рассматривающих экономические дела» от 01.07.2014 г. № 174-З в главе 9 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) нашли отражение вопросы обеспечения иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским), третейским судом. В Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) соответствующие изменения не вносились. Имеющийся пробел в правовом регулировании рассматриваемых вопросов в гражданском судопроизводстве будет устранен с принятием проекта Кодекса гражданского судопроизводства (далее – проект КГС). Вместе с тем хотелось бы отметить ряд проблемных вопросов, требующих своего разрешения в рамках проводимой унификации процессуального законодательства.

Следует согласиться с критической оценкой закрепления различных подходов в отношении обеспечения иска, рассматриваемого третейским судом и международным арбитражным (третейским) судом [2, с. 24]. Существующие различия в правовом регулировании Закона «О международном арбитражном (третейском) суде» и Закона «О третейских судах» не только не имеют логического обоснования, но и порождают ряд проблемных вопросов, связанных, в частности, с обращением в государственный суд состава международного арбитражного (третейского) суда. Единообразный подход должен быть обеспечен не только в вопросах процессуального законодательства, но и в регулировании вышеприведенных Законов. Полагаем, что право обращения в государственный суд с ходатайством об обеспечении иска должно предоставляться заинтересованному лицу (стороне арбитражного (третейского) разбирательства), которое при реализации указанного права должно нести связанные с подобным обращением расходы, а также риски возможной компенсации убытков, причиненных ответчику применением обеспечительных мер.

Разрешение ходатайства об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом, осуществляется в судебном заседании (ч. 2 ст. 115 ХПК), что исключает возможность оперативного реагирования суда на возможные недобросовестные действия стороны арбитражного (третейского) разбирательства. Отсутствие фактора внезапности в применении мер обеспечения иска может привести к отрицательным последствиям для заявителя. Законодателем не установлены сроки, в течение которых должно быть назначено судебное заседание по рассмотрению вопроса обеспечения иска, что также следует рассматривать в качестве недостатка правового регулирования с учетом назначения применяемых обеспечительных мер. По нашему мнению, реализация мер обеспечения иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом, должна осуществляться по общим правилам, закрепленным ч. 1 ст. 115 ХПК, без извещения лиц, участвующих в деле. И в этом случае гарантией устранения необоснованного применения мер обеспечения иска является возможность отмены обеспечения иска, обжалования определения суда о применении мер обеспечения иска, в рамках которых сторона арбитражного (третейского) разбирательства может заявить свои возражения по вопросу применения указанных мер.

Разделяя позицию о самостоятельном характере юридических дел о принятии государственным судом обеспечительных мер по спору, переданному на разрешение третейского суда (арбитража) [3, с. 82], полагаем, что в рамках правового регулирования указанной категории дел необходимо закрепить ряд процессуальных особенностей, которые не нашли своего отражения в главе 9 ХПК. Так, необходимо закрепить правила специальной родовой подсудности, определить порядок разрешения ходатайств об изменении, отмене мер обеспечения иска (в судебном заседании с извещением сторон третейского (арбитражного) разбирательства).

Также следует устранить пробелы в регулировании правового положения сторон третейского (арбитражного) разбирательства в ходе производства по обеспечению иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским судом), третейским судом. В настоящее время указанные лица не относятся законодателем к участникам хозяйственного процесса (глава 6 ХПК). Данный пробел не устранен и в проекте КГС. Детально регламентируя состав лиц, участвующих в деле, имеющих непосредственный интерес в исходе дела (ст. 55 проекта КГС), применительно к отдельным категориям дел, рассматриваемым судами, законодатель не указывает при этом дела об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским судом), третейским судом. Представляется необходимым отражение данных лиц в числе лиц, участвующих в деле, в ст. 55 проекта КГС. Подобное закрепление устранил проблемные вопросы в части реализации предоставленных процессуальным законом прав по изменению, отмене мер обеспечения иска, обжалования определений суда по вопросам обеспечения иска.

Дополнение третейского (арбитражного) разбирательства элементами государственного правосудия, в части допущения мер принудительного характера, направленных на реализацию актов третейских (арбитражных) судов, способствует повышению его эффективности. В этой части можно говорить о единой процессуальной направленности правоотношений в сфере государственного судопроизводства и способов АРС, включая арбитраж, а также о существовании общей (процессуально-правовой) цели, которая достигается в результате применения как государственных, так и негосударственных (частных) способов разрешения споров и урегулирования правовых конфликтов [4, с. 118].

Отдельно следует остановиться на возможности принудительной реализации медиативных соглашений, в том числе международных медиативных соглашений, и применения судом обеспечительных мер в рамках реализации указанной процедуры. Прежде всего следует учитывать, что речь идет о неюрисдикционной форме защиты нарушенных прав, что предопределяет особенности реализации указанных мер. Одной из важных гарантий применения сторонами медиации стало законодательное закрепление порядка выдачи исполнительного документа на основании заключенного сторонами медиативного соглашения (глава 35¹ ГПК и ст. 262¹–262³ ХПК). Дополнение процедуры медиации элементами государственного принуждения обеспечивает реальное исполнение принятых на себя сторонами обязательств.

Принудительное исполнение международного медиативного соглашения, а также применение экономическим судом обеспечения предмета международного медиативного соглашения стало возможным в связи с ратификацией Республикой Беларусь Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации, от 20.12. 2018 г. (далее по тексту – Конвенция ООН). С принятием Закона «Об изменении законов по вопросам медиации» от 06.01.2021 г. № 89-З в ХПК был закреплен процессуальный порядок выдачи исполнительного документа на принудительное исполнение международного медиативного соглашения (ст. 262¹–262³), а также была введена норма об обеспечении предмета международного медиативного соглашения (ст. 113¹).

Положительно оценивая закрепление в законодательстве Республики Беларусь гарантий исполнения международного медиативного соглашения, вместе с тем полагаем необходимым отметить на имеющиеся противоречия в рамках применения обеспечительных мер. Так, согласно ст. 113¹ ХПК суд, рассматривающий экономические дела, по ходатайству сторон, находящихся в процедуре урегулирования спора в целях заключения международного медиативного соглашения, вправе принять меры по обеспечению предмета международного медиативного соглашения по правилам главы 9 ХПК.

Сама формулировка «Обеспечение предмета медиативного соглашения» не соответствует содержанию ст. 113¹ ХПК, поскольку данной нормой применение обеспечительных мер допускается «по ходатайству сторон, находящихся в процедуре урегулирования спора в целях заключения

международного медиативного соглашения», т.е. в момент, когда соответствующее соглашение еще не заключено, что с формальной точки зрения свидетельствует об отсутствии самого объекта обеспечения. В случае заключения медиативного соглашения процедура урегулирования спора сторонами является завершенной и имеет объективно выраженный результат, позволяющий определить избираемую судом меру обеспечения предмета международного медиативного соглашения. В соответствии со ст. 2 Конвенции ООН мировое соглашение считается заключенным «в письменной форме», если его содержание зафиксировано в какой-либо форме. Требование о заключении мирового соглашения в письменной форме считается выполненным посредством представления электронного сообщения, если содержащаяся в нем информация является доступной для ее последующего использования.

В соответствии со ст. 6 Конвенции ООН, если в суд, арбитраж или любой другой компетентный орган было подано ходатайство или требование, которое касается мирового соглашения и которое может затронуть помощь, испрашиваемую согласно ст. 4 Конвенции ООН, то компетентный орган Участника Конвенции, в котором испрашивается помощь, может, если сочтет это уместным, отложить вынесение этого решения и может также по просьбе одной стороны предписать другой стороне предоставить надлежащее обеспечение. Полагаем, что в ст. 6 Конвенции ООН речь идет о допущении надлежащего обеспечения уже заключенного международного медиативного соглашения, если существуют временные ограничения в допущении его принудительного исполнения (отложение исполнения) в рамках рассмотрения судом вопроса о его принудительном исполнении.

Нельзя согласиться также с закреплением в отношении обеспечения предмета международного медиативного соглашения общих правил главы 9 ХПК. Нормы главы 9 ХПК рассчитаны на применение норм обеспечения иска, рассматриваемого в рамках установленной хозяйственной процессуальной формы либо формы третейского (арбитражного) разбирательства. Полагаем, что подобный порядок не может быть распространен на результат внеюрисдикционного порядка урегулирования сторонами спора в рамках реализации норм международного права без учета соответствующих процессуальных особенностей. Расширение сферы применения мер обеспечения иска на требования, рассматриваемые международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом, вызвало необходимость включения в главу 9 ХПК специальных норм, отражающих специфику арбитражного (третейского) разбирательства. Однако в отношении обеспечения предмета международного медиативного соглашения такие особенности не закреплены, хотя вопросов, требующих своего разрешения, возникает намного больше, чем в отношении обеспечения иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом.

Процессуальные особенности, учитывающие специфику объекта обеспечения – международного медиативного соглашения, отражены в

ст. 262¹–262³ ХПК в соответствии с положениями Конвенции ООН. Полагаем, что обеспечение предмета международного медиативного соглашения в рамках ст. 6 Конвенции ООН должно осуществляться при разрешении вопроса о допущении принудительного исполнения заключенного сторонами международного медиативного соглашения в соответствии со ст. 262¹–262³ ХПК, которые позволяют экономическому суду на основании представленных заявителем или запрошенных самим судом документов, решить вопрос о выполнении требований Конвенции ООН с учетом специфики объекта обеспечения.

Библиографические ссылки

1. Брунцева Е. В. Международный коммерческий арбитраж: учеб. пособие для высших юридических учебных заведений. СПб.: Издательский дом «Сентябрь», 2001.

2. Каменков В. С. Меры по обеспечению иска в третейском суде // Юстиция Беларуси. 2021. № 2. С. 22–25.

3. Рожкова М. А. Средства и способы защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006.

4. Международный коммерческий арбитраж: учебник / науч. ред.: О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов; отв. ред. Т. А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. (Библиотека журнала «Третейский суд». Вып. 9).

Ясинская-Казаченко А. В.

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, Angelina_jas@mail.ru*

Начнем с подхода к соотношению категорий «правовой конфликт» и «правовой спор». В его концепции разделяются понятие «фактический конфликт», в состав которого входят спор о факте, процессуальные стадии, регламентированные нормами права, и понятие конфликта в «собственно юридическом смысле» [1, с. 80]. М. Ю. Бутневой сделан вывод, который может быть поддержан в части того, что под спором о факте следует понимать взаимоисключающие утверждения заинтересованных лиц о его наличии или правовом значении, при рассмотрении дела в особом производстве возможно разрешение спора о факте, который отнюдь не во всех случаях приводит к возникновению спора о праве, рассмотрение судом спора о факте не свидетельствует о спорности особого производства, а осуществляемая заявителем и заинтересованными лицами обязанность по доказыванию носит процессуальный характер и адресована суду. Что же касается фактических отношений, то они возникают не в связи с фактом

нарушения какого-либо права, поскольку это право еще не установлено, его еще нет, но, возможно, оно появится, если факт будет установлен судом, а в связи с тем, что интересы сторон противоречат друг другу [2, с. 20]. Большое внимание исследованию спора о праве как предмете судебной деятельности, соотносению материальной и процессуальной природы его понимания уделял в своих трудах П. Ф. Елисейкин [3].

Позиция ученых о том, что спор о праве возникает до процесса по его разрешению, высказывалась Р. Е. Гукасяном, И. М. Зайцевым, М. А. Рожковой и др. [4, с. 37]. М. А. Вукот отмечает: «Если ни одна из сторон не может своей властью прекратить правовой конфликт и тем самым защитить свои права или интересы, налицо юридический спор. Остается только посредством иска передать его на рассмотрение и разрешение суда» [5, с. 68]. И. А. Жеруолис указывал, что спор о праве возникает как материально-правовое явление, иногда перерастающее в процессуальное понятие [6, с. 93]. При этом материально-правовое понимание «трудовой спор» сводится к тому, что спор существует до обращения в юрисдикционный орган за защитой прав и законных интересов. В качестве аргументации этой позиции можно привести положения ч. 1 ст. 379 Трудового кодекса Республики Беларусь, где возникновение коллективного трудового спора не связано с обращением в юрисдикционный орган. В этой части необходимо отметить, что на материально-правовую природу трудовых споров указывал П. Е. Морозов, выделяя мысль о том, что в настоящее время в науке трудового права признанной является концепция «динамики возникновения трудового спора», вместе с тем, по его мнению, эта концепция уже является архаичной и требует своего реформирования [7, с. 107]. Итак, *материально-правовое понимание* природы трудового спора может существовать и в рамках фактических отношений между сторонами.

Таким образом, трудовой спор имеет, как минимум, два вида толкования: отношения по поводу разногласий и сами разногласия. Первое значение является скорее доктринальным и описывает трудовой спор как взаимодействие сторон. Второе значение отражает суть таких легальных понятий, как «спор, возникающий из трудовых отношений», и «трудовой спор о праве». *Процессуально-правовое понимание* природы трудового спора подразумевает, что спором являются только те разногласия, которые переданы на рассмотрение уполномоченных органов. Исходя из процессуального понимания, А. А. Сапфорова предлагает два правовых механизма защиты трудовых прав в зависимости от их формы:

- а) процедурный правовой механизм защиты трудовых прав;
- б) процессуальный правовой механизм защиты трудовых прав [8, с. 17].

Переходя к классификации трудовых споров, отметим, что Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) устанавливает основную группировку трудовых споров, которую можно представить в виде деления на индивидуальные и коллективные, что собственно и отражено в ТК, и не только посредством закрепления определения понятий индивидуального и

коллективного трудового спора, но и существенно отличающегося порядка их разрешения.

Что касается научной классификации юридических фактов, как такого тонкого инструмента проникновения вглубь, в существо свойственных разрешению трудового спора закономерностей, то дело, конечно, не в том, чтобы обязательно классифицировать своеобразные трудносопоставимые процедурно-процессуальные производства и формы, а в том, чтобы такая классификация служила средством решения научных и практических задач [9, с. 24, 97], пониманию предмета трудового спора. При классификации юридических фактов применительно к спорам вообще и трудовым спорам в частности в таком ситуационном подходе многие понятия науки процессуального права могут получить новую, плодотворную интерпретацию, как и сама категория юридического спора. И. М. Зайцев обоснованно подчеркивает конфликтную природу правового спора, показывает значение процесса как средства разрешения конфликта [10, с. 6–17].

Н. С. Пилипенко подчеркивается, что классификация ...трудовых споров должна отражать специфику разрешения и процессуальную особенность их рассмотрения. Подразделение споров по такому критерию, как вид правоотношения, в связи с которым он возникает, способствует уяснению юридической природы трудового спора и определению его подведомственности, деление в зависимости от института (субинститута) имеет значение при определении процессуального порядка разрешения спора [11, с. 12].

Предмет спора является одним из оснований для их классификации *«по содержанию»*. В связи с этим предлагается обратиться к разделению трудовых споров на споры о праве и споры об интересе. В первом случае («споры о праве») осуществляются только защита и восстановление нарушенных прав, во втором («споры об интересе») приобретаются новые или изменяются уже существующие трудовые права [12, с. 37]. Подчеркнем, что помимо указанного и принятого для данной классификации терминологического аппарата встречается также иная лексема. Так, А. М. Куренной пишет о спорах права и спорах интересов, о спорах, возникших из конфликта интересов, когда юридических прав ни у одной стороны еще не возникло. Иногда такие споры называют экономическими, подчеркивая их неправовой характер. Споры юридического характера (споры права) возникают в случае невыполнения работодателем условий коллективного договора либо соглашения. При этом важно иметь в виду, что на практике содержание коллективно-договорного акта иногда бывает шире, чем достигнутые договоренности сторон [13].

Также встречается деление на конфликты интересов или экономические трудовые споры и конфликты права или юридические трудовые споры [14, с. 61]. Итак, классификация трудовых споров на споры о праве и споры об интересе позволяет правильно понять правовую природу, основания их возникновения, что предоставляет возможность определить эффективные способы их разрешения. Разграничение между трудовыми спорами о праве и

спорами об интересе, как мы показали, проводится по предмету спора. При этом под спорами о праве понимаются разногласия о применении норм трудового права и условий трудового или коллективного договора, соглашения, соответственно под спорами об интересе понимаются споры об установлении и изменении условий труда [4, с. 32].

Верным считается наличие еще одного подхода к классификации – деление трудовых споров на исковые и неисковые, в соответствии с которым, по мнению И. О. Снигиревой, споры о применении установленных условий труда носят исковый характер, поскольку это споры о восстановлении нарушенного права или законного интереса, рассматриваемые на основании соответствующего заявления (иска) юрисдикционными органами ..., а споры об установлении условий труда – споры неискового характера, так как здесь речь идет не о восстановлении нарушенного права или законного интереса, а об установлении нового права [15, с. 433].

В целом соглашаясь с этим подходом, Е. С. Герасимова утверждает, что споры о невыполнении коллективных договоров разрешаются в неисковом порядке, подчеркивает, что в ряде случаев законодательство узко определяет предмет коллективного трудового спора (и, соответственно, забастовки), что не позволяет работникам использовать эти механизмы для разрешения возникающих проблем [16, с. 60]. Поддерживаем также мнение Н. Л. Лютова, что правильным является подход И. О. Снигиревой, понимающей под исковой процедурой все виды требований об устранении нарушения права, закрепленного любым способом [17, с. 58]. Общее замечание касается того, что не происходит отождествление исковых споров и споров о праве, а также неисковых споров и споров об интересе, однако их не следует разграничивать, поскольку споры об интересе все же могут быть отнесены к судебной подведомственности.

Таким образом, классификация трудовых споров, за исключением классификации на индивидуальные и коллективные, носит чисто субъективный характер. Вместе с тем ряд из них приобрели аксиоматичный характер – споры в зависимости от института (субинститута), споры о праве и об интересе, исковые и неисковые, споры, охраняемые и не охраняемые правом, классификация в зависимости от спорного правоотношения. Представляется, что эти классификации не соответствуют трудовому праву и гражданскому процессуальному законодательству.

Для того чтобы определиться с материальной и процессуальной природой понимания трудовых споров, следует уяснить, в чем заключается суть различий и практическое значение: в зависимости от момента возникновения спора. Представляется, что в зависимости от этого момента возникновения решается вопрос о том, может ли спор быть разрешен во внепроцессуальном порядке или нет. Обратимся к ч. 2 ст. 233 ТК, в которой указывается, что индивидуальные трудовые споры рассматриваются: комиссиями по трудовым спорам и судами. Исходя из буквального толкования этой статьи, можно сделать вывод, что индивидуальный трудовой спор не может быть разрешен в ином порядке. При этом содержание ч. 2,

ст. 233 ТК входит в противоречие с отдельными положениями ТК. В дополнение к названным, в том числе иным формам, может быть применена нотариальная форма защиты нарушенных прав.

Так, нотариус с соблюдением порядка и условий, предусмотренных законодательным актом, совершает исполнительные надписи о взыскании начисленной, но не выплаченной работнику заработной платы (п. 1 Указа «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» от 11 августа 2011 г. № 366 в редакции от 28 октября 2021 г. № 424). Также нотариус вправе выступать примирителем в примирительной процедуре, медиатором в медиации и придании медиативному соглашению свойства исполнимости после его нотариального удостоверения или третейским судьей при рассмотрении дел третейскими судами (ч. 2 ст. 26 Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» от 18 июля 2004 г. № 305-З в редакции от 5 января 2022 г. № 147-З). Таким образом, по существу, устанавливается прогрессивная модель нотариальной формы защиты нарушенных прав работников.

Нормы ст. 241 ТК отвечают на вопрос, какие индивидуальные трудовые споры рассматриваются в судах, хотя ответ на данный вопрос не является исчерпывающим в связи с тем, что существуют трудовые споры, которые могут быть рассмотрены и разрешены в судебном порядке, и в чистом виде не являются ни индивидуальными, ни коллективными, что вытекает из содержания Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и ТК. Такой вывод можно сделать из системного анализа положений гражданского процессуального законодательства, в частности, это нормы ст. 313 (ч. 1, п. 4²) ГПК, определяющие напрямую решения, которые подлежат немедленному исполнению, случаи немедленного исполнения и придания законной силы актам, к ним относятся дела о признании забастовки незаконной (ст. 395 ТК).

Пополняя далее перечень дел, подведомственных суду, связанных с коллективным трудовым спором, следует отметить, что имеется производство по заявлению об отмене решения трудового арбитража (гл. 34² (ст. 458⁶–458¹⁰) ГПК). При этом суд, рассматривая вопросы законности решений трудового арбитража и реализации права работников на забастовку, не рассматривает требования работников об установлении, изменении социально-экономических условий труда и быта работников, заключения, изменения, дополнения, исполнения либо прекращения коллективных договоров, соглашений. В связи с этим дела об отмене или об отказе в отмене решения трудового арбитража и о признании забастовки незаконной или об отказе в признании ее незаконной относятся к спорам, возникающим из отношений по разрешению коллективных трудовых споров, т. е. помимо индивидуальных трудовых споров судам могут быть подведомственны дела, связанные с разрешением коллективных трудовых споров.

Анализ законодательства о труде показывает, что имеются основания говорить о наличии *коллизии регулирования трудовых отношений* только в следующих случаях: возникновение, изменение, расторжение и

прекращение трудовых отношений, а также о спорах, вытекающие из них, если в качестве заинтересованного задействован правопорядок Республики Польша или Социалистической Республики Вьетнам (на основании двусторонних договоров о правовой помощи). В остальных же случаях должен применяться правовой императив, сформулированный в ст. 3 ТК. В этом смысле можно с интересом воспринять мнение М. В. Мещановой о том, что с целью дифференциации норм законодательства о труде, а также оснований классификации трудовых споров и их систематизации, необходимо дополнить ТК разделом V¹ «Применение законодательства о труде Республики Беларусь к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Применение законодательства о труде иностранных государств и международных договоров» с включением в него двух коллизионных норм, регулирующих выбор права сторонами трудового договора, а также определение права, подлежащего применению к трудовому договору при отсутствии соглашения сторон о выборе права [18, с. 15, 25–26].

Представляется, что спор имеет, как минимум, два вида толкования: разногласия и отношения по поводу разногласий. Первое значение является скорее доктринальным и описывает трудовой спор как взаимодействие сторон. Второе значение отражает суть таких легальных понятий, как «спор, возникающий из трудовых отношений» и «трудовой спор о праве». Логично классификацию в зависимости от спорного правоотношения заменить на классификацию в зависимости от трудовых отношений и иных отношений, непосредственно связанных с ними отношений в виде: профессиональной подготовки работников на производстве; деятельности профсоюзов и объединений нанимателей; ведения коллективных переговоров; взаимоотношений между работниками (их представителями) и нанимателями; обеспечения занятости; надзора за соблюдением законодательства о труде; государственного социального страхования и рассмотрения трудовых споров.

Хотя здесь есть и ограничение – речь идет о специальных субъектах. В связи с этим предлагается включить в ст. 86 ГПК право профессиональных союзов на обращения в суд с заявлением в защиту прав и охраняемых законом интересов их членов по спорам, вытекающим из трудовых отношений, а также по спорам, вытекающим из иных, непосредственно связанных с трудовыми отношениями, исходя из перечня ч. 1 ст. 4 ТК.

Существующие пробелы правового регулирования трудовых споров позволяют заключить, что требуется обновленный научный подход к их решению, базирующийся на принципах системного анализа, и определить меру неупорядоченности в системе *движения трудового спора*. В частности, существуют трудовые споры, которые могут быть рассмотрены и разрешены: при участии нотариуса в нотариальной деятельности; или в судебном порядке ст. 313 (ч. 1, п. 4²) и гл. 34² (ст. 458⁶–458¹⁰) ГПК: или при наличии коллизионного регулирования трудовых отношений.

Библиографические ссылки

1. Куницына И. В. Спор в праве и процессуальные способы его разрешения : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Саратов. гос. юрид. акад. Самара, 2014.
2. Бутнева М. Ю. К вопросу о соотношении спора о факте и спора о праве, а также особенностях реализации обязанности по доказыванию в особом производстве // Проблемы гражданского права и процесса. 2018. № 8. С. 96–111.
3. Елисейкин П. Ф. Судебное установление юридических фактов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Юрид. фак. Л., 1960.
4. Барышников П. С. Гражданское судопроизводство по трудовым спорам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Саратов. гос. юрид. акад. Саратов, 2017.
5. Вкут М. А., Зайцев И. М. Гражданский процесс России : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : Юристь, 1999.
6. Жеруолис И. А. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс : Минтис, 1969.
7. Морозов П. Е. Методология научного исследования в сфере трудового права : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017.
8. Сапфинова А. А. Правовые механизмы предупреждения нарушений трудовых прав и их несудебной защиты : монография. Краснодар : ХОРС, 2018.
9. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. Репринтное воспроизведение изд. 1984 года. М. : Норма, Инфра-М, 2017.
10. Зайцев И. М. Хозяйственный спор и арбитражный процесс: Вопросы теории. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982.
11. Пилипенко Н. С. Правовое регулирование досудебного рассмотрения индивидуальных трудовых споров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Минск, 2015.
12. Ханукаева Т. Э. Трудовые споры о праве: сравнительный анализ правовых норм Российской Федерации и зарубежных государств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. М., 2017.
13. Куренной А. М. Правовое регулирование коллективных трудовых споров : науч.-практ. пособие. М. : Юстицинформ, 2010.
14. Костян И. А. Индивидуальные трудовые споры и гарантии их разрешения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2000.
15. Трудовое право : учебник / Н. А. Бриллиантова [и др.] ; под ред. О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой, Н. Г. Гладкова ; Образовательное учреждение профсоюзов высш. проф. образования «Акад. труда и социальных отношений». 5-е изд., перераб. и доп. М. : РГ-Пресс, 2016.
16. Герасимова Е. С. Коллективные трудовые споры, забастовки и протесты в России: влияние законодательства и правоприменительной

практики на их распространенность и применение // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 55–65.

17. Лютов Н. Л. Коллективные трудовые споры: сравнительно-правовой анализ. М. : Проспект, 2007.

18. Мещанова М. В. Система международного частного права Республики Беларусь : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Минск, 2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алфимова Александра Сергеевна – аспирант Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Бесецкая Наталья Александровна – доцент кафедры гражданского права Полоцкого государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Болохонов Борис Сергеевич – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Вашебрович Марина Геннадьевна – старший преподаватель кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, магистр юридических наук.

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Евменчикова Ольга Алексеевна – старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Здрок Оксана Николаевна – профессор кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Иванова Диана Владимировна – доцент кафедры права интеллектуальной собственности юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Кирвель Ирена Юзэфовна – доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

Колядко Иван Николаевич – профессор кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Короткевич Мария Павловна – доцент кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Липская Светлана Александровна – магистрант юридического факультета Белорусского государственного университета.

Лободин Павел Олегович – преподаватель кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета, юрист компании Innowise Group, магистр юридических наук.

Матюк Вячеслав Викторович – старший преподаватель кафедры общепрофессиональных и специальных юридических дисциплин УО БГСХА, соискатель кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор.

Прибытко Анатолий Александрович – аспирант кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета, ведущий юрисконсульт ЗАО «СЕВЗАПМОНТАЖАВТОМАТИКА», магистр юридических наук.

Рапян Юрий Хачатурович – аспирант кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Романова Ольга Николаевна – заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Синюк Екатерина Викторовна – старший преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по заочному обучению, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Таранова Татьяна Сергеевна – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор.

Унукович Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Ясинская-Казаченко Анжелика Васильевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Романова О. Н., Рапян Ю. Х., Синюк Е. В.</i> ИВАН НИКОЛАЕВИЧ КОЛЯДКО – ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....	3
<i>Алфимова А. С.</i> ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ: ИЗБЫТОЧНЫ ЛИ ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ РОССИЙСКИМ ЗАКОНОМ МЕХАНИЗМЫ?	9
<i>Бесецкая Н. А.</i> К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ПРАВИЛ СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ.....	14
<i>Болохонов Б. С.</i> ВИДЫ ПРОИЗВОДСТВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В НОВОМ КОДЕКСЕ	20
<i>Ващебрович М. Г.</i> ОСОБЕННОСТИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ	25
<i>Данилевич А. А.</i> ФОРМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ	28
<i>Евменчикова О. А.</i> ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ ИММУНИТЕТА ГОСУДАРСТВА	29
<i>Здрок О. Н.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ	35
<i>Иванова Д. В.</i> ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРАВО НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	39
<i>Кирвель И. Ю.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ПРОЕКТЕ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	42
<i>Колядко И. Н.</i> КОДЕКС ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ИТОГ И ЭТАП СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ.....	49
<i>Короткевич М. П.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМЕЙНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ	57

<i>Липская С. А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ СУДЬИ-РОБОТА В ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС.....	63
<i>Лободин П. О.</i> ИСКИ О ВЗЫСКАНИИ ВАЛЮТНОГО ЭКВИВАЛЕНТА: ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА	68
<i>Мартыненко И. Э.</i> РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	71
<i>Матюк В. В.</i> ПРОЕКТ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ.....	75
<i>Прибытко А. А.</i> ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	80
<i>Рапян Ю. Х.</i> ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ДОКАЗЫВАНИЮ ПО ДЕЛАМ ОБ ОБЖАЛОВАНИИ (ОСПАРИВАНИИ) ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ.....	83
<i>Романова О. Н.</i> ИНСТИТУТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В ПРОЕКТЕ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	90
<i>Синюк Е. В.</i> ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ИНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	98
<i>Скобелев В. П.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДЕЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА НА СТАДИИ	102
<i>Таранова Т. С.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ НЕДЕЕСПОСОБНОГО ГРАЖДАНИНА ОГРАНИЧЕННО ДЕЕСПОСОБНЫМ.....	107
<i>Унукович Е. А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В СИСТЕМЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА	112
<i>Ясинская-Казаченко А. В.</i> ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	117
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	125